
ОГОНЁК
МАРТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Внимание! Снимает «Мосфильм»!
Д. Горюнов—
ЗДРАВСТВУЙ, КУБА!
Михаил Коршунов—
КРЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 13 (1762)

26 МАРТА 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Выпускники Сталиногорского технического училища № 3 проходят практику на строительстве Белоярской атомной. В ц е н т р е: Дмитрий Ломтев.

ТАКОЙ ГРАФЫ

← Бригадир комплексной бригады Василий Морозов.

→ Комсомолец Виктор Несвит пришел на стройку в июне прошлого года после службы в армии. Сейчас Виктор работает в комплексной бригаде монтажников, а по вечерам занимается в музыкальной школе.

↓ Вся семья Кахно учится. Николай (в ц е н т р е), бригадир первой на стройке бригады коммунистического труда, занимается на 2-м курсе вечернего строительного техникума Его брат Василий, шофер, посещает тот же техникум. Их сестра Анастасия — мотористка, ученица 9-го класса вечерней школы.

Белоярская атомная! Встали мощные стены, уложен бетон биологической защиты в перекрытия реакторного цеха, над ним возводится вентиляционный центр...

В плановом отделе ведется строгий учет работ, для каждой цифры своя графа. На разлинованных страницах записаны сначала сотни, затем тысячи, десятки тысяч кубометров монолитного и сборного бетона, железобетона. Подсчитана выработка бригад. Только нет графы, где бы стояло: температура в тот день была —30°, а на высоте 14-этажного дома, где работали монтажники, сила ветра достигала пяти баллов. Да и не поместится ни в какую графу рассказ о мужественном труде, о дружбе большого коллектива.

...Когда комплексная бригада Виктора Паршева начала подготовку к бетонированию перекрытия реакторного, времени до срока оставалось немного. Работа сложная, к тому же на 43-метровой высоте.

На помощь пришла соревнующаяся бригада Николая Кахно — бригада коммунистического труда.

На ледяном уральском ветру, крепясь поясами, рабочие вставляли 20-метровые металлические стержни, устанавливали вокруг блоков тепляк, поднимали калориферы... Работы были завершены в срок.

Непрерывным потоком идут на промышленную площадку строительства машины с раствором бетона, лесом, железобетонными изделиями и металлоконструкциями. Некоторые машины заворачивают к спецводоочистке, на сооружении которой работает бригада Василия Морозова. Большую школу прошел этот коллектив на Белоярской атомной. Чтоб стать бетонщиками-монтажниками, надо было научиться читать чертежи, мастерски производить не только плотницкие, арматурные и бетонные работы, но и овладеть электросваркой. Бригада освоила все это и завоевала славу лучшего коллектива по «ювелирному» бетонированию. Ей поручаются самые сложные, тонкостенные конструкции атомной электростанции. Вот и сейчас бригада Морозова ведет бетонирование в блоках, заполненных сложнейшим переплетением арматуры. Чтобы уплотнить бетон под каньонами, нередко приходится снимать с себя зимнюю спецодежду: иначе в эти «коробушки» не протиснуться.

НЕТ

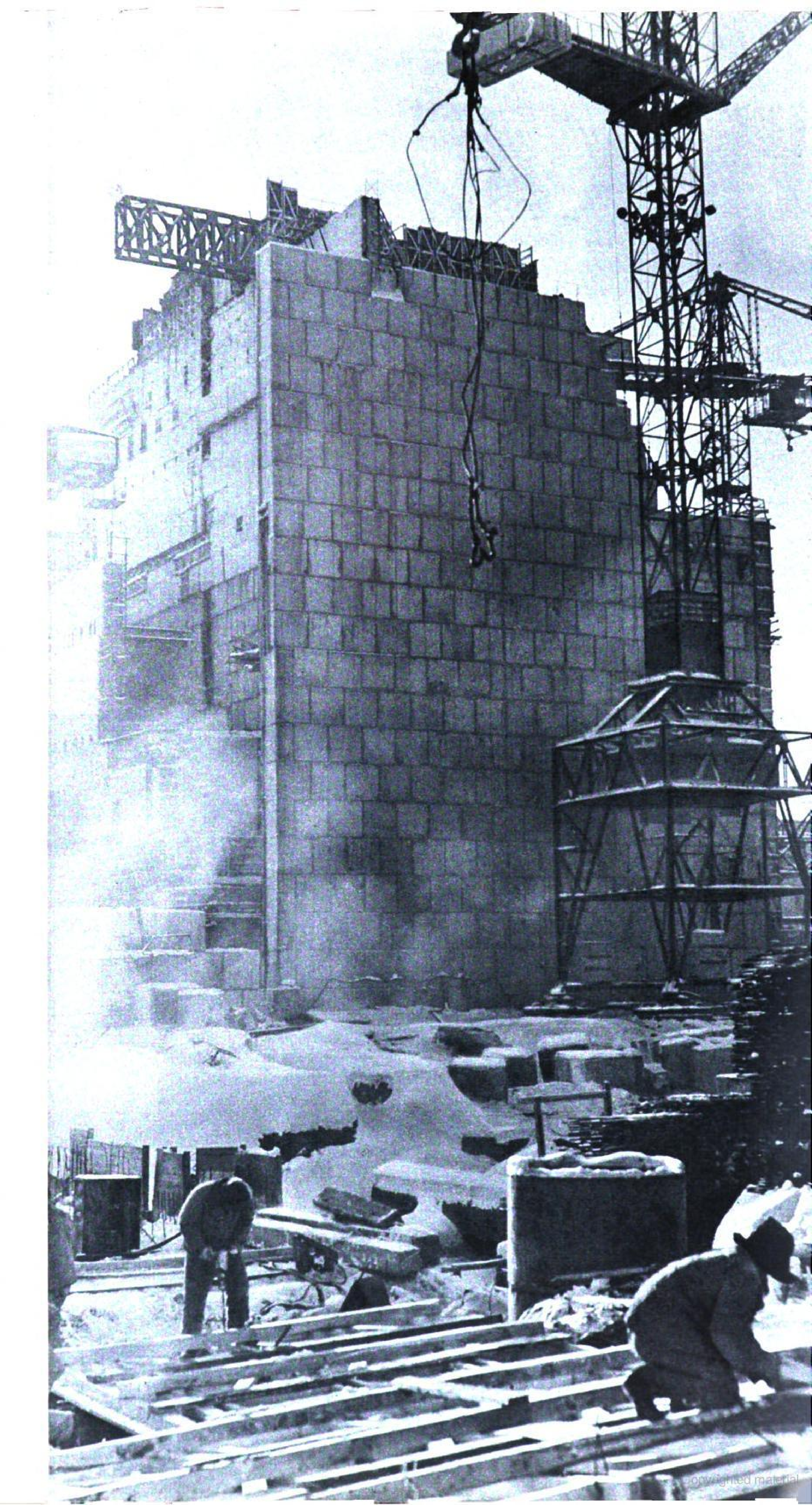
Каких только специальностей нет на строительстве Белоярской атомной! Работают здесь и рентгенологи. Нет, нет, вовсе не в поликлинике. Сварщики ведут сварку, а рентгенологи, просвечивая швы, проверяют их качество.

...Рабочий день закончен. Автобусы и большие крытые машины доставляют рабочих в их красивый, благоустроенный поселок. Наступает время отдыха и учения. В домах включаются радиоприемники и телевизоры, вспыхивают электрические огни в окнах зданий вечернего техникума, вечерней средней школы, университета культуры и музыкальной школы для взрослых, курсов по подготовке в вузы. Редко найдешь здесь рабочего, владеющего только одной профессией. Каждый стремится освоить две-три смежные специальности, чтобы всегда можно было помочь товарищу, заменить его в случае необходимости. Только за прошлый год 826 человек приобрели новые профессии!

И снова за цифрой встает то, для чего графы нет,— высокое чувство товарищества, целеустремленность и большая энергия.

А. ХИТРОВА

Фото А. ГОРЯЧЕВА.

Воздвигается реакторное отделение Белоярской атомной электростанции.

→

КРАЙ НЕСМ
БОГАТ

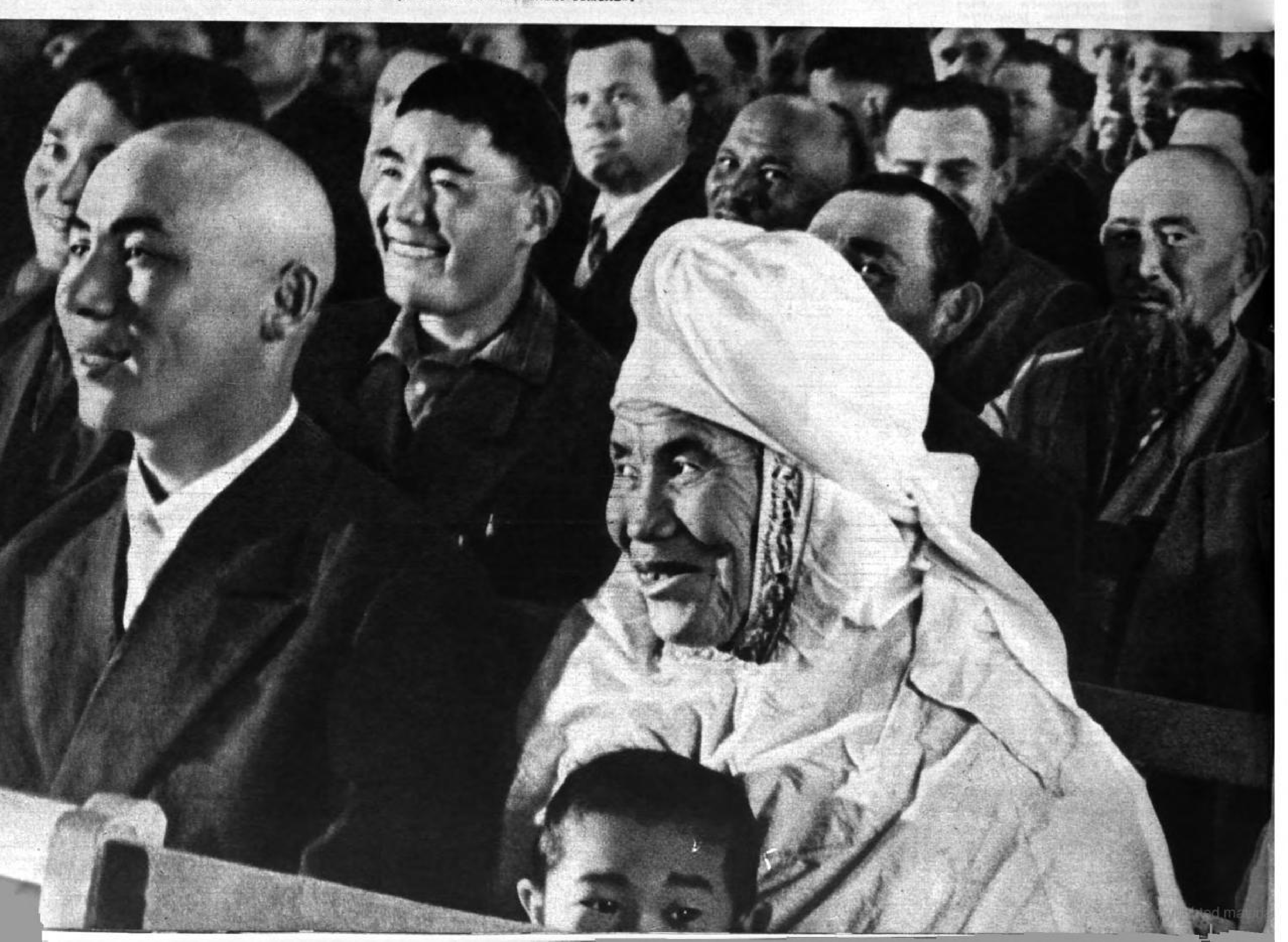
Казахстан... На географических картах дореволюционной России не было этого названия. Всю огромную территорию нынешней республики, простирающейся на тысячи километров, называли степным краем, который населяли кочевые племена. Неузнаваемо изменилась родина казахов за годы Советской власти. В недрах республики найдены самые разнообразные полезные ископаемые, на неоглядных степных просторах выросли современные города,— недаром Казахстан зовут краем новоселов. Освоение целинных земель превратило республику во вторую зерновую базу страны после Российской Федерации.

Казахский народ сердечно принимал дорогого гостя — Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

Никита Сергеевич побывал в совхозе «Рославльский», возникшем в первые месяцы всенародного наступления на целину; встретился с учеными, посетив республиканскую Академию наук; участвовал в совещании по вопросам сельского строительства.

20 марта в Алма-Ате открылось совещание передовиков сельского хозяйства республики. Здесь собрались полеводы, чабаны, гуртоправы, механизаторы, садоводы, виноградари. Они обсуждали меры дальнейшего подъема земледелия и животноводства в Казахстане. На совещании с большой речью выступил Никита Сергеевич Хрущев.

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев вручает Н. С. Хрущеву медаль «За освоение целинных и залежных земель».

ЕТНЫХ СТВ

Президиум Верховного Совета Казахской ССР, Совет Министров Казахстана и ЦК Компартии Казахстана решили соорудить в республике монумент в честь героев освоения целины и учредить республиканскую «Золотую книгу». Первым в нее будет внесено имя Н. С. Хрущева.

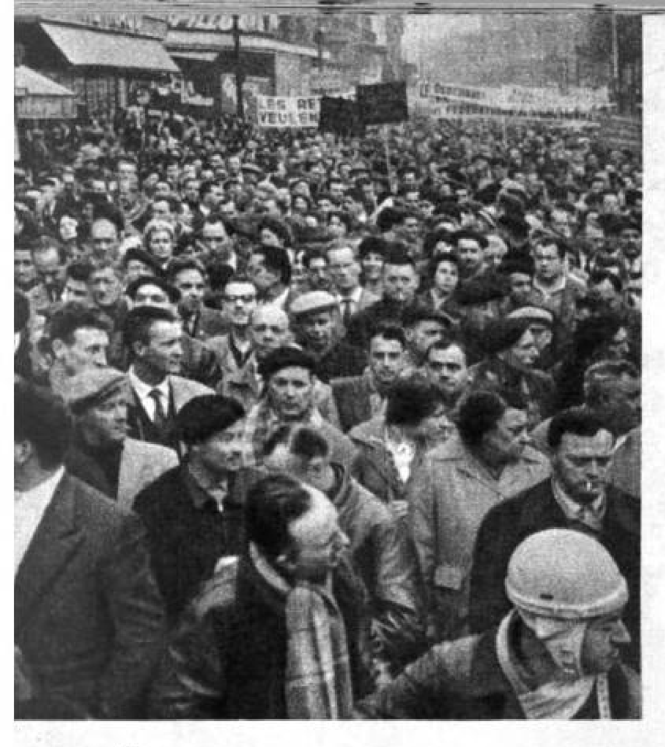
Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР Н. С. Хрущев награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель». Эта медаль была вручена Никите Сергеевичу на заключительном заседании совещания передовиков сельского хозяйства Казахстана. Товарищ Хрущев тепло поблагодарил руководителей республики, всех участников совещания за почетную награду.

На станции Отар целинники тепло встретили Н. С. Хрущева.

Фото А. Новикова.

В Доме культуры совхоза «Рославльский» на встречу с дорогим гостем собрались сотни рабочих, специалистов совхоза, колхозники из соседних районов.

Франция:

Миллион бастующих

Этот день, 14 марта, запомнит Париж. Десятки тысяч трудящихся вышли на улицы города. Государственные служащие Франции проводили 24-часовую забастовку, требуя повышения заработной платы. В настоящее время их заработок не превышает половины прожиточного минимума, установленного официальной статистикой.

Городское хозяйство Парижа и многих других городов было фактически парализовано забастовкой, в которой участвовало около миллиона государственных служащих.

Н а с н и м к а х:

В в е р х у: демонстрация бастующих парижан. В н и з у: забастовщики возле Луврского дворца, где находится министерство финансов.

Фото агентства Кейстон.

ГЕРОЙ АФРИКИ

Знакомое лицо смотрит с обложки книги. Лицо человека, горячо любившего свою родину, мужественно боровшегося за ее счастье, отдавшего жизнь в этой борьбе.

«Патрис Лумумба. Правда о чудовищном преступлении колонизаторов» — так называется сборник документов, выпущенный Союзом журналистов СССР.

В книге публикуются послание Н. С. Хрущева премьер - министру Индии Дж. Неру и другие документы, свидетельствующие о том, что Советский Союз с первого дня существования Республики Конго неизменно поддерживал справедливую борьбу конголезских патриотов за укрепление своего государства, против происков колонизаторов.

Нельзя без волнения читать речи и выступления Патриса Лумумбы, его письма, стихи, проникнутые чувством сыновней любви к многострадальной Африке, верой в ее будущее.

Со страниц сборника звучат гневные слова протеста против чудовищного злодеяния, совершенного колонизаторами. Политические и государственные деятели, печать многих стран мира клеймят позором убийц и их пособника-лицемера Хаммаршельда.

Закрываешь книгу, и в памяти вновь встает образ Патриса Лумумбы. Еще и еще раз повторяешь слова, написанные героем Конго в Тисвильской тюрьме незадолго до гибели:

«Настанет день, и история скажет свое слово. Но это будет не та история, которую будут преподавать в Брюсселе, Париже, Вашингтоне или в ООН. Это будет история, которую будут учить в странах, освободившихся от колониализма и его марионеток. Африка напишет свою собственную историю, и это будет на севере и юге Африки,— история славы и достоинства».

«ВОН!» — требует Шотландия

Американская военщина продолжает «обживать» шотландский залив Холи-Лох. Вслед за «Протеем», базой для подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис», к берегам Шотландии начинают прибывать и сами подводные лодки. Вот первая из них — «Патрик Генри», пришвартовавшаяся у борта «Протея» (верхний снимок).

Американские корабли держатся на рейде, подальше от берега. А те члены экипажей, которые отваживаются выйти в город, получают от своих прогулок не очень-то много удовольствия.

В самом деле, вряд ли этому американскому моряку (снимок справа) приятно, что за ним по пятам следует шотландец с плакатом, на котором написано: «Убирайтесь! Никаких «Поларисов» здесь»...

А эти матросы с «Протея» (нижний снимок)? «Янки, го хоум,— кричали им демонстранты.— Мы не хотим «Поларисов»!» Американцам пришлось поспешно ретироваться, сообщает корреспондент Юнайтед Пресс Интернейшнл.

На берегах Холи-Лох продолжается битва против угрозы новой войны, битва за то, чтобы всегда было мирным небо над Шотландией.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Советский Союз посетила миссия дружбы и доброй воли Республики Мали во главе с министром внутренних дел и информации Мадейра Кейта. 18 марта в Кремле состоялось подписание советско-малийских документов: соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, торгового соглашения, соглашения о культурном сотрудничестве и плана культурного обмена на 1961 год.

Документы подписали: министр внутренних дел и информации Республики Мали Мадейра Кейта, министр СССР М. А. Лесечко, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Г. А. Жуков.

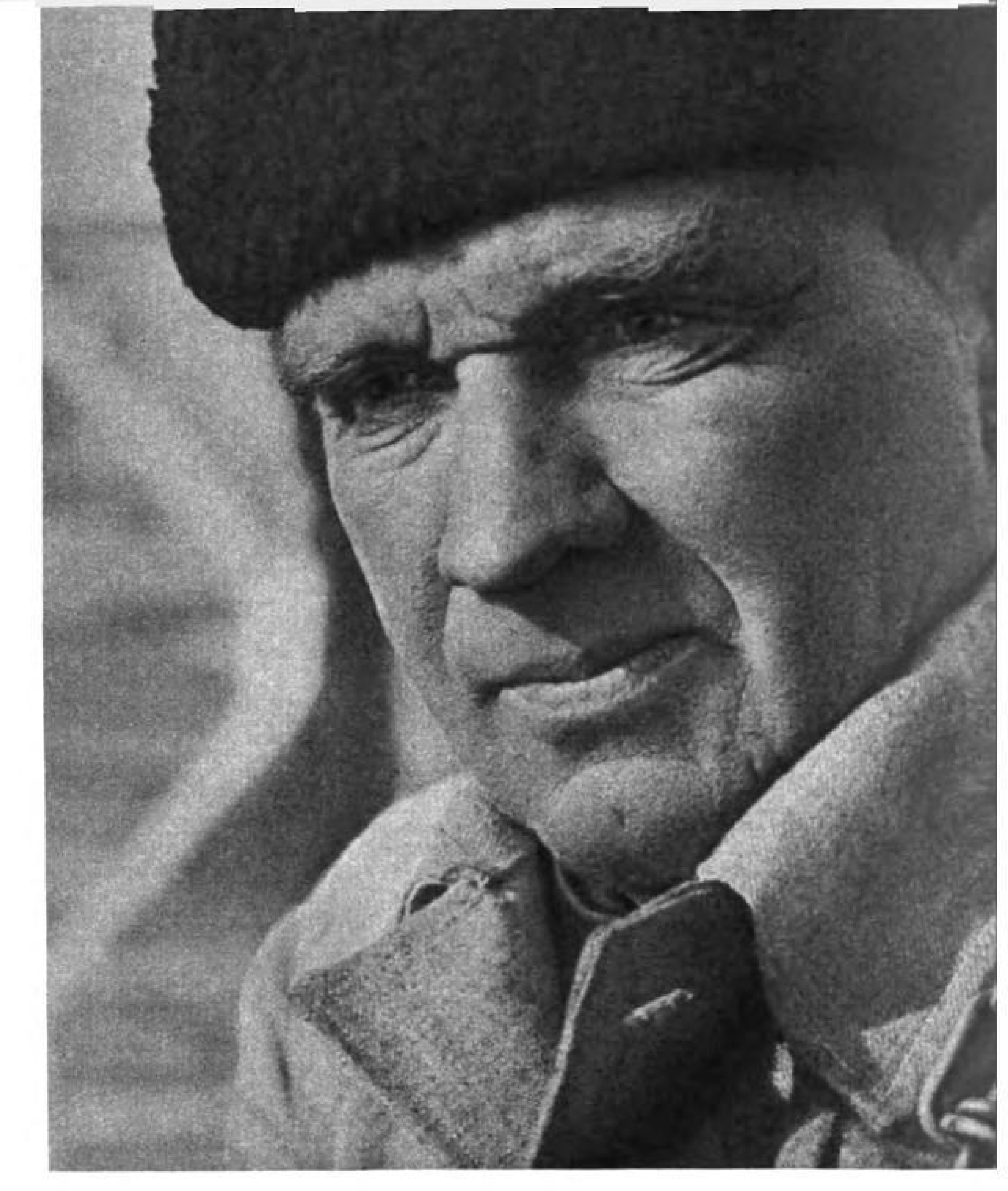
Н а с н и м к е: момент подписания документов.

Фото В Егорова (ТАСС).

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Одна на всю жизнь

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Л. Бородулина.

Иван Степанович Начинов.

Ей было всего девятнадцать лет, когда она приехала в Нижний Тагил. Ему — под тридцать. У нее не было никакой профессии: ведь всякие домашние работы по хозяйству, которые она справляла в чужих семьях, не настоящее, считала она, дело. А он был еще тогда хорошим клепальщиком-монтажником. Его прислали, как говорили, на сооружение вагоностроительного завода из самой Москвы. Может быть, поэтому он представлялся ей не менее далеким, чем высокие звезды над уральскими горами. Первое знакомство лишь усилило это впечатление.

Вел-вел ее прораб от конторки, мимо рельсов и листов железа, положенных друг на друга штабелями, и остановился возле оглушительно стрекочущего, похожего на шахтерский отбойный молоток аппарата. Его, согнувшись, держал плечистый человек в комбинезоне. Из-под кепки выбивались светлые с чуть рыжеватым оттенком волосы. Лица этого человека ей не было видно. Но вот он заметил пришедших, осторожно положил аппарат на землю, и тогда ей бросилось в глаза, что и ресницы и мохнатые брови у него такие же густые и чуть-чуть рыжеватые, как и волосы.

— Привел тебе, Начинов, помощницу,— обратился к нему прораб. — Обучи.

Иван повернулся к ней, окинул быстрым взглядом ее худенькую, немного сутуловатую фигуру в ситцевом в голубые цветочки платьице, в котором она пришла устраиваться на работу, ее коротко подстриженные по тогдашней моде и мелко завитые волосы, и в тот же миг она прочла в его глазах такое, что заставило ее в предчувствии чего-то неотвратимого внутренне съежиться.

— Что у меня — ясли? — презрительно усмехнулся Начинов. — Много я наработаю с такой «нагревальщицей»!

А нагревальщицей, его помощницей, она все же стала, и не на один сезон, а на долгие годы. Она привыкла к маленькому и легкому, на тонких ногах, переносному горну, в котором скучные ржаво-серые заклепки превращаются в веселые, точно из драгоценного камня слитки. Эти слитки так пунцовы, что, кажется, станут вот-вот прозрачными. С проворством не меньшим, чем орудовала ухватами у русской печи, извлекала она из недр полыхающего жаром горна раскаленные заклепки с гаснущими на лету белыми, как иней, искорками и подавала их подручному. Тот их вкладывал в отверстия, соединяя два стальных листа, и тогда сам Начинов принимался священнодействовать своим стрекочущим «пулеметом», как она прозвала пневматический клепальный молоток. Работал он аккуратно, без видимых внешне каких-либо усилий, красиво и легко.

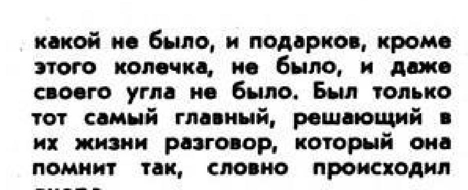

Заклепка быстро синела от холода, теряла свою яркую краску и к тому времени, когда Начинов отнимал молоток, становилась снова скучной и холодно-серой, как до нагревания. И только второй конец ее, превращенный Начиновым в округлую шляпку, поблескивал на листе железа, как золотое колечко на матовой коже пальца. Как то самое золотое колечко, которое с полным правом носила теперь она сама, замужняя женщина, на правой руке.

В ту же весну стали они жить вместе, не венчанные, как говорится, ни богом, ни людьми. И только много лет спустя, после войны, понадобилось им, формальности ради, зарегистрировать свой брак. И свадьбы у них никакой не было, и подарков, кроме этого колечка, не было, и даже своего угла не было. Был только тот самый главный, решающий в их жизни разговор, который она помнит так, словно происходил вчера.

...Он стоял перед ней, большой, немножко неуклюжий и совсем сейчас непохожий на того несговорчивого Ивана Начинова, каким она увидела его впервые. Лицо выражало страдание: такими, вероятно, трудными приходились ему эти слова. Он даже сморщился, будто от зубной боли. Но она не торопилась жалеть его.

— Зачем я тебе такая? Ничего и никого у меня нет: ни отца, ни матери...

— А я какой? Такой же самый. С шестнадцати лет скитаюсь, надоело...

Этого ей, оказывается, было мало.

— Что ж ты выбрал меня, аль покрасивей не нашел?

— У тебя характер спокойный, хоть и горя ты повидала немало. Хорошая ты.

«Что верно, то верно», — подумала она про себя. Десяти лет осталась без родителей, по чужим людям ходила, едва зарабатывая себе на хлеб. Так из вятской деревни добралась до Урала. Здесь, в Нижнем Тагиле, жила ее старшая, уже замужняя сестра. А что будет теперь? И приятно ей было, что сам Начинов ждет сейчас от нее ответа, и страшновато...

— Пить не перестанешь, не пойду за тебя, — не сдавалась она.

— Брошу,— сказал он, будто отрубил. — Самому осточертели гулянки. Хочу свою семью иметь, понимаешь? — испытующе посмотрел он.— Но только учти: работа моя строительная, значит, цыганская. Сегодня здесь, как поется в песне, а завтра там.

Что собой представляет эта работа и что значит она для Ивана, Тася поняла в первый же год их жизни. Сначала приютила их у себя сестра. Железная кровать с соломенным тюфяком стояла у самой двери за шкафом. Спали они на казенной подушке, которую принес Иван из общежития, и укрывались казенным же одеялом. В выходные дни заворачивал Иван подушку в одеяло, Тася наряжалась в то самое ситцевое в голубые цветочки платьице, в котором он увидел ее первый раз, укладывала в корзину хлеб с колбасой и бутылки с молоком, и они отправлялись в лес, на Пихтовую гору. Иван стелил на пахучей траве одеяло, а Тася собирала ягоды и грибы. Приносила она и полевые цветы, очень любила их. И после, где бы они ни жили и как бы им трудно ни приходилось, но на ее окне всегда зеленели какие-нибудь цветы.

Потом они подолгу грелись на солнце и Иван рассказывал о матери, оставшейся под Калугой, о своей жизни, о том, как поначалу не давалась ему работа.

Впервые он встретился с ней, со своей работой, шестнадцатилетним парнишкой в Дарнице, под Киевом, где строился мост. Обучиться делу тогда было трудно. Мастеровые старорежимной закалки не делились своим опытом с молодежью, не брали новичков в свои артели. Ваня бегал по поручениям: то подай, это принеси. И собирал разбросанные заклепки. За каждую заклепку на складе платили копейку, в этом и состояла его первая «работа».

А на московском заводе «АМО» был подручным клепальщика. Потом перебросили его на Брянщину. Надо было сделать мост через Десну. Клепали тогда еще вручную, молотком и кувал-

Стал Вячеслав у отца подручным...

дой. Жили в продуваемых насквозь бараках, в которых замерзала в кружке вода, и, чтобы умыться утром, приходилось топить снег. Вместо кроватей стояли нары и топчаны. Питались вскладчину, артелью.

Когда строилась первая крупная в стране гидростанция, Волховская, Иван работал самостоятельно. Клепал и ставил анкерные опоры высоковольтной передачи. Потом попал на Урал...

Недолгими, однако, были в Нижнем Тагиле летние прогулки молодоженов. Только получили они комнату, как трест послал Начинова на монтаж газгольдеров в Кемерово. А оттуда командировал на станцию Бляву — строить медно-серный комбинат. Иногда он вдруг уезжал на три-четыре месяца, и Тася оставалась одна. Потом он, поставив где-то котлы, пролеты или мачты, возвращался за ней, они собирали свои нехитрые пожитки в узлы и чемоданы и катили дальше.

Сначала она думала, что все это временно, что вот-вот они остановятся, осядут где-то и начнется у них нормальная, как у всех, размеренная жизнь. Но время шло, мелькали станции и полустанки, и не было им конца. Потому что дорога, которую они избрали себе, называется дорогой новостроек, а в нашей стране она не приведет в тупик, она без предела. И все стоянки на ней могут быть удобными или неудобными, короткими или продолжительными, с приятными или тяжелыми воспоминаниями, но всегда временными. Постоянными же — никогда.

Постепенно она привыкла к такой кочевой жизни, научилась быстро устраиваться на новом месте. Но в ее доме, как и в домах большинства строителей, кстати, не проявлялись черты того тихого, мещанского уюта, когда все обрастает салфетками, дорожками, ковриками, глиняными и живыми кошками. Кошек и ковриков с пучеглазыми куклами у нее не водилось. Она легко обходилась без них. А если и возникло б вдруг какое-то такое стремление, не смогла бы заняться всем этим. Не хватало просто времени: работала сама.

Работала и тогда, когда появился на свет первенец, светловолосый, как Иван, Славик. Он у них москвич. Жили Начиновы тогда в столице и строили мосты. Каменный, Устьинский, Москворецкий, красавец Крымский мост... В каждом из них есть что-нибудь начиновское, сделанное руками его, Ивана, и его жены, Таси.

Занимали Начиновы в Безбожном переулке хорошую комнату, со всеми удобствами. Зарабатывали оба неплохо. Поприоделись, было теперь у Ивана несколько костюмов и пальто, а у Таси завелись шелковые платья и туфли на столбике. Кажется, чем было им плохо в столице? Но вот повисли над московской рекой серебристо-стальные и каменные проспекты, и Иван заскучал, стал осматриваться, куда бы ему двинуться. Точно зудели у него пятки и не мог устоять он на месте.

И что ж? Оставил московскую комнату со всеми удобствами, забрал сына с женой — и на Северный вокзал.

1942-й год расколол семью надвое. Иван ушел на войну, и там его профессия оказалась очень нужной. Разве могут обойтись пехота или танки без саперов? Готовил им Начинов переправы через Днепр и Березину, через Припять и Буг. А потом были Висла и Одер. Это и ему командование объявляло благодарности за освобождение Лодзи и Варшавы и за взятие Берлина.

Пока он, Иван, воевал, Таисия строила Кирово-Чепецкую ТЭЦ. Это тоже нужно было для победы. Трудно было ей с двумя малыми ребятами. Придет со смены, а в доме ни булки, ни молока, ни сладкого. Достанет из чемодана свое выходное платьишко или мужнин костюм — и на рынок. Приходилось ей выменивать тогда на продукты добро, вместе нажитое. Даже заветное колечко... А тут еще заболел меньший сын, Толик. Не отходила от него ни на шаг, пока не вызвал начальник.

— Вот что, Тася, — сказал он, — надо срочно клепать колонны. Завтра же... Знаю, знаю! — перебил он ее, когда она попыталась возразить. — Бюллетенишь, болеет твой малый. Так попроси кого-нибудь посидеть, поможем тебе. Карточку хлебную дадим дополнительно для сиделки, даже деньгами пособим... Нет же у нас другой такой нагревальщицы, как ты.

Прибежала Тася домой, уговорила эвакуированную из Ленинграда гостью соседки. Согласилась та. Только все это было напрасно...

Сидела как-то на самом верху колонны, грела заклепки. Оттуда весь поселок лежал перед ней как на ладони: огороды, бараки, контора. Видит, метнулась какая-то закутанная в платок фигура от барака к конторе. Дрогнуло у нее сердце. «Наверно, меня ищут. Похоронная с фронта? Или Толик?..» А уж как побежал к колоннам из конторы начальник, сомнений не осталось.

— Слезай, Тася! — крикнул он ей. — Мальчик... — и не договорил.

На третий день Тася со своим горном снова забралась на колонну.

А в Угличе, после того, как Иван вернулся с фронта, родила она первую дочь, Люсю. Нет, все же счастье не всегда обходило ее стороной! Пришел же Иван живой и весь в наградах. Правда, израненный, но живой и снова был с ней.

Каким радостным был тот день! Работала она на плотине, до обеда было еще далеко, как позвали ее вниз. Рассердилась, что тревожили ее не вовремя, идет — ни на кого не смотрит. Даже не обращает внимания на толпу, что собралась возле конторы. Сидит там на скамеечке какой-то человек в военном, ну и пусть себе сидит.

— Тася!

Только у него, родного, единственного во всем свете, может быть такой голос...

Рванулась — и замерла. Худой, постаревший, полысевший, еле узнала. Куда девались пышные чуть рыжеватые кудри? На плечах вылинявшая гимнастерка, за плечами вещевой мешок, в руке чемодан — вот и все. И у Таси немногим больше набралось бы вещей. Даже не нашлось мужу смены белья. Что ж, во второй раз приходилось им начинать жизнь сначала. Но снова вдвоем, и самое страшное было позади, и теперь ее ничто не пугало.

Построили Начиновы гидроузел в Угличе и снова махнули к Москве. Там, в Подмосковье, исподволь готовилось великое наступление на Волгу. Иван собирал понтоны для земснарядов. Потом эта техника двинулась на Волго-Дон, в Горький, Куйбышев, Сталинград... И Начиновы вместе с ней. Разве могли они отстать?

А в Горьком произошло такое, что...

Но прежде всего о самом Горьком. Долгой здесь была их «стоянка» — целых семь лет. По сравнению с остальными она показалась им вечностью. Кажется, еще недавно в Угличе Славик бегал в детский сад, а тут ростом стал догонять отца. Людмила села за парту, а Толика отвела Таисия в детский сад. Этим именем в память умершего ребенка родители назвали второго сына. А тут еще потребовала особого материнского внимания крошечная Надя.

Однажды прибралась Таисия, сготовила обед и уселась возле окна с новорожденной. Смотрит: идет сосед по бараку. Мелькнула еще мысль: что-то слишком рано возвращается. В руках спецовка. Своя или чужая? К себе не зашел, а двинулся дальше. Все ближе, все медленнее его шаги. И вот стало совсем тихо-тихо. Без стука, осторожно, точно нес что-то хрупкое, открыл он дверь и как-то боком протиснулся в нее. Вошел и молчит. Глаза смотрят куда-то в сторону.

— Николай, что случилось? — закричала Тася.

Тот вздрогнул и обронил спецовку. Она шлепнулась мягким бесформенным комом.

...Кто не любовался с горьковского откоса Волгой? Весеннее половодье властно раздвигает ее берега, и только далеко-далеко за седой, вспученной хлопьями льда волной темнеет кромка земли.

Но и в такой апрельский день строителям работать надо. Надо с одного берега на другой подавать бетон, арматуру, конструкции. Эту обязанность обычно выполняет кабельный кран. Его башни-опоры возвышаются друг против друга, а между ними, над речным разливом, виснет канат, по которому ползают взад-вперед тележки с грузами.

Начинов со своей бригадой устанавливал на намытой земснарядами перемычке такую башню. Образуют ее три подкоса. Два подкоса этого гигантского треножника уже стояли, а третий, растяжной, лежал на катках. Лебедки с полиспастами готовы были к его подъему. Все только ждали команды бригадира. Но бригадир почему-то медлил. Беспокоило его, что катки тяжело осели под этой стотонной, стометровой в длину стальной громадой. Не прогнулся ли верхний пояс ее?

Иван Степанович только хотел двинуться назад, от вершины под-

коса к основанию, чтобы осмотреть его как следует... как вдруг мгновенный беззвучный удар парализовал все тело. Свет померк в глазах, и он, большой и тяжелый, рухнул на ферму.

Так поражает только молния, и это было близко к истине.

— Убило Начинова! — выкрикнул кто-то истошно.

Со всех сторон бежали к месту происшествия люди: находившийся тут же начальник «Гидромонтажа» Б. Э. Янчевский, старший прораб А. Е. Евтихеев, рабочие. Бежали и, подбежав, цепенели от ужаса и своей беспомощности.

Оголенный провод, питавший током земснаряд, висел над подкосом. Это на него, пятясь, наткнулся затылком Начинов. По проводу шел ток смертельной силы. Шесть тысяч вольт его напряжение.

Но, видимо, Начинову, сбереженному от вражеских пуль, суждено было еще пожить, и пожить долго! В короткий миг соприкосновения сработала автоматическая защита, и напряжение было снято.

Пострадавшего положили на землю, расстегнули комбинезон, рубашку. Никаких признаков жизни: ни пульса, ни дыхания. Стали делать искусственное дыхание. И вот в запястьях его рук — первые толчки крови. Они еще слабые, но это, бесспорно, сама жизнь, робко входящая в человека!

Очнулся Начинов в горячей ванне. Возле кто-то стоял в белом халате. Как в тумане, он видел только силуэт и не различал лица. Но вот «халат» заговорил, и Иван Степанович признал спокойный голос хирурга.

— Дай закурить, — приказал этот голос.

Начинов повиновался и стал искать глазами папиросы. Они лежали на подоконнике, рядом. Он медленно, с трудом поднял из воды необыкновенно тяжелую свою руку, потянулся за коробкой.

— Возьми...

— Воскрес! — обрадованно расхохотался хирург.

А Начинов удивленно осматривался по сторонам и силился вспомнить, как он очутился в этой белокафельной комнате с матовыми стеклами окна и двери, кто его раздел и уложил в ванну и почему на окне оказались папиросы — его любимый «Беломорканал». Будто кто-то нарочно их положил сюда...

Казалось, сама жизнь все время ставила на его пути испытания одно другого труднее, будто хотела проверить: «А может быть, ты согнешься, может быть, свернешь с дороги?» А он назло ей делался все более стойким. И какой же гнев, какое раздражение вызывала в нем малейшая попытка или даже намек на то, что, мол, не пора ли ему остепениться!

Навещали Начинова друзья.

— Видишь ты, какие у нас дела, Иван Степанович. Так вот подумаешь и задумаешься...— начинал кто-нибудь издалека. — Опасная у нас профессия. И опять же детишки у тебя, четверо. Подымать их надо.

— Это вон ты куда клонишь! — понимающе кивал головой Начинов, и в его глазах вскипал холодный огонь. — Профессий, друг, много на свете, а работа у меня одна. О д н а! Одна на всю жизнь, чувствуешь? Все равно как добрая, верная жена. Куда ж от нее денешься?..

* * *

Ветер, ветер!.. Он раздувает добела красные камешки угля. Он бросает в лицо колючую снежную труху, от которой слезятся глаза. Он забирается под треух и через малейшие щелочки комбинезона даже под ватник. Нигде нет такого нахального, озорного ветра, как в сталинградской степи. Под Горьким и в Угличе — леса, на Урале — леса и под Москвой — леса. И в них слабеет, теряет он, запутавшись в кронах, свою бесшабашную удаль. А здесь ничего — голая степь и степь, по которой хоть мяч катай, и он не зацепится, не остановится...

Пожилой кряжистый человек с лохматыми и чуть рыжеватыми, будто обожженными пламенем горна, бровями сердито сплевывает с досады и ругает на чем свет стоит и ветер, и мороз, возлютовавший к концу зимы, и клепальный молоток, который в сведенных стужей пальцах вдруг отяжелел втрое. Кряхтя и чертыхаясь, по шаткой лесенке он спускается с моста вниз, снимает громадную рукавицу и трет глаза. А глаза у него светлые, чуть хитроватые, знакомые...

Неужто сам Начинов? Да, это он, своей собственной персоной, при исполнении служебных обязанностей. Бросил свой домашний «корс» с козами, поросятами и томатами в Городце, погрузил семейство, самодельный деревянный сундучок, колченогий столик и алюминиевую раскладушку в вагон — и был таков.

В Сталинграде, на строительстве ГЭС, вот где развернулся Иван Степанович!

Тяжелые, двухстворчатые, будто из средневекового замка, ворота шлюзов. А над ними мосты. Кто их клепал? Он, Начинов! Затворы плотины. Чья работа тут вложена? И его, Начинова. Тот кран, который, подобно исполинскому циклопу, на могучих ногах возвышается над плотиной... Как перышко, способен он поднять железобетонный затвор. Кто увеличил «брюхо» этого циклопа на одну треть? Конечно же, виртуоз клепального дела Начинов. А кто возглавлял комплексную бригаду, в сверхсрочном порядке склепавшую на плотине восемнадцать пролетов моста, по которому ходят сейчас поезда? Опять же он, Иван Степанович.

— Шабаш! — командует Начинов.

Это значит: время обедать.

Подручный — долговязый белобрысый парень, одетый точно так же, как сам Начинов: треух, комбинезон, рукавицы и валенки — послушно собирает инструменты. Уж очень он напоминает Ивана Степановича. Те же ясные глаза, тот же чуть с горбинкой нос... Сын? Вячеслав?

Ну, конечно, он, тот самый мальчуган, который родился в Москве, ходил в детский сад в Угличе, а кончал школу в Горьком. Как ни отговаривал его отец от своей работы: «Ну что в ней хорошего: грязь, холод, горе одно»,— как ни упрашивал, настоял наследник на своем: «Хочу быть монтажником». Сказалась в нем отцовская закалка, которую впитал он в себя в буквальном смысле этого слова с молоком матери, тоже ведь монтажницы...

Идут Начиновы молодыми, сплошь асфальтированными, в молодых тополях и кленах улицами молодого города Волжского, города строителей Сталинградской ГЭС. Великолепно спланированный, он не похож на скороспелые поселки новостроек, в которых живал некогда Иван Степанович. Целая эпоха отделяет Волжский от засыпанных опилками хатенок со специфической мебелью двадцатых годов — топчанами. Сейчас сами строители прежде всего возвели дома для себя, и их семьи вселялись не в деревянные бараки, несущие на себе печать временного жилья, а в благоустроенные, трех-, четырех- и пятиэтажные каменные дома. В них все основательно, фундаментально, сделано так, чтобы люди не чувствовали себя стесненно, летучими квартирантами, а жили бы с комфортом, ни в чем не ущемляя себя. Все в Волжском есть: школы, библиотеки, парки, магазины, поликлиники, кинотеатры, ателье и даже плавательный зимний бассейн. Вот почему первые жители города — строители — не хотят расставаться с этой обетованной землей.

Может быть, такие мысли обуревают и Ивана Степановича? Тем более, что у него тут хоть и не отдельная пока квартира, но две комнаты, глядящие в парк, а у Вячеслава с сыном — еще третья; тем более, что и смена ему как будто подросла... Да и гипертония откуда-то появилась, и почки почему-то дают о себе знать: время ведь катится к шестидесяти годам! Вот и дедом стал!..

Но разве мало для него еще мест на свете? В «Гидромонтаже» поговаривают о Братской ГЭС, Уч-Курганской, Саратовской, Нурекской...

— Поставлю мост для электрички, — делится своими планами с сыном Начинов-старший, — и тоже двинусь. Мне уж написано на роду ездить до конца, до самой, видно, смерти!

ПОСЛАН ПАРТИЕЙ В ЛЕНИНГРАД...

К 75-летию со дня рождения С. М. Кирова

После XIV съезда партии, состоявшегося в декабре 1925 года, ЦК послал в Ленинград С. М. Кирова и других партийных руководителей для разъяснения решений съезда, для борьбы с деятельностью «новой оппозиции». В феврале 1926 года XXIII Ленинградская чрезвычайная партийная конференция избрала новый состав губкома партии во главе с С. М. Кировым. До этого Сергей Миронович возглавлял Азербайджанскую партийную организацию.

...Ленинград, Кировский проспект, дом 26/28. В квартире № 20 этого дома жил С. М. Киров. Теперь здесь квартира-музей Сергея Мироновича. Среди многих материалов и документов в музее экспонируется фотокопия записки Серго Орджоникидзе, написанной в начале 1926 года. Серго был тогда первым секретарем Закавказского крайкома партии. Записка адресована секретарю Ленинградского губкома партии Н. М. Швернику и другим членам губкома.

«Дорогие друзья!» — обращается к ним Серго и пишет далее, что необходимость укрепления партийного руководства в Ленинграде «нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяца через два все будет сделано. Киров — мужик бесподобно хороший, только кроме вас он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием.

От души желаю вам полного успеха.

Крепко жму ваши руки

Ваш Серго.

P. S. Ребята, вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды.

Целую всех

Серго».

Возглавивший Ленинградскую парторганизацию С. М. Киров большое внимание уделял социалистической индустриализации страны.

...Недавно в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции нам вместе с А. А. Новиковой удалось найти новые документы, показывающие, как верно предвидел С. М. Киров пути развития советской индустрии, пути электрификации страны.

19 марта 1926 года Сергей Миронович Киров посылает телеграмму Валерию Ивановичу Межлауку, руководившему тогда металлопромышленностью страны:

«МОСКВА ВСНХ МЕЖЛАУКУ

Настоятельно просим разрешить положительном смысле вопрос новой турбинной мастерской металлическом заводе тчк Телеграфируй ответ

Киров».

На следующий день в Ленинград приходит ответная телеграмма:

«Срочная Ленинград ГУБКОМ ВКП КИРОВУ

Постройка турбинной мастерской металлозаводе разрешена полностью тчк

Просим выдвинуть кандидата председатели Гипромеза

Межлаук».

Цех начал строиться в 1926 году и был достроен к 1929-му. Он еще не был полностью пущен, когда в нем уже начали производить турбины мощностью 5 тысяч киловатт. Мощность выпускавшихся турбин непрерывно возрастала — 10 тысяч киловатт, 24 тысячи, 50 тысяч, 100 тысяч, 200 тысяч киловатт.

Сейчас прославленный Ленинградский металлический завод выпускает крупнейшие в мире турбины. Недавно здесь успешно выдержала испытания новая паровая турбина мощностью 300 тысяч киловатт.

Ф. МЕЖЛАУК

Делегаты XXIII Ленинградской чрезвычайной губернской партконференции С. М. Киров и В. И. Межлаук. Февраль 1926 года. Публикуется впервые.

(Из новой книги)

Михаил ЛЬВОВ

Я ВИДЕЛ СПУТНИК НАШ В ПОЛЕТЕ

Конечно, физики в почете.
О чем вы, лирики, поете?

Я видел спутник наш в полете,
И стало ясно самому:
Вот это — памятник уму!
Салют и радуга ему!
Вот это — песня и работа!
Есть фантастическое что-то,
Непостижимое простому
И ненаучному уму.
Воззрился в звездные просторы,
Гляжу, сужу, а не пойму,
Как это чудо вышло в полночь,
Вписалось небесам в овал.

Воображение на помощь
Со всею силою призвал.

Себя несведущим признал.
О управляемое чудо!
Не разгляжу тебя отсюда.
Не оторву я глаз от чуда.

Тут мало выкрикнуть ура —
Душа расцвечена в салюты.
Стою не тот, кем был вчера,
Кем был назад еще минуту,
Уже другой, по существу,
Уже совсем другим живу.
Страны космическая сила
Мое
    меняет
        существо,
Как будто и меня носило
Со спутником, путем его,
И вот, вернувшись, не усталый,
Стою на узком пьедестале
Земного шара своего.

* * *

Люблю узор древнеславянской вязи
И корни слова, ставшего родным.
И радостно рассматриваю связи
Между далеким веком и моим,
И между речью нынешнего века
И богатырской Киевской Руси.
Корней тысячелетняя проверка!
Откуда что взялóсь — у них спроси!

Земля славян, я убеждаюсь снова:
Недалеко смотрел славянофил.
Ты выше понимания квасного
И глубже тех, кто старь одну любил.

Пусть это не зачтут мне как проступок,
Хочу спросить людей моей земли:
Куда бы завели нас «мокроступы»
И с чем бы мы в двадцатый век пришли?

О Русь, идеям лживым не сдаваясь,
Ты нынешней достигла высоты:
Самой собой —
        Россией — оставаясь,
Землею коммунизма стала ты.

МОЙ ДОМ

Мой дом обычен. Никаких богатств.
Простая мебель. Нет покоев царских.
И все же в нем по-царски я богат
Твоею щедрой нежностью и лаской.
Понежишься в постели до утра.
Побалуешься завтраком и чаем,
И на работу уходить пора.
Пронизанный влюбленности лучами,
Идешь, сияя от своей любви,
Меня за сердце грубость не хватает.
Я нежен с жизнью, с родиной, с людьми,
На целый мир мне нежности хватает.
На целый день мне нежности хватает.
И снова в нежность вечером — домой,
В тот скромный дом, который твой да мой,
Где так с тобою, Лада, мы поладили,
Где принято, чтоб тон не приказной,
Где принято, чтоб он не показной,
Где я богат тобой, как царь казной,
В тот дом, откуда беды мы спровадили.

* * *

Немало осложнений и затей
Встречалось в жизни у меня,
        но снова
Меня спасает от кривых путей
Здоровая народная основа.

Я хоть сейчас пахать, или косить,
Иль боронить, иль в землю сеять зерна,
Дрова колоть, и воду в дом носить,
Возить навоз — ничто мне не зазорно.

Простые первозданные дела
Мне с самого рожденья жизнь дала.

И с ними
    навсегда в меня вошли
Первоосновы жизни и природы,
Мужичья основательность земли,
Которая — хоть вечности прошли —
Надежно держит на себе народы.

Теперь, когда юнцы и наглецы
Болтают бойко, выпив не сухого
На деньги, что им выдали отцы,
И отрицают лихо все основы,
Смотрю на них — на заграничный шик,
На времяпровождение пустое,
Как, может быть, смотрел когда мужик
На болтуна с прической городскою.

* * *

Мой век, меня ты не обидел,
Мечом своим не разрубил.
Благодарю за все, что видел,
За все, что славил и любил.
За то, что прикасался к высям,
За то, что счастьем награжден,
За то, что вовремя, как мыслю,
На лучшей родине рожден.
За всех источников целебность,
За край, где нам дано творить,
За то, что есть в душе потребность
Тебя, мой век, благодарить.

Поэтическая кисть Пименова

Недавно прошла в Москве выставка работ художника Юрия Ивановича Пименова. Несколько залов были заполнены его произведениями. На стенах висели светлые по тону полотна, рисунки и плакаты, эскизы театральных декораций, просто и уверенно скомпонованные. Краски были разложены ясно и определенно, не загрязняя друг друга и создавая общее впечатление солнца, радости, приподнятости, а самое главное — хорошего, доброжелательного отношения ко всему, что остановило внимание художника.

Высокая моральность — вот, может быть, главное, что отличает искусство Пименова и делает произведения художника запоминающимися для зрителя.

Если начнешь восстанавливать в памяти сюжеты его картин, то часто в них как будто бы не происходит ничего особенного. Художник словно хочет обратить внимание зрителя на самое привычное и тихонько укоряет его: «Как же это ты проходишь мимо со своими обычными заботами, когда в жизни столько интересного?»

Картина Москва 1960 года — в какой-то мере программная вещь. Написана она с необычной, почти кинематографической точки зрения — из открытой легковой машины... Вместе с художником мы очутились в этой машине возле Крымского моста, у нового путепровода. Посмотрите: нарисовать этот городской пейзаж можно, только находясь в самом центре улицы, то есть на том «неудобном» месте, где труднее всего остановиться художнику для зарисовки пейзажа. Зато каким объемным и насыщенным получился этот пейзаж!..

Пименов запоминает массу существенных деталей, которые кропотливо дорабатывает потом в своей мастерской. Возможно, что этот метод и делает его полотна чуждыми натурализма, позволяя в то же время развивать тему за счет тех ярких и живых примет, которые почти невозможно передать при единовременном восприятии.

В самом деле, найдите дом, где сразу совместилось бы так много интересных бытовых и современных событий, как в картине «Окна»! И в то же время это правда. Правда очевидца, человека, жадного до нового. Он увидел это новое и поделился своей радостью свободно и убедительно...

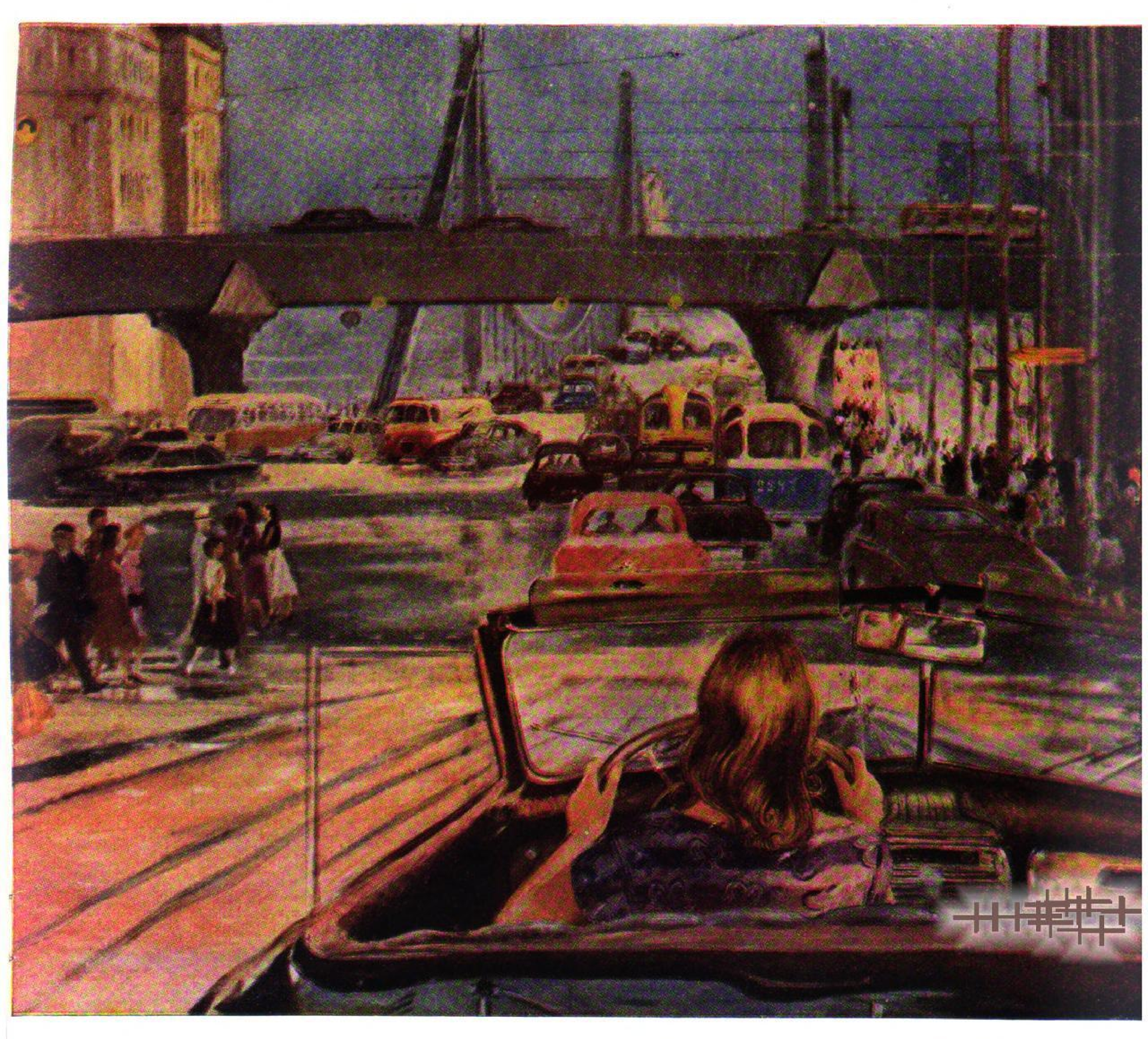
Пименов умеет пользоваться выразительной подробностью. Обратите внимание на капли дождя, покрывшие стекла трамвая в картине «Начало любви». Такие находки не даются художнику с ходу. Сколько раз нужно было наблюдать следы прошедшего дождя из окна квартиры или мастерской, где художника задержал начавшийся дождь, чтобы потом запечатлеть это в картине так метко и непосредственно!

Взгляните теперь на композицию с немного ироническим названием «Франтихи». Отпечатанная на странице журнала, эта картина представляется большой, почти монументальной, несмотря на внешнюю незначительность действий героев (в самом деле, изображены девушки, моющие ботинки в чистой воде, — только и всего). А у художника получилась на редкость прозрачная, поэтическая вещь. Индустриальный пейзаж на втором плане просто сказочен, и все «событие» приобретает поэтому совсем необычный, светлый и приподнятый смысл. Здесь Пименов как бы отказывается от привычных в искусстве прошлых времен аксессуаров поэтического и уверенно выдвигает новые, современные.

Натюрморты, показанные на выставке художника, начисто снимают представление о безликости этого жанра. У Пименова и маленькие полотна вступают в борьбу с привычным, а часто даже мещанским, которое где-то в прошлом проникло в душу хорошего человека... И опять думаешь: ну как не поблагодарить за это художника!

Пименов — москвич в полном смысле этого слова. Имя Пименова связано с московскими журналами, московскими театрами, московскими выставками, плакатами московских премьер. Его никогда не покидает ощущение пульса жизни огромного города, забота об отображении облика столицы, об ее украшении и росте.

В. ГОРЯЕВ

Ю. Пименов. НОВАЯ МОСКВА. 1960.

Ю. Пименов. ФРАНТИХИ.

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки В. НИКОЛЬСКОГО.

Крымские рассказы

1. Башня Зенона

1

Осенью туманы приходят часто да и штормы случаются чаще обычного.

Под Севастополем на берегу моря среди развалин древнего вольного города Херсонеса висит на столбах колокол.

От колокола тянется стальная проволока к небольшому дому на горе.

Колокол — это старинный маяк Торпан. В доме — педаль, которая прикреплена к проволоке.

Качнешь педаль — качнется било в Торпане. И Торпан загудит над берегом, над Карантинной бухтой, над морем. Он гудит в туман и в шторм, чтобы корабли не наскочили на берег.

Летом в тихую погоду Торпан молчит. В нем поселяются воробьи, а на столбах вырастает трава.

Днем он висит желтый от солнца, а ночью белый от луны. Висит у самой лунной тропинки, которая далеко уходит в море. И кажется, что не луна, а колокол ударил над морем белым светом и проложил тропинку.

Торпан гудел над Севастополем с давних времен. Он был побит осколками ядер и снарядов.

Когда сто лет назад иноземцам удалось захватить Севастополь, они увезли колокол. Он провисел на соборе во Франции, пока снова не вернулся в древний город Херсонес.

2

В доме на горе жил смотритель маяка старый Нил. У него был внук Жорка.

Старый Нил подобрал Жорку маленьким в сорок первом году. Родные Жорки погибли. Отец умер в госпитале, а мать засыпало взрывом бомбы на Графской пристани.

Маленький Жорка поселился в развалинах Херсонеса.

Тут его и нашел старый Нил, решил взять к себе. А чтобы мальчишка не пугался черной бороды и скрипа искусственной деревянной ноги, сказал, что они родственники. Дальние очень, но родственники. Жорка ему племянничный внук.

«Внук — это уже хорошо,— подумал тогда маленький Жорка.— Пускай даже такой непонятный, как племянничный».

Старый Нил и племянничный внук зажили на Херсонесской земле. Только немцам они никогда не звонили в Торпан: вырыли под колоколом яму и обрубили канат, на котором он висел.

Колокол упал, и его засыпали песком. Стальную проволоку скрутили и убрали в дом.

Прошла немецкая оккупация, вернулись наши моряки. Они помогли старому Нилу откопать колокол и повесить на прежнее место.

Снова Торпан начал звонить, гудеть при тумане и шторме, предупреждать корабли об опасности.

Моряки говорили: «Погоди, Нил, мы тебе установим сирену-автомат. Сиди в доме, отдыхай. Она сама гудеть будет». Но старый Нил любил свой колокол и не хотел менять его на сирену-автомат. Он качал педаль и слушал, как гудит, размешивает туман колокол, пересиливает шторм.

Час за часом качал педаль, сворачивал газетные папироски из крошеного табака, курил и думал о прожитой жизни.

Нила подменял Жорка. Он приспособился толкать педаль и готовить уроки. Жорка учился в техникуме.

Старый Нил надевал бушлат и потрепанную бескозырку. Ковылял к морю. След деревянной ноги оставался на влажной земле.

Нилу нравилось в шторм постоять у прибоя.

Волны разбивались о скалы и вспыхивали пламенем брызг. Брызги обжигали колокол и сбегали с него мутными струйками. Торпан гудел то глуше, облитый морем, то звонче, когда море не доставало до него. Тяжелый, он почти не двигался от ударов била, и под ним, как под крышей, лежал круг сухого песка.

Старый Нил, надышавшись штормовым морем, возвращался в дом. Растапливал печку и ставил чайник.

Запах тумана сменялся в доме запахом печного огня, свежей золы.

В рукомойнике с железного стерженька стекала по капле вода и стукала в таз.

Жорка вырос у старого Нила под гул Торпана и стук капель из рукомойника.

Эти звуки сделались звуками его детства.

Приходили в дом смотрителя и ребята, которые жили поблизости: Настюша, Алка, Борис и Гришутка. Они помогали раскачивать колокол, когда Жорка уходил в техникум или уезжал на завод на практику.

Весной тоже случались туманы и штормы. Но ветер с моря дул не холодный, теплый.

К Торпану приходили моряки, сидели и слушали, как Торпан тяжелым гулом встречает тяжелую, штормовую волну. Закуривали. Думали о своем.

3

Ребята часто брали учебники, шли на главную площадь Херсонеса.

В античное время на площади были выстроены общественные здания, где заседал народный совет, храм, установлены статуи заслуженных граждан города.

От храма сохранились колонны и циркульные арки, от общественных зданий — обломки стен, выложенные мозаикой из разноцветной гальки.

Сохранилась и мраморная плита, на которой был высечен текст присяги граждан республики.

Археологи читали ребятам присягу, где говорилось о гавани, о варварах и эллинах, о херсонесском народе.

«...Буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса. Не предам гавани и прочих укрепленных пунктов и остальной территории, которой херсонесцы управляют, ничего, никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать для херсонесского народа.

. . . .

Пребывающему во всем этом да будет благо.

Не пребывающему да будет зло... и пусть ни земля, ни море не приносят ему плодов...»

Неподалеку от главной площади города висел Торпан. Казалось, он тоже служил древним херсонесцам, звонил их кораблям в шторм и туман.

В развалинах жили ящерицы. Они выползали и грелись на солнце. Лежали на камнях зелеными веточками.

Ребята тоже устраивались на камнях. Раскрывали учебники, готовились к весенним экзаменам.

Когда ребята уставали заниматься, они клали на учебники голыши, чтобы не сдуло ветром, и отправлялись гулять по Херсонесу.

Шли по главной улице мимо подземного мавзолея, винодельни, гончарной мастерской до улицы пятого века. Сворачивали в переулок и по улице девятого века добирались до башни Зенона. На башню Зенона вела массивная лестница для подъема метательных машин и ядер.

Настюша, Алка, Борис и Гришутка вскарабкивались на вершину башни. Смотрели на Херсонес, на бухту.

Море было неподвижным и ровным, как синее блюдо.

На якоре стоял парусник «Лейтенант Сухонин». Курсанты из морской школы учились работать с парусами.

В бухте звенел цепями плавучий экскаватор: разгружал баржу с углем.

Покрикивая сиреной, в бухту входила самоходная баржа. Пузырчатый след остался в море. Волны не было. И след будет держаться долго, пока его не размоет.

С башни Зенона ребята видели свои учебники, разложенные на камнях и придавленные голышами, цветущие деревья слив и миндаля, Торпан, желтый от солнца.

В бухту входил катер. На мостике начали семафорить флажками.

— Старого Нила приветствуют,— сказал Гришутка.— Сигнальщик Мельников. Я его знаю.

— Точно. Мельников,— кивнули ребята.— Он там служит.

— А старый Нил в Севастополь уехал. Вон Жорка из дому вышел.

Жорка держал в руках потрепанные бескозырки без ленточек — свою и старого Нила.

Начал махать бескозырками, писать ответ на катер.

— Жорка хорошо семафорит,— сказала Настюша.— Быстро.

— Не успеешь разобрать, чего пишет,— сказала Алка.

Начали семафорить и курсанты с парусника. Жорка и паруснику ответил.

Тогда Борис встал и замахал, вызывая Мельникова. Замахали и остальные ребята Мельникову: вызываем! вызываем!

Мельников ответил.

Писал медленно, чтобы каждый из ребят мог прочесть: идите готовить уроки, пираты!

Катер заглушил мотор.

Ребята слезли с башни Зенона и вернулись к учебникам на камнях. Учебники были засыпаны цветами слив и миндаля.

2. Полоска из ученической тетради

К морю идет троллейбус. Из Симферополя в Алушту. Через горы, через перевал. Мимо раскопок столицы скифского государства Неаполя Скифского, мимо института сельского хозяйства, каменоломен и пещер Кизил-Коба, мимо посевов табака, все выше в горы. К Ангарскому перевалу.

Часто перевал закрывает облако. Оно входит в троллейбус через открытые окна и спускается вместе с ним к морю.

Когда троллейбус с облаком настигает солнце, облако тает, охваченное прохладным золотистым светом, и в троллейбусе выпадает роса.

После перевала троллейбус скатывается с гор на свободном, холостом ходу. Притормаживает на крутых поворотах.

Кусты шиповника и ежевики царапают его борта, вплетают в колеса упругие ветки. Оборванные с веток листья долго крутятся в колесах, едут к морю.

Село Кутузовка, где стоит Кутузовский фон-

НОВЫЕ ТОЛКИ ОБ ОТКРЫТИЯХ НА ЛУНЕ

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

НОВЫЕ ТОЛКИ
объ
ОТКРЫТIЯХЪ НА ЛУНѢ,
приписываемыхъ
Астроному Гершелю,
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

«Новые толки об открытиях на Луне, приписываемых астроному Гершелю» — так длинно называлась маленькая книжечка, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1836 году.

История ее такова.

В 1835 году в нью-йоркской «Коммерческой газете» появилось сообщение о том, будто английский астроном Гершель открыл, что Луна обитаема. При помощи усовершенствованного телескопа, соединенного с... микроскопом, он даже видел ее жителей и мог сообщить самые подробные сведения о флоре и фауне Луны.

В книжке «Новые толки...» так описываются жители Луны:

«Среднего роста. Селенит редко бывает выше 2 футов и 8 дюймов; у него весьма гибкое, стройное тело и огромные крылья за плечами, способствующие смелому и правильному полету; они напоминают крылья страуса, но, впрочем, не имеют с ними совершенного сходства: перья их гораздо длиннее и на концах заострены, как у морской чайки. У женского поколения крылья еще длиннее».

Гершель «наблюдал» на Луне растения и даже рощи:

«...В этих рощах мы не раз видели целые группы детей, которые с необыкновенною резвостию забавлялись разнообразными играми».

В старой книжечке всего 36 страниц. Все описанное на этих страницах, конечно, выдумка.

Любопытно мнение об этой книжке А. С. Пушкина. Писательница Е. А. Драшусова, лично знавшая поэта, в своих воспоминаниях рассказывает о том, как смеялся Пушкин, читая эту «сенсацию».

«...Все мое внимание,— пишет Драшусова,— было устремлено на Пушкина, который сидел против меня. Разговор был донельзя оживлен, ни на минуту не прекращался. Много толковали о мнимом открытии обитаемости Луны. Пушкин доказывал нелепость этой выдумки, считал ее, как дерзкий пуф, каким он впоследствии оказался, и подшучивал над легковерием тех, которые падки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку».

Об этой же газетной «утке» говорит один из героев романа Жюля Верна «С Земли на Луну»: «В 1835 году появилась любопытная брошюра,— взятая из журнала «Нью-Йорк американ»,— в которой рассказывалось, что знаменитый астроном Джон Гершель во время своей экспедиции на мыс Доброй Надежды создал настолько усовершенствованный телескоп, да еще с «внутренним освещением», что мог видеть Луну как бы с расстояния восьмидесяти ярдов. Гершель будто бы ясно разглядел на Луне пещеры, в которых жили бегемоты, зеленые горы, окаймленные золотым кружевом рощ, видел баранов с рогами цвета слоновой кости, белых косуль и обитателей, похожих на людей, но с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей. Эта брошюра, написанная американцем Локком, имела необычайный успех. Скоро, однако, выяснилось, что это была научная мистификация, и французы первые посмеялись над нею».

...Многие годы прошли с того времени. Теперь мир взволнован подлинными открытиями советских ученых в космосе. Как известно, в Астрономическом институте имени Штернберга уже закончена обработка фотографий невидимой стороны Луны. Вот большой том в переплете, сделанном будто из куска вечернего неба. На нем четкие слова: «Атлас невидимой стороны Луны». Этот недавно вышедший уникальный атлас создан на основе фотографий, полученных с помощью советской автоматической межпланетной станции. Он содержит подробную сводную карту невидимой стороны Луны и около 30 оригинальных фотографий.

Сейчас, когда новая межпланетная станция прокладывает трассу Земля — Венера, на очереди раскрытие тайн и этой далекой планеты.

Н. САЛАМАНОВ

Селениты, как их «видел» в телескоп Гершель.

тан — памятник сражения русских войск с турецким десантом, потом откроются ряды скал и осыпи горного обвала, потом — пологий склон, виноградники, кипарисы, черепичные крыши домов и набережная Алушты.

Всего час пути.

* * *

Павел Акимович ездит за рулем троллейбуса. Знает каждый участок дороги, каждый поворот, мосток, уклон, подъем, каждую трещину, щербинку.

Он знает два кипариса, между которыми с перевала впервые можно увидеть море. Оно еще не толще полоски из ученической тетради.

Павел Акимович исходил эту дорогу пешком тридцать лет назад, когда был совсем молодым и работал в Симферополе трамвайщиком — вагоновожатым. Водил по улицам старенький, бельгийской фирмы трамвай с полотняным козырьком от солнца и выгнутой, как гитара, дугой.

Мальчишки подкладывали под колеса медные пятаки, чтобы их расплющило для игры «в битку».

Он всегда видел эти пятаки на рельсах, будто осенние листья, и стоявших поодаль нетерпеливых мальчишек. Пятаки он мальчишкам плющил, потому что сам только вышел из мальчишек.

В свободные от работы дни Павел Акимович, а тогда Пашка-трамвайщик, отправлялся в Алушту.

Он любил море, а в Симферополе моря не было.

Отправлялся с вечера и шел ночью через горы сорок километров, чтобы к утру быть у моря.

А в следующий вечер проделывал обратный путь и утром был уже на работе в трамвайном депо.

Иногда его подвозили попутные машины, но это случалось редко. Машин в ту пору было очень мало.

Вместе с Павлом увязывались с его улицы ребята. Им трудно было проделывать долгий путь через горы к морю, но они проделывали, потому что тоже любили море.

Ребят было пятеро: Борис, Федя, Мишук, Степушка и Агаша.

Шли через Неаполь Скифский, мимо курганов и селищ, мимо института сельского хозяйства, каменоломен и пещер Кизил-Коба. Сокращая дорогу, пробирались сквозь заросли шиповника и ежевики все выше в горы.

Над головой горели синие звезды, а под ногами — синие капли росы. Казалось, каждая звезда находила на земле свою каплю и зажигала ее синим светом. В тополях, в самых верхушках, прятался ветер. Он шевелил листья, и они тоже вспыхивали синим огнем звезд. Остро и влажно пахли цветы. Запускали свои деревянные шестеренки цикады. И крутили их, и крутили...

В полнолуние все вокруг было залито светом. Желтая лампа луны висела над горами.

Капли росы переставали быть синими, становились желтыми. Они не принадлежали больше звездам. Они принадлежали луне.

Листья тополей тоже вспыхивали желтым. Они тоже принадлежали теперь луне.

У родников, где в глубоких воронках, как в ладонях, тихо плескалась вода, Павел с ребятами устраивал отдых.

Ели бублики с повидлом, которые брали из дому. Запивали их родниковой водой.

И потом снова в путь. Снова звезды, луна и дорога.

На Ангарском перевале было холодно. Начинался рассвет. Блекли, выцветали звезды, потухала, прикручивала фитиль луна.

Где-то далеко над морем солнце начинало день.

И ребята спешили навстречу этому дню, навстречу морю.

День у моря. Каждый проводил его, как ему нравилось.

Агаша собирала ракушки и мастерила из них бусы.

Мишук и Борис сидели на камнях. Наблюдали, как вдалеке играют маслянистые дельфины и летают черноносые крачки и утки-галагазы.

Федя учился плавать «на выдержку» и старался не отстать от Павла.

А младший из ребят, Степушка, лежал в прибое и колотил пятками по воде. Ему нравились брызги.

Потом все катались на большой яхте с красными якорями. Яхта принадлежала некоему Саркизову.

Павел, Федя, Борис, Мишук и Степушка устраивались на носу. Узкий нос яхты окунал в воду красные якоря. Под водой они делались похожими на глаза рыбы.

Агаша любила сидеть на корме, где пахло горячим парусом. Она опускала в море ладонь и смотрела, как сквозь пальцы бежали ручьи пены.

Покатавшись на яхте, опять купались и ждали, когда пройдут разносчики пирожков с металлическими жаровнями на ремешках.

Разносчики ходили босые вдоль прибоя. От их жаровен тянуло луковым дымком, бараньим салом.

А кто хотел, мог сфотографироваться. Фотографы с аппаратами тоже ходили босые вдоль прибоя. Аппараты большие, деревянные, с медными колпачками и клизмочкой на шнурке. Ножки штативов забрызганы морем, облеплены водорослями.

Совсем маленькие дети хлопали по воде наволочками, отчего наволочки надувались пузырями. Бери такой пузырь и плыви. Удобно.

Степушка решил, что в следующий раз принесет наволочку и уплывет на ней вместе с Павлом и Федей.

Солнце уходит от моря в горы.

Пора и Павлу с ребятами уходить в горы, в Симферополь. Утром он должен быть в трамвайном депо.

Обратный путь особенно тяжелый.

Ребята устали.

Павел идет последним, следит за каждым из ребят. Ругает себя, что взял их, что теперь вот морока с ними: идут и засыпают на ходу. Того и гляди свалятся с обрыва или стукнутся головой о дерево.

Заставлял умываться у родников. Ребята умывались. Сон как будто оставлял их. Но ненадолго. Вскоре опять начинали спотыкаться и чуть не валиться с ног. В особенности Степушка. Павел легонько стукал его по затылку, и Степушка открывал глаза, просыпался.

Над головой опять горели звезды или желтая лампа луны. Крутили деревянные шестеренки цикады. От этих шестеренок спать хотелось еще сильнее.

Обратный путь занимал гораздо больше времени. Ребята едва шли.

У Неаполя Скифского Павел их оставлял и спешил в депо. Иначе мог опоздать на работу. В пять часов трамвай должен быть на линии.

Неаполь Скифский на окраине города, и теперь ребята сами дойдут домой.

Ребята домой доходили, но не сразу.

Они окончательно засыпали на ходу и, сонные, теряли друг друга в городе. Бродили по улицам, не сознавая, где они и что с ними. Откуда и куда идут.

Потом просыпались: Агаша — где-нибудь у здания почты, Степушка — на базаре или возле стоянки извозчиков, Федя — в городском парке, а Мишук и Борис — где-нибудь на вокзале.

Когда наконец добирались до своей улицы, то все прошедшее казалось сном: море, дельфины, яхта, рассыпанные в пути бусы из ракушек...

А может быть, это и был сон?

Но нет. Если лизнешь себя, то почувствуешь вкус соли: они были у моря.

Это не сон. Это правда.

* * *

Прошло тридцать лет.

Павел Акимович водит троллейбус. Из Симферополя в Алушту.

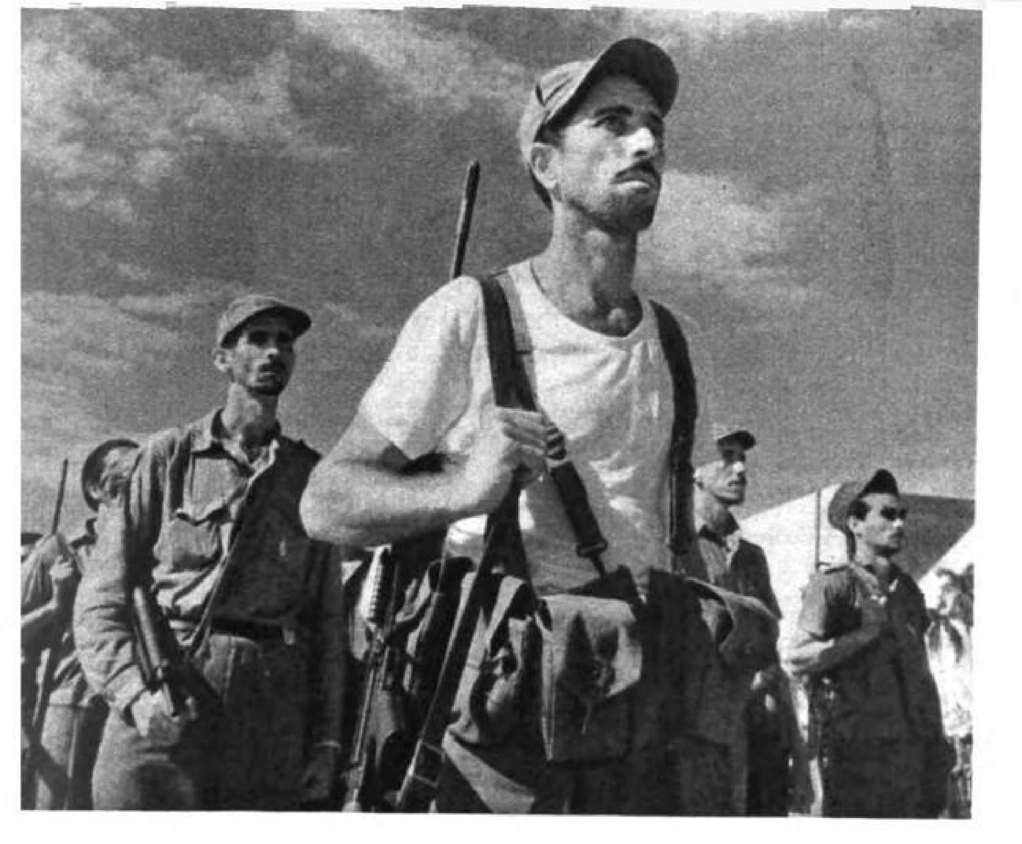
Часто в троллейбусе сидят ребята. Такие же, какими были когда-то Борис, Федя, Мишук, Степушка и Агаша.

Они любят море и едут к нему за сотни и тысячи километров. Хотят поскорее увидеть.

И Павел Акимович показывает им море. С Ангарского перевала, где впервые можно догадаться, что видишь его.

Оно между двумя кипарисами. Еще не толще полоски из ученической тетради.

Народная милиция Кубы.

Здравствуй, Куба!

Д. ГОРЮНОВ

> Когда мученьями и мраком ночи,
> казалось, даже воздух был наполнен
> и пену не показывали волны,
> а только кровь у острых скал плескалась,
> возникла вдруг рука Фиделя с Кубой —
> Карибских вод сияющею розой.
> Так подтверждает жизнь своим свеченьем,
> что человек меняет все на свете...
>
> Пабло НЕРУДА «Песнь о подвиге».

1. Необъявленная война

Снова сгущаются тучи над Кубой. Как и в начале нового, 1961 года, в последние дни правления Эйзенхауэра, телетайпы в редакциях газет и телеграфных агентств всего мира лихорадочно выстукивают тревожные сообщения о Кубе.

Из коротких телеграмм информационных агентств, пространных газетных обозрений, заявлений государственных деятелей вырисовываются черты нового заговора против революционной Кубы.

Прежде всего вновь попытаться настроить другие страны Латинской Америки против Кубы, изолировать ее. Организацию американских государств — ОАГ — призывают, «пока не поздно», принять меры вплоть до «разрыва дипломатических отношений и применения экономических санкций», создать коллективные «полицейские силы» для помощи кубинским контрреволюционерам...

Попытаться сформировать марионеточное «кубинское правительство», создать штаб этого правительства в кубинских горах, признать его, оказать военную помощь. В Вашингтоне по этому поводу собираются на секретные совещания кубинские контрреволюционеры. Есть и кандидаты на пост президента. Это предатели кубинского народа Мануэль де Варона и другие.

Всячески подталкивать контрреволюционное подполье на самой Кубе к новым провокациям и диверсиям. Американские самолеты сбрасывают контрреволюционные листовки над островом. Случается, что то в одном, то в другом районе Гаваны взрываются бомбы.

Продолжать ставку на вооруженное вторжение. Отряды наемников, навербованные в Майами, проходят подготовку перед высадкой на Кубу. Тысячи бандитов находятся в Гватемале, в лагерях военного обучения, на аэродроме в Реталулеу, превращенном в военную базу, контролируемую североамериканцами. Весь день в лагерях слышна стрельба из пулеметов, базук и другого оружия, проводятся упражнения по прыжкам с парашютом. Гватемала не единственная база контрреволюционных наемников. В Коста-Рике, в провинции Лимон, недавно обнаружены два лагеря кубинских контрреволюционеров, готовящихся к вторжению на революционный остров.

Империализм янки пустил в ход все средства, чтобы сломить Кубу. Постоянно организуются диверсионные подрывные акты против кубинского народа. Контрреволюционные элементы обильно снабжаются деньгами, оружием, взрывчаткой. Строятся авиационные базы для пиратских налетов. Воздушное пространство и морские границы Кубы нарушают самолеты и корабли, приходящие с севера. США блокируют Кубу экономически, они собираются применить к ней закон о «торговле с врагом». Порвав дипломатические отношения с Кубой, США толкают к этому другие страны континента.

Не сделано только последнего шага — не объявлена война Кубе. Фидель Кастро имел все основания заявить, что Куба живет в условиях необъявленной войны.

Необъявленная война! Мы, группа советских журналистов, были ее свидетелями, когда путешествовали по острову в январе этого года. Об этом я расскажу в своих заметках, которые хочется начать с одного разговора в министерстве иностранных дел Кубы.

2. Любовь и ненависть

Министр Рауль Роа тогда только что вернулся из Нью-Йорка с заседания Совета Безопасности ООН. Он ездил туда по уполномочию своего правительства, чтобы заявить о готовящемся вторжении на Кубу. Уже немолодой, высокий, худой и подвижной, Роа шутит: он знает о своем недостатке — говорить со сверхзвуковой скоростью — и заранее сочувствует нашему переводчику.

— Часто ли, исключая последние два года, вы думали о Кубе? — спрашивает нас министр.

Мы несколько удивленно переглядываемся, ворошим свою память. В самом деле: что мы знали о Кубе десять, пять, даже три года назад? Не ограничивались ли наши представления сведениями, почерпнутыми из школьного учебника географии? Какие вести приходили в мир с этого далекого острова? Много ли людей с других материков посещали его, многие ли страны торговали с ним? Слышен ли был голос Кубы на международных форумах?

— Как-то в Организации Объединенных Наций,— продолжал Роа,— один дипломат большой страны говорил мне, что раньше он не думал о Кубе, у него не было желания и потребности встречаться с ее официальными представителями. «У вашей страны,— сказал этот дипломат,— не было своего лица». И это очень верно. Куба раньше находилась в парадоксальном положении. Хотя она остров, открытый со всех сторон, но двери ее для внешнего мира были закрыты. Теперь Куба обрела свое лицо, свой голос, она далеко видна, двери ее раскрыты в широкий мир.

История сохранила свидетельства того, как некогда могущественные империи, голосу которых внимал весь мир, превращались в захолустье общественной жизни. И, наоборот, мы являемся очевидцами бурного подъема стран и народов, прежде, казалось, безнадежно смирившихся с вековой отсталостью, а ныне смело выходящих на широкую дорогу прогресса, созидательного творчества.

Да, Куба сейчас не та. Этот небольшой остров в Карибском море, каких немало на нашей планете, виден со всех, самых дальних материков. Мало найдется грамотных людей, которые не знали бы сегодня о Кубе, не ждали с нетерпением сообщений о событиях, происходящих там.

Мир многолик. Разные силы борются в нем. По-разному относятся в мире к усилиям новой Кубы. Одни встречают их с дружеским сочувствием, любовью. Другие — с надеждой. Третьи — с ненавистью, злобным шипением.

Чем обязана Куба вниманию всего мира?

Революции, победившей первого января 1959 года.

«Революциями» в странах Латинской Америки мир не удивишь. Здесь довольно часто происходят военные заговоры, дворцовые перевороты. Но горькая правда состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев все сводится к жалкому фарсу: один диктатор сменяет другого, а полуколониальная зависимость от могущественного северного соседа, гнет монополий, латифундистов, нищета, голод, болезни, безграмотность остаются.

Хорошо, когда у страны появляются свой государственный флаг и гимн. В прошлом году во время сессии Ассамблеи Организации Объединенных Наций я присутствовал на торжественном водружении около здания ООН в Нью-Йорке флагов африканских государств, получивших независимость и принятых в члены ООН. Но, когда позднее в золотисто-голубом зале Ассамблеи я слушал речи представителей некоторых из этих молодых государств, выражавших благодарность своим бывшим хозяевам-колонизаторам за якобы «дарованную» независимость», я понял, что до подлинной независимости этих стран еще далеко. Сделан лишь первый шаг. Впереди у народов этих стран годы упорной борьбы за полное

освобождение от колониальной зависимости.

Счастье Кубы в том, что здесь произошла глубокая народная революция. Могучим плугом она прошлась по острову, перепахала старые общественные и социальные отношения, посеяла семена новой жизни.

Куба обрела подлинную политическую и экономическую независимость, строит жизнь так, как она хочет.

Это-то и привлекает к Кубе симпатии передового человечества. В этом причина неприязни и ненависти международной реакции. Поэтому-то о Кубе сейчас знают в самых дальних уголках земли, знают даже мальчишки.

Как-то в городе Санта-Клара руководитель местного комитета Народно-социалистической партии Арнальдо Мильяна рассказывал нам о пребывании в Советском Союзе. Мильяна не молод, но крепок не по годам. Когда мы ездили по провинции, он все время сопровождал нас. Мильяна вооружен тяжелым автоматом, с ним он не расставался ни на минуту, лишь время от времени перекидывал его из одной руки в другую. Мильяна говорил:

— Я две недели пробыл в Советском Союзе, был в Москве, Ленинграде, Минске, Риге. Всюду я чувствовал симпатию, которую питает советский народ к нашей революции, к Фиделю Кастро. В одном из колхозов я спросил у мальчугана, что он знает о Кубе. Он ответил: «Я не очень хорошо представляю, где находится Куба, но знаю, что там произошла революция и у вас есть Фидель Кастро».

3. Волонтеры революции

Гавана с ее миллионным населением — большой, оживленный и неожиданно красивый город. Город ультрасовременных небоскребов, богатых вилл, утопающих в тропической зелени, город старых кварталов с узкими испанскими улочками, обшарпанными домами, бесконечными рядами магазинчиков, кафе, закусочных. Великолепна просторная набережная Гаваны со старинной испанской крепостью. Голубой океан сливается с голубым, безоблачным небом. Ослепительное солнце заливает улицы нестерпимо ярким светом. Влажность в это время года невелика, и дышится легко.

Но для сегодняшнего климата Гаваны характерна не эта тропическая благодать. Все здесь пронизано ароматом революционного энтузиазма, народного подъема, самоотверженности. Не ощутить этого может только слепой и глухой.

В первый день по приезде в Гавану нас пригласили на просмотр первого кубинского художественного фильма, «Рассказы о революции». Долго ждали начала. Наши хозяева-журналисты шутят: «Сеанс назначен на десять часов вечера по-кубински, значит, с опозданием». Сначала показывали кинохронику. Самое любопытное, как смотрят картину. Показывают кадры: после взрыва, устроенного контрреволюционерами в одном из универсальных магазинов Гаваны. Зал скандирует: «К стенке террористов!», «К стенке предателей!». Горячими аплодисментами, одобрительными возгласами встречают кадры хроники, показывающие, как девушки из народной милиции заменяют полицейских на улицах Гаваны. А вот кадры, рассказывающие о том, как общественность готовит подарки детям к Новому году. Американцы наложили запрет на торговлю с Кубой, даже детские игрушки не хотят продавать. Диктор говорит: «Игрушки кубинским детям присылают Советский Союз и Чехословакия». В зале буря аплодисментов. На экране кадры кинохроники, изображающие заседание Организации американских государств. Гертера, послов некоторых других стран, особенно злобно выступающих против Кубы, зал встречает улюлюканьем, свистом.

На текстильной фабрике в Бауто, под Гаваной, мы познакомились с двумя женщинами: учительницей Эдит Россье и домохозяйкой Дорой Брито. Две пожилые женщины занимались сбором средств на содержание бойцов народной милиции, находившихся в то время в окопах на охране побережья. Обе женщины тоже проводили своих: у Россье в траншею ушли две дочери, у Брито — муж и дочь. Сначала женщины собирали деньги и продукты среди знакомых, а потом стали ходить по домам, где живут рабочие фабрики.

— Ну и как, охотно помогают?

— Очень. Сегодня вдвоем собрали пятьсот песо[1] да продуктов почти на тысячу.

— А что пишут ваши с побережья?

— Пишут, что все хорошо. Сыты и одеты, тверды и непреклонны, ни на что не жалуются,— говорит Россье.— Там у одного пожилого рабочего, Хосе Рамоса, случился тяжелый приступ заболевания почек. Врач настаивал на немедленной отправке домой. Но Хосе категорически запротестовал, слезно умолял товарищей заступиться. Оставили. Сейчас, кажется, поправился.

— Мы тоже не жалуемся,— вставляет Брито,— а ведь есть многодетные семьи, им нелегко, если глава ушел на побережье. Но в окопы пишут, что все в порядке, не волнуйтесь, нам помогают.

Здесь же, на фабрике, один из ее теперешних руководителей, Амадо Гарсия, рассказал нам о добровольных взносах рабочих в помощь революции.

На закупку вооружения для борьбы с контрреволюцией собрано 44 тысячи песо. На проведение аграрной реформы — 52 тысячи. На «операцию корова» — 2 700 песо. «Операция» эта состояла в том, что собранные среди населения средства передавались молодым сельскохозяйственным кооперативам на покупку коров. Сейчас рабочие фабрики все до одного добровольно отдают 4 процента заработной платы на индустриализацию страны.

И так всюду. Рабочие сахарных заводов, а за ними и некоторых других предприятий добровольно «заморозили» заработную плату, чтобы помочь государству преодолеть экономические трудности, с которыми революция сталкивается на каждом шагу. Учителя-добровольцы из городов уезжают в горные селения Сиерры-Маэстры обучать детей грамоте; в старое время в сельской местности учителей никогда не хватало. Рабочие, служащие, молодежь в субботние и воскресные дни выезжают в деревни, чтобы помочь кооперативам в строительстве жилья. Это «добровольцы воскресенья». Жители Гаваны, объединившись в группы ОТВ — отряды трудящихся волонтеров,— на месте пустырей разбивают сады и парки, высаживают миллионы деревьев, кустарников. Так возник парк имени Хосе Марти, парк Революции. Я видел очереди у донорских пунктов в Гаване: девушки, юноши бесплатно отдают свою кровь на тот случай, если начнутся бои.

У революции много планов, неотложных дел. Ей досталось тяжелое наследство. Многое надо ломать, перестраивать, а самое главное — создавать заново. Надо завершить аграрную реформу, покончить с уродливо однобоким, малокультурным развитием сельского хозяйства, превратить его в многоотраслевое. Строить индустрию, чтобы производить самое необходимое для развития народного хозяйства и дать работу сотням тысяч безработных. Посадить всех детей за парту, ликвидировать безграмотность, заново готовить кадры специалистов, умеющих вести хозяйство на плановой основе. Строить жилища в городе и деревне, чтобы переселить людей из лачуг. Создать систему народного здравоохранения, ликвидировать туберкулез и другие болезни, от которых преждевременно умирают кубинцы. Десятки проблем стоят перед республикой. И все их надо решать быстро, сегодня. И на все нужны средства, много средств, а их не хватает.

На помощь государству приходят добровольцы. Они отдают свои средства, свое свободное время, свои руки, знания.

4. Что такое пачанга

Кубинца, по природе своей темпераментного, веселого, общительного, непосредственного человека, так часто обманывали, что в его характере появились чуждые ему черты скепсиса, неверия, отчаяния. Революция как бы вернула кубинцу его натуру — жизнерадостность, оптимизм, веселый нрав.

В прошлом году в Советском Союзе гостила делегация кубинских журналистов, ею руководил главный редактор правительственной газеты «Революсьон» Карлос Франки. Как-то, рассказывая о положении в стране, Франки в шутку сказал, что «кубинцы строят новую жизнь с пачангой».

— Что это такое?

— Об этом нельзя рассказать. Чтобы понять это, надо приехать на Кубу.

На аэродроме в Гаване делегацию советских журналистов встречали ведущие журналисты столичных газет, радио, телевидения. Среди встречающих выделялись яркими, нарядными костюмами три музыканта. Напевая и покачиваясь в такт музыке, они играли какую-то мелодию. Это и была пачанга, которую нам предстояло узнать на Кубе.

Позднее мы поняли: когда кубинцы говорят, что строят новую жизнь с пачангой, они этим дают понять, что хотят строить весело, с улыбкой, раскрывая душу, национальный характер. Темперамент, непосредственность кубинцев проявляются не только в личном общении, но и на массовых собраниях.

2 января в Гаване состоялся военный парад в честь второй годовщины революции. Утром едем на площадь. Улицы перекрыты, но, когда сопровождающие нас говорят патрулям, что это советские журналисты, нас пропускают, и мы подъезжаем почти к самой площади «Пласа Сивика». Здесь величественный монумент Хосе Марти. От него спускаются каменные трибуны. Напротив трибун — здание министерства связи. На нем призывы: «Да здравствует год образования!», «Да здравствует союз рабочих и крестьян!», «Да здравствует революционная милиция!», «К стенке предателей!».

Выстроившиеся на площади отряды народной милиции и собравшиеся на трибунах аплодисментами встречают появление падре Эрмано Ленсе. Падре поддерживает революцию, и церковь запретила ему вести службу. Теперь он выступает по радио, телевидению, разоблачает происки империализма.

В форме бойца народной милиции — красивый молодой человек, начальник протокола МИД. Нака-

«К стенке предателей!», «К стенке террористов!» — гневно требуют участники митинга в Гаване. Кубинцы в любую минуту готовы защищать свою родину.

[1] Песо равно доллару.

нуне он встречал нас на приеме в президентском дворце. Тогда он был одет в безукоризненный вечерний костюм, а сегодня — в защитного цвета брюках, в голубой рубашке. Президент Дортикос сегодня в такой же форме. А вот еще знакомое лицо, с которым я встречался в Нью-Йорке. Это майор армии. На улице нещадно палит солнце, а он ходит в русской пыжиковой шапке, ее привез в подарок из Москвы Че Гевара.

Начинается парад войск. Идут части повстанческой армии. Идут ветераны Сиерры-Маэстры, участники гражданской войны. Проходят зенитные части, везут противотанковые орудия, тяжелую артиллерию. Идут самоходные орудия, танки.

По площади разносятся мелодии революционных гимнов. Играют гимн Кубы, гимн Движения 26 июля, «Марсельезу». А вот и «Интернационал». Трибуны, на которых много иностранных гостей, поднимаются. Люди поют, на многих языках звучит революционный гимн пролетариев всех стран.

Я смотрю на правительственную трибуну. Фидель Кастро улыбается, улыбается президент Дортикос. Расплывается в довольной улыбке лицо Блас Рока, генерального секретаря Народно-социалистической партии.

На площадь вступают батальоны народной милиции. Бойцы идут в полной выкладке, с оружием, вещевыми мешками. Впереди отряды молодых повстанцев; подростки, юноши вооружены новейшим легким оружием. Многие из них по нескольку раз поднимались на пик Туркино, самую высокую точку Сиерры-Маэстры. Это для тренировки. Идут девушки в зеленых брюках и светлых кофточках. Шаг их тверд, пружинист, под правой рукой у них автомат. Это учителя — бойцы народной милиции.

Идет вооруженный народ, как у нас в сорок первом году народное ополчение. У многих на брюках следы глины. Они пришли прямо из окопов, с побережья, где день и ночь наблюдают за морем, не покажется ли вражеский десант. У милиции — минометы, современная зенитная артиллерия, противотанковые орудия.

Кульминационная часть парада — американская ракета. История ее такова. Американцы запустили космическую ракету со спутником. Ракета не сработала и упала в провинции Ориенте, недалеко от города Ольгин. Ракету подобрали, реставрировали и везут по площади. На ней надпись: «Убийца коров из Пентагона». В центре площади платформа с ракетой останавливается. Ее плотным кольцом окружает народ. Люди ликуют: машут флагами, шапками, платками. Площадь скандирует: «Фидель, будь тверд, ударь как следует по янки!», «Фидель, ты чемпион, ты съел американскую акулу!». На Кубе популярна притча об акуле и сардинах. Акула — это США, а сардины — латиноамериканские страны. Маленькой Кубе не захотелось быть съеденной, она бросила смелый вызов акуле, и народ гордится этим.

После парада, который длился около восьми часов, выступает Фидель Кастро. Спустя несколько минут пошел дождь. Фидель продолжает говорить. Но его неожиданно перебивают. Вся площадь начинает скандировать: «Фидель, оденься!», «Фидель, оденься!». Кастро отказывается, говорит, что дождь небольшой. Но площадь продолжает скандировать: «Фидель, оденься!».

Делать нечего, приходится подчиняться. Фидель заканчивал свою речь поздним вечером в свете прожекторов в накинутом на широкие плечи военном плаще...

В Мансанильо — портовый город провинции Ориенте — мы приехали под вечер. Все провинциальные центры Кубы — старинные испанские города — построены по одному плану. В центре обязательно площадь. С одной стороны муниципалитет, напротив — отель, слева и справа — магазины. Когда опускается вечер и спадает жара, площади заполняются горожанами. В те дни города бурлили политическими митингами и демонстрациями. Люди собирались, чтобы показать свою готовность дать отпор американской агрессии. Позавчера манифестацию проводили рабочие, вчера — учителя, сегодня — молодежь. Так было в Санта-Клара, в Ольгине. Не был исключением и Мансанильо.

Вечером здесь состоялся многотысячный митинг. Нас попросили принять участие в нем. Выступают представители от различных организаций: от профсоюзов, от Движения 26 июля, от Народно-социалистической партии, от женщин, от молодежи. Говорят горячо, страстно — словами, идущими от сердца. Собравшиеся реагируют бурно, то и дело прерывая ораторов аплодисментами, возгласами: «Родина или смерть!», «Террористов к стенке!», «Мы победим!».

От нашей журналистской делегации выступал Арнольд Калинин. Первую фразу, «Дорогие товарищи и друзья!», он произнес по-русски, а потом повторил ее по-испански. Надо было видеть, какой восторг это вызвало. Вся площадь вдруг стала скандировать: «Калинин, Калинин, будь уверен, с нами не пропадешь!», «Калинин, Калинин, будь уверен, с нами не пропадешь!». И так несколько раз.

Когда Эрнесто Че Гевара вернулся в Гавану из поездки в Советский Союз, Китай, Чехословакию и другие страны, где он вел переговоры по экономическим вопросам, он вскоре выступил по телевидению. Рассказывая об итогах поездки, он поделился таким эпизодом. Когда он попросил помочь построить на Кубе завод по производству ножей, вилок, ложек, ему заметили, что все это может поставить, например, Чехословакия.

Этот факт запомнился. Когда в следующий раз Гевара выступал на каком-то митинге, собравшиеся начали вдруг распевать песенку: «Кучильо, кучара, вива Че Гевара!» — «Нож, ложка, да здравствует Че Гевара!».

Но глубоко ошибается тот, кто подумает, что кубинцы легкомысленны, что они лишь митингуют да распевают веселые песенки. Нет, они настроены решительно. Сломав старый «порядок», порядок бесправия, беззакония, горя, нищеты и болезней, они всерьез взялись за самую сложную задачу революции — за экономику.

Продолжение следует.

Риск

Рассказ

Сергей БОРЗЕНКО

Рисунок П. САРКИСЯНА.

Строители гидростанции дорожили каждой минутой. В бараках не было ни одной колоды карт, и ни одна душа в свободное время не забивала «козла», да и не было здесь свободных часов. Тысячи людей работали без праздников и выходных, зачастую перерабатывая по нескольку часов в сутки и не требуя оплаты за сверхурочные.

Пока возводили здание машинного зала до подкрановых путей, инженеры решили совместить строительные и монтажные работы. Но агрегат оказался столь огромным, что для установки даже одной его детали требовался мостовой кран, а он еще не был смонтирован.

Старший прораб комсомолец Вяткин, занесенный в обширные списки рационализаторов, предложил тяжеловесные детали собирать на площадке двумя кранами-бетоноукладчиками. Главный инженер, к которому Вяткин обратился со своим предложением, покачал лысой головой и согласился. Молодой инженер чем-то напомнил ему сына, работавшего на строительстве Братской гидростанции.

Вяткин с бригадой Якова Чернявого собрал крупные узлы для первых двух агрегатов задолго до того, как возвели здание.

Статор генератора полагается собирать на его фундаменте, во всяком случае, так делалось всегда на всех гидростанциях Советского Союза и за границей. Но фундамент не был готов, и как-то ночью в деревянной столовой, за столом, у которого группа инженеров допивала теплый и несладкий компот, возникла смелая идея: собрать статор на внешнесборочной площадке, а затем уже перенести его в кратер агрегата.

Инженеры не помнили, кто первый предложил эту идею, и полагали, что она возникла одновременно у всех сразу. Восемь инженеров-монтажников допивали компот из сухофруктов, и никто не высказался против, все поддержали идею и, дополняя друг друга, разработали смелую схему, и там же, на клеенке, которой был застлан стол, инженер Кулибин составил график. Тогда никто не подумал о главном, о том, какая сила будет переносить тяжести, собранные воедино.

И вот статор генератора собран, и вопрос, обойденный тогда в столовой,— как перенести столь громоздкую, весом в семьсот тонн, чувствительную деталь, чтобы не повредить тончайшей обмотки,— возник снова. В машинном зале уже смонтированы два мостовых крана, но каждый из них может поднять не больше четырехсот тонн: это предел.

Монтажники возвращались с вечерней смены. В лица дул морозный, пронзительный ветер, затруднял дыхание; люди шли, закутав рты теплыми шарфами, наклонившись вперед, преодолевая колючий ветер, сбивающий с ног.

Кулибин, шагавший впереди по протоптанной в молодом снегу тропинке, остановился, задумчиво, словно разговаривая с самим собой, сказал:

— А нельзя ли всю тяжесть разложить на оба имеющихся у нас мостовых крана?

Те, кто шел вслед за ним, не расслышали, остановились. Кулибин, повернувшись спиной к ветру, повторил свою фразу. Все разобрали ее теперь, но никто не поддержал его: слишком уж дерзким показалось предложение.

В коридоре дощатого барака, в котором жили, вернее, только ночевали, инженеры, Графов взял Кулибина за воротник полушубка, сказал:

— Заманчиво, Ваня, но рисково.

— Я бы на такое не решился,— обметая веником валенки, поддержал Графова Бондаренко.

Кулибин вошел в комнатенку, оклеенную газетами вместо обоев, и, стараясь не разбудить молодую жену и годовалого сына, щелкнул выключателем. Лампочка налилась жидким, в четверть накала, светом: где-то замкнулись провода.

Кулибин зажег свечу, присел к столу, заваленному книгами и журналами, взял в руки карандаш и за отсутствием бумаги принялся чертить на страницах «Правды». К утру он составил схему, предлагая на траверсе, предназначенном для переноса ротора, установить две поперечные железные балки, прикрепить к ним статор, схваченный в двенадцати точках, равномерно удаленных друг от друга.

Проверив готовую схему, Кулибин почувствовал легкое головокружение, но не мог понять: то ли это от усталости, то ли от творческого восторга, охватившего все его существо.

Перед тем как отнести схему начальнику строительства, молодой инженер решил заручиться моральной поддержкой и показал ее Алхимову — конструктору завода, изготовившего генератор.

Алхимов был человек пожилой и неторопливый. Он внимательно прочел чертеж, покачал крупной седой головой:

— Как бы чего не вышло, дорогой! Я бы на вашем месте так не рисковал.

— Но, не рискуя, нельзя двигаться вперед! — запальчиво возразил Кулибин, хотя и ждал от Алхимова подобных слов.

— Я вас понимаю, но, не дай бог, случись авария, и судьи вас не помилуют. Уж я-то знаю, что отсутствует какой бы то ни было закон, утверждающий правомерность производственного риска.

— Есть закон или нет, а люди всегда рисковали и будут рисковать. Без риска ничего нового не внедришь.

— С точки зрения формального права риск, как это ни странно, вроде бы и недопустим.

Конструктор взял чертеж, еще раз внимательно его прочел и, вынув самописку, написал на нем твердым, разборчивым почерком: «Со схемой согласен, но наш завод снимает с себя ответственность» — и вместо подписи поставил свои инициалы.

Кулибин прочел резолюцию, улыбнулся.

— А я полагал, что кто-кто, а вы, опытный производственник, поддержите меня.

— Э, нет, я не хочу за ваши штучки десять лет коптиться в тюрьме, у меня, батенька, дети. Да и у вас и ребенок и молодая жена, подумайте хотя бы о них.

Уверенный в своих расчетах, Кулибин, боясь, что его могут отговорить, побоялся к кому бы то ни было еще раз обращаться и решил все делать на собственный страх и риск. Заказал кузнецам надежные поперечные балки; монтажники укрепили их на траверсе, и такелажники застропили к ним статор дюжиной стальных тросов. Инженер придирчиво проверил каждый строп, тщательно осмотрел и ощупал крепления. Не дай бог, лопнет один строп — равновесие в воздухе нарушится и вызовет катастрофу!

Рабочие знали, для чего все это делается, с интересом смотрели на смелого инженера, и никто не задавал ему вопросов, понимая, что человек бросил вызов судьбе. Кулибин пользовался на строительстве авторитетом, который он заслужил работой, упорством, предусмотрительной осторожностью. Сейчас он все поставил на карту, ибо не мог стоять в стороне от нахлынувших событий и малодушничать. Его словно сорвало с места и понесло вперед.

И вот наступила долгожданная и тревожная ночь, когда собранный статор надо было переносить в зияющий черной глубиной кратер агрегата. С наивностью, присущей молодости, Кулибин полагал, что никто не знает о его затее. Но он ошибался. Монтаж первого агрегата был событием для страны, и в машинном зале собралась масса народа. Приехали именитые специалисты из министерства, консультанты-академики, секретарь обкома партии и начальник строительства, еще моложавый, высокий генерал, доктор технических наук. Никто не одобрял идеи Кулибина, но никто и не возражал, и все делалось как бы само собой.

На площадке табунами бродили шумные корреспонденты, рассматривая детали машин, поражающие своими размерами: как плавники гигантских рыб, лежали стальные лопасти турбин, будто башни, высились трансформаторы.

На внешнесборочной площадке, как бы продолжающей машинный зал, вспыхивали бледные молнии. Фотокорреспонденты снимали статор — огромное металлическое кольцо, размерами напоминающее цирковую арену. Они знали, что по вечным законам физики ротор, вращаясь, создает магнитное поле, вследствие чего в обмотке статора вырабатывается переменный ток.

Невзирая на торжественность момента, обычная, повседневная работа шла полным ходом, сыпали красными искрами сварочные аппараты, деловито стучали компрессоры. Над головами неслышно проплыл кран, подхватил четырехосную железнодорожную цистерну, наполненную маслом, и, словно игрушку, перенес ее в другой конец площадки.

Кулибин явился позже всех со своей женой — маленькой светловолосой женщиной в коротенькой меховой шубке. Он молча оглядел гудящую от нетерпения толпу, выделил из нее областного прокурора с молодым любознательным лицом, подумал, что тот уже наверняка прикинул, сколько лет заключения получит инженер, если искалечит статор. Присутствие представителя закона напомнило об ответственности, и инженер с горечью задумался о том, что правовые нормы отстают от требований жизни, о том, как было бы хорошо, если бы моральное право на риск совпадало с правом формальным!

Присутствие прокурора несколько испортило Кулибину настроение. Прокурору было жарко, и он по-женски, как веером, обмахивался газетой. Инженер отвернулся от него, спросил ожидавших молча такелажников:

— Где Яков Павлович?

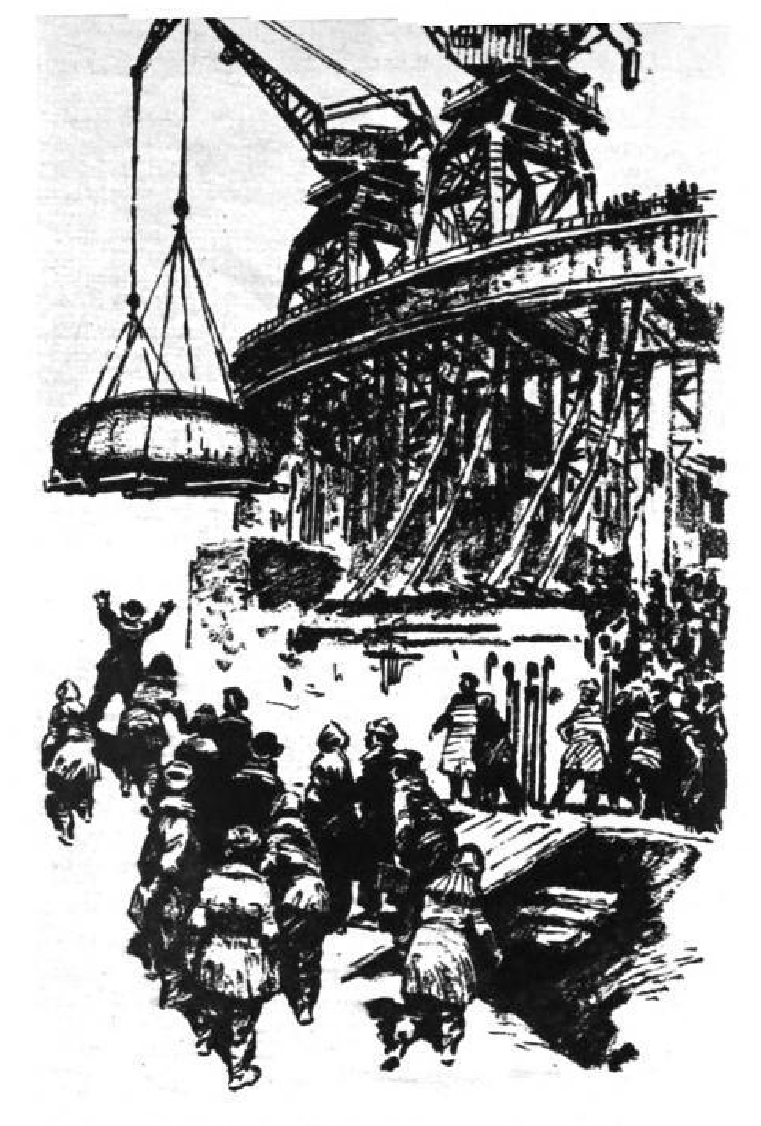
— Чернявый пошел прикорнуть на часок... Наказал разбудить, когда подойдут мостовые краны.

Чернявый — бригадир такелажников, прославленный мастер — руководил на строительстве переброской всех крупных узлов агрегата, и даже главный инженер, самолюбивый и властный старик, не позволял себе вмешиваться в его распоряжения, когда груз подымали в воздух.

Чернявый пришел раньше, чем подали краны, видимо, не мог уснуть в ночь перед боем: ведь отовсюду доносился волнующий, яростный гул битвы. Ударяя железным прутом по стропам, прислушиваясь к ясному звону, бригадир проверил крепость строп и остался доволен. Рабочие наблюдали за лицом Чернявого и отметили в нем полную удовлетворенность.

Срывая желтые искры с медных троллейных проводов, в полутьме головокружительной высоты, похожие на морские катера, проплыли два грузовых крана. Вместе они несли траверс, который каждый кран поддерживал металлически поблескивающими канатами.

Из кабин кранов выглядывали молодые лица крановщиков, даже зимой черные от загара. Каждый находившийся на площадке знал: крановщики должны действовать согласованно — одновременно поднять и

перенести гигантскую деталь, требующую ювелирной точности при установке.

Яков Чернявый выбрал место, откуда его могли видеть оба крановщика, бросил последний проницательный взгляд на статор, словно скала, вросший в землю, и вдруг сделал властный, уверенный жест обеими руками снизу вверх, как дирижер, управляющий огромным оркестром.

Жребий был брошен. Завертелись колеса на кранах, поползли вверх натянутые до предела стальные канаты, статор нехотя оторвался от бетонного пола и медленно-медленно, по сантиметру, стал подыматься все выше и выше, к ярким лампам, словно звезды горящим над головами.

Неожиданно статор едва заметно накренился и тотчас с силой качнулся влево. Главный инженер ахнул.

Кулибин сдернул очки и закрыл глаза. Он слышал, как сразу вдруг умолкли все звуки, остановились машины, перестали свистеть маневровые паровозы. Он слышал только стук собственного сердца да волнующий гул волжской воды, до предела стиснутой железобетонными стенами и рвущейся на простор.

Инженер болезненно ждал обвального грохота падающего статора, криков и ругани. Но ничего этого не услышал. Открыл глаза, увидел Чернявого. Бригадир такелажников спокойно стоял на месте, куда мог бы сорваться статор, и только бронзовое лицо его потемнело от прихлынувшей крови. Закусив толстую губу, он сделал едва заметное движение пальцем левой руки, понятное только крановщикам: левый кран отстал на какую-то четверть оборота своих колес, нарушил равновесие, и Чернявый одним мановением руки велел уравнять движение обоих кранов.

Запахло сиренью, и Кулибин не сразу понял, что это жена, стоявшая рядом, вынула из ридикюля носовой платок и вытерла себе вспотевший лоб.

Много движений руками пришлось сделать Чернявому, пока перенесли статор, медленно плывший на огромной высоте. Может быть, один Кулибин и знал, сколько раз у бригадира холодело и обрывалось сердце. Но лицо Чернявого по-прежнему оставалось строгим и невозмутимым: человек вполне владел собой. Начальник строительства молча курил папиросу за папиросой, прикуривая от окурков: в таких делах табак успокаивает нервы.

Установка статора продолжалась несколько томительно длинных часов, все делалось обдуманно и спокойно и, однако, волновало, как музыка, как гимн. А может быть, то и был никем не записанный гимн труду?

При свете восходящего солнца статор установили на место, бережно, словно вложили в агрегат живую душу. Строгое, выдубленное морозами лицо Чернявого засияло.

Всем хотелось похлопать Кулибина по плечу. Первым бросился к нему конструктор Алхимов, обнял его могучими ручищами, сказал:

— Молодец, Ваня, вы наша гордость!..

Но Кулибин почти не слышал добрых слов осторожного конструктора, почти не видел восторженных лиц Вяткина, Графова, Бондаренко. Он стоя засыпал.

Такелажники бережно взяли его под руки, усадили в машину начальника строительства. Рядом с ним села жена и, поминутно целуя колючее, небритое лицо мужа, увезла его домой — в дощатый барак, до которого долетали незамерзающие брызги кипящей Волги.

На съемке фильма «Алешкина любовь». Вот так поезд «обгоняет» грузовую машину.

Режиссеры Л. Трауберг и А. Тутышкин репетируют сцену из фильма «Вольный ветер».

Будущему герою фильма «Каток и скрипка» потребовалась помощь... Хорошо, что мама рядом!

БОЛЬШОЙ МОСФИЛЬМ

В фильме «Слепой музыкант» снимаются артисты Ливановы — отец и сын. Б. Н. Ливанов следит за игрой своего сына, исполняющего главную роль.

Фото А. НОВИКОВА, Е. УМНОВА.

Комбинированные съемки по фильму «Чистое небо».

Были в Москве лет тридцать назад две кинофабрики: «Совкино» и «Госкино». Порой на крышах немудреных павильонов происходили странные вещи. Устанавливались какие-то декорации, суетились люди возле треноги, кто-то исступленно кричал в рупор. Так создавались первые советские кинобоевики.

Пришел тридцатый год, и эти кинофабрики объединились.

Лошаденки потащили на Потылиху грабарки, груженные песком и кирпичами; застучали топоры плотников.

Начал создаваться «Мосфильм». По советским и зарубежным экранам уже с огромным успехом прошли «Стачка» и «Броненосец «Потемкин». Росла Советская страна, росли ее культура, искусство, ее кинематография... Росла и крупнейшая в Союзе киностудия — «Мосфильм».

Сюда пришли инициативные и энергичные люди. Начали снимать первые звуковые картины. И хотя стук молотка и визг пилы строителей зачастую еще мешали записи звука, голос советского кинематографа все громче и громче звучал в мире...

Кинематограф всегда привлекает зрителей. Но не многие из них знают, что за мгновенно промелькнувшим на экране кадром стоит труд и творчество множества людей.

На экране актер. Его движения, мимика, голос естественны, жизненны и, казалось бы, непроизвольны. Но сколько за этим репетиций! Сколько съемок вариантов одного и того же кадра! Просмотренные, отобранные, смонтированные, дубли эти и образуют фильм — воплощение сценарного и режиссерского замыслов.

...Мы путешествуем по павильонам.

— Хороший дубль,— слышим разговор в одном павильоне.

— Нет, снимем еще раз...

— Может быть, вообще мы будем снимать две картины? — говорит первый.

Это совместно работают над фильмом два молодых режиссера.

В следующем павильоне народный артист Борис Николаевич Ливанов, снимаясь сам, с вниманием следит за игрой сына Василия. Отец и сын Ливановы участвуют в фильме «Слепой музыкант».

...А здесь съемок нет — все сидят и чего-то ждут. Это в кино бывает: картины не так стремительно снимаются, как это выглядит на экране.

— Кого ждем? Может, начнем?

— Ушли за дымом. Сейчас принесут.

Дым приносят в маленькой баночке, поджигают. Щиплет глаза.

Еще одна спичка, и «ракета устремляется в космос». Зритель в кинотеатре не заметит тоненьких проволочек, на которых подвешен этот «космический корабль».

А в этом павильоне снимают... лошадь. Неслышно ступает она по мостовой. Но не от робости. Просто булыжник здесь мягкий, словно резиновый. В фильме, конечно, будет раздаваться цоканье копыт.

Новейшие пластические массы используются в кинематографе довольно широко, из них делается много бутафории, они заменяют с лихвой даже мрамор и гранит...

Три с половиной тысячи человек работают сейчас на «Мосфильме»; конечно, далеко не все их фамилии написаны в титрах, но все они создают фильм.

Еще не так давно «Мосфильм» снимал одиннадцать-двенадцать картин в год; в 1961 году их будет двадцать пять, а потом и сорок.

На студии — шесть творческих объединений. К их услугам десять павильонов, оборудованных первоклассной техникой. Здесь кондиционированный воздух и аварийная вентиляция. Две электрические подстанции дают переменный и постоянный ток. Тут освоена новая аппаратура, которая позволяет снимать широкоформатные фильмы на пленке шириной в семьдесят миллиметров. Одна такая картина у нас вышла на экран — это полнометражный художественный фильм «Повесть пламенных лет», отлично поставленный режиссером Ю. Солнцевой по сценарию А. П. Довженко.

...Засыпает Москва. Гаснут фонари на набережных и бульварах. Но на «Мосфильме» работа продолжается.

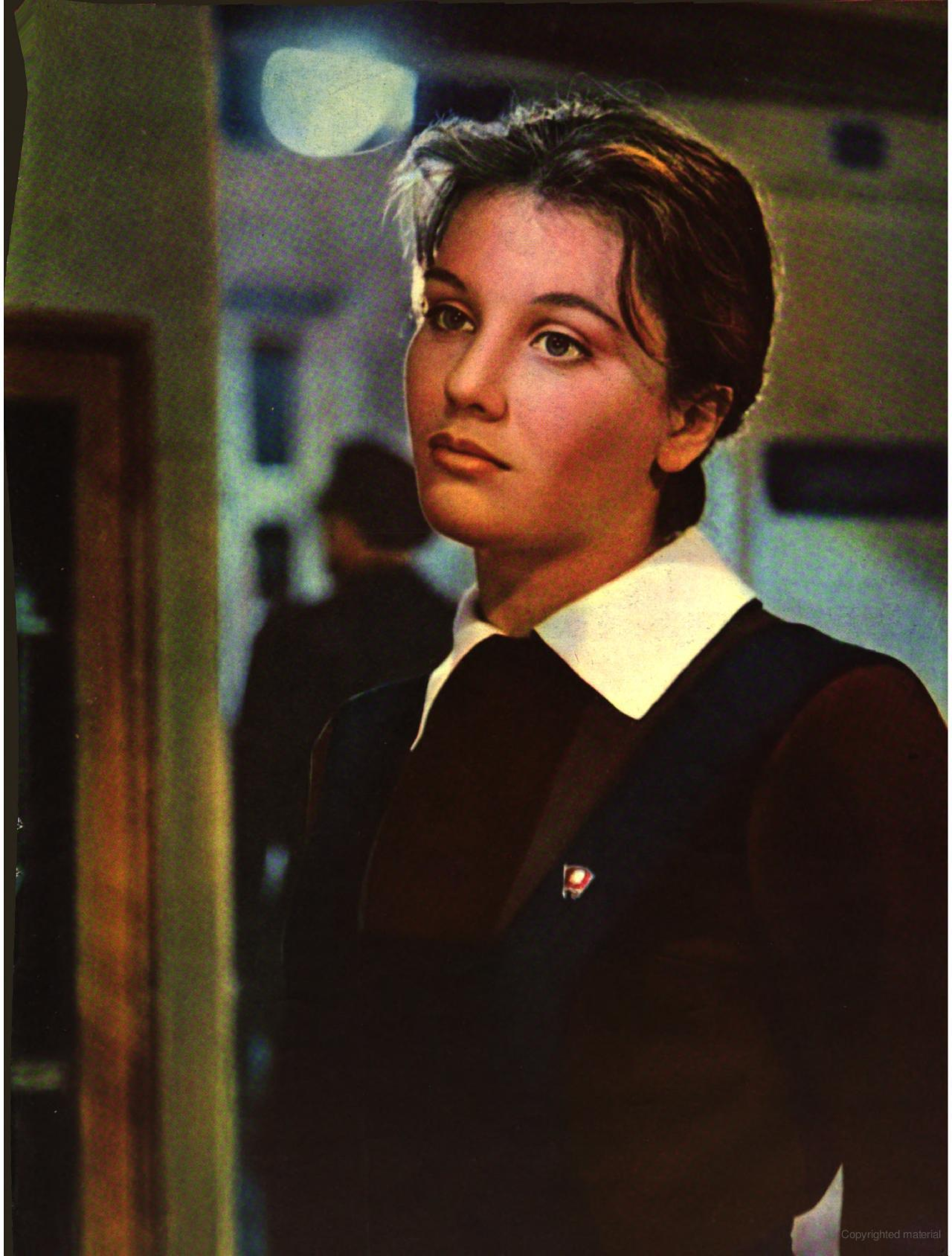
— Внимание! Мотор! Начали!

Над входом в павильон горит сигнал: «Тише! Идет съемка!»

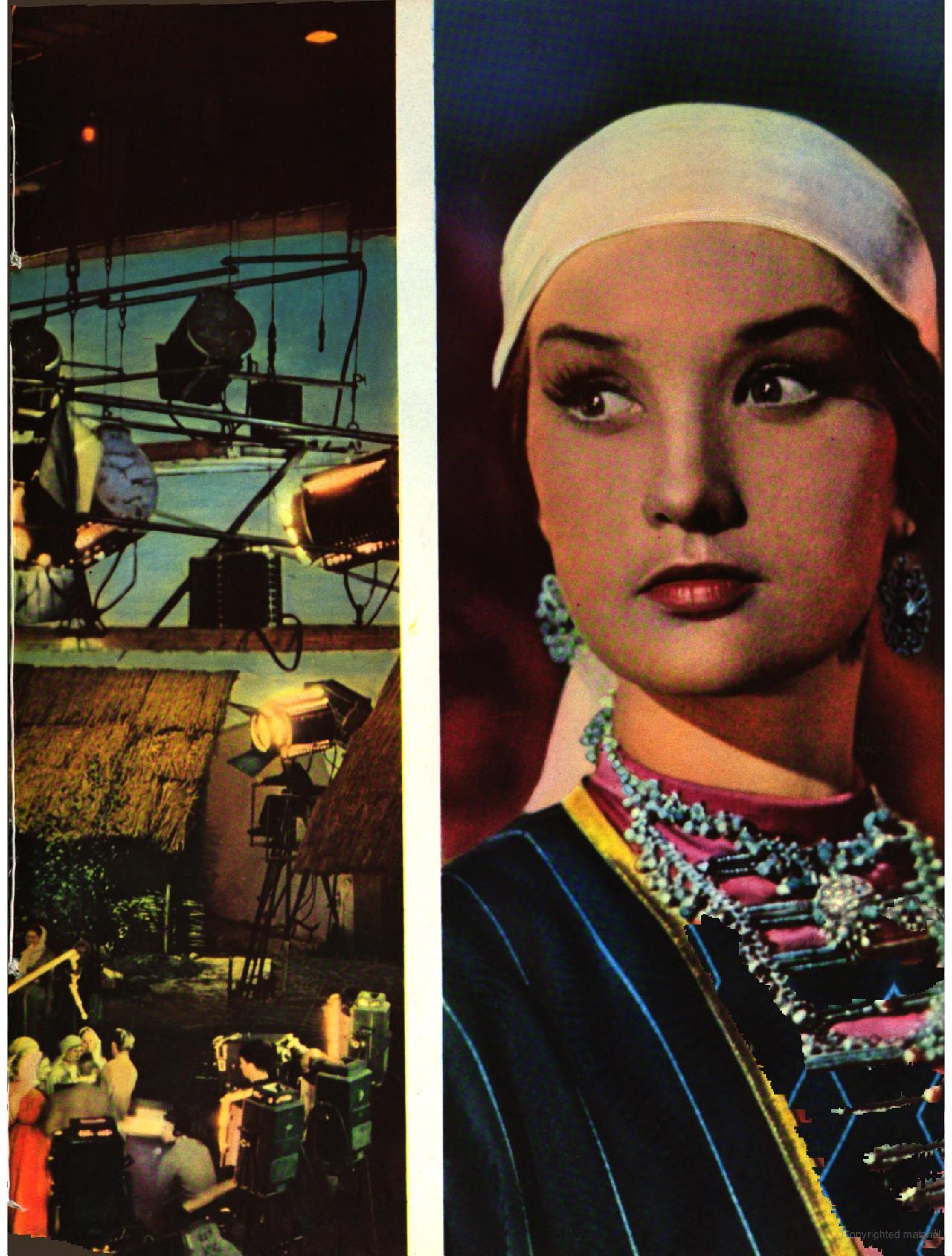
А. НОВИКОВ.

Жанна Прохоренко, известная зрителям по фильму «Баллада о солдате», снимается сейчас в новом фильме «А если это любовь?». Постановка Ю. Райзмана.

На 2-й и 3-й страницах вкладки: идет съемка одной из массовых сцен фильма «Казаки». Постановка В. Пронина. В роли Марьяны — З. Кириенко.

ДЕЛО НЕ ТОЛЬКО В МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

«О материнской любви» — так называлась статья писателя Вл. Немцова, опубликованная в № 2 «Огонька» за 1961 год. В ней затрагивались вопросы воспитания детей в семье.

Читатели горячо откликнулись на это выступление. Одни делятся своим житейским опытом, другие просят совета, третьи вносят предложения, которые могут оказаться полезными. Сегодня мы публикуем некоторые из писем, поступивших в редакцию.

ВМЕСТЕ СО ШКОЛОЙ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Я полностью согласна с Вл. Немцовым, что излишняя любовь и ненужная опека воспитывают эгоизм, тунеядство и другие пороки. В моей практике есть немало случаев, когда излишняя любовь матери к ребенку приносит вред.

Борис Андреев с детских лет полюбил слово «дай». И все, что он просил, выполнялось матерью, отцом, двумя бабушками с поразительной быстротой, будь то игрушка, пирожное, коньки. После семилетки Борис вопреки желанию родителей поехал учиться в машиностроительный техникум. Учился он плохо, через полгода был исключен и вернулся домой. Родители так обрадовались, что не пристыдили своего сынка за печальный финал, а продолжали опекать его. На карманные расходы мать выдавала ему солидную сумму, а подросток проводил время, как хотел, заводил знакомства с сомнительными людьми, порой не ночевал дома, все чаще приходил в нетрезвом состоянии. Однажды, возмущенная его поведением, мать сказала ему, что не будет его кормить, пока он не устроится на работу. Борис заметил с усмешкой: «А ты меня по закону до восемнадцати лет кормить обязана». После этого «карманных денег» Борис лишился. Его пытались устроить на работу, но он, походив одну-две недели, бросал работать, цинично заявляя: «Работы много, жизнь одна». И мать с отцом не могли дать отпор гнилой философии сына. В течение двух лет Борис находился на иждивении родителей! Но всякая праздность почти всегда ведет к преступлениям. Народный суд судил Бориса за бесчисленные попойки, за украденные деньги, за хулиганские выходки.

Или вот другой случай. Вадим П. — умный, тактичный, вежливый юноша, с хорошими манерами. Мать его экономила каждую копейку из своей зарплаты служащей, лишь бы одеть сына в белоснежные рубашки, купить ему яркий галстук и модные туфли. Когда мы спросили его, почему он живет на иждивении старушки матери, не работает, он ответил: «Решил отдохнуть годик, за девять лет в школе очень уж устал». И мать не возражала: «Пусть отдохнет!» Долго пришлось нам работать с Вадимом, прежде чем его голова освободилась от засоривших ее пустых, вредных мыслей, прежде чем понял он, как позорно в наше время быть лоботрясом, бездельником.

Мне пришлось не раз бывать в одной семье, где мальчик учится в четвертом классе. Его мать вышла вторично замуж. Мальчик быстро подружился с отчимом. Но стоит отчиму потребовать, чтобы сын садился заниматься, мать тут же говорит: «Пусть отдыхает, уроки никуда не уйдут от него!» Если он ругает мальчика за двойку, мать обязательно скажет: «Да не один Вова двойку принес, у соседей тоже ребята принесли двойки из школы». А когда отчим лишил мальчика билета в кино за разбитое у соседей стекло, мать стала рыдать и упрекать мужа: «Конечно, если бы это был твой родной сын, ты бы так никогда не сделал!» И все это происходит на глазах у ребенка. Вероятно, скоро мальчик не будет слушаться и уважать отчима, а возможно, и к матери изменится его отношение.

Встречаются еще такие матери, которые боятся «вынести сор из избы». Они боятся обратиться за советом в школу, в общественные организации, когда допущенная ими ошибка в воспитании детей обрушивается на них, как снег на голову. Знакомая артистка рассказывала, что по соседству с ней живет семья Л. Единственная дочь — подросток Ляля — была избалована с детства. Лишь откроет глаза — мать несет ей в постель кофе, очищенное яичко, ватрушку. Труду девочку не обучали. Она ничего не делала по дому. Мать, учительница музыки, души не чаяла в ней и мало обращала внимания на «озорство» дочери. А «озорничала» она так: грубила, бросала в мать незаштопанные чулки, отказывалась есть, если того, что она хотела, на столе не было. День ото дня она становилась эгоистичнее, более жестокой в обращении, пропадала вечерами. В школе, правда, она училась хорошо, была даже членом комсомольского бюро класса, а дома устраивала «баталии».

Однажды, когда мать отказала Ляле в покупке нового платья, девочка ударила мать по лицу. Казалось, что эта «капля» должна была переполнить «чашу» терпения — мать пойдет в школу, в школьный комитет комсомола, пусть комсомольцы пристыдят девочку: на пользу ей! Но мать и на этот раз решила «не выносить сор из избы» и стала уговаривать возмутившихся соседей не сообщать о случившемся в школу.

Такая «любовь», такое рабское угодничество перед дочерью и создают благоприятную почву, на которой вырастают моральные уроды.

Э. ВОЛОШИНА,
инспектор детской комнаты милиции

Чебоксары.

Народный артист РСФСР Б. Бабочкин на съемке фильма «Иван Рыбаков». По пьесе В. Гусева.

ПОШЛИТЕ ЛОДЫРЯ НА СЕВЕР!

Я работаю в Казахстане третий год. Кроме этого, год занималась в училище механизации, сейчас трактористка. Работы много. Бывает, что сутками не спим и рады каждому концерту, услышанному по радио.

В свободное время мы в своем клубе смотрим кинофильмы, поем, танцуем, часто слушаем радиоконцерты. А иногда просто собираемся и беседуем, как у нас говорят, «обо всем понемногу».

Здесь у нас тоже многие любят джазовую музыку, и я в том числе, но вряд ли хоть один бы из нас ушел с оперы Чайковского только для того, чтобы послушать пластинку «из-за границы».

Присылайте стиляг к нам на целину или на север и восток страны. В таких местах им придется поработать как следует, а хорошая наша молодежь сумеет перевоспитать их. Здесь лодырям не разгуляться: они будут заняты трудом. Сама жизнь заставит их смотреть на вещи серьезно, а не с цинизмом и иронической ухмылочкой.

А. ПЕЧЕРИЦА

Актюбинская область.

МАЛЫЕ ГОРОДА НЕ ДЛЯ СТИЛЯГ!

Писатель Вл. Немцов предлагает стиляг-тунеядцев выселять из больших городов. А куда? Следует понимать — в малые? Правильно ли это? Мы, жительницы небольших, малых городов, против такого предложения. У нас тоже есть дети, и мы тоже работаем, и у нас мало свободного времени. Мы не хотим, чтобы наши дети подпадали под влияние таких людишек. Переселять из одного города в другой — это не метод перевоспитания.

Я предлагаю другое. Надо создать хозрасчетные производства, в которые следует направлять всех тунеядцев. Пусть получают то, что заработают. Вот тогда они задумаются.

М. СЕВАСТЬЯНОВА

г. Николаев.

ТРУД — ВОТ ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО!

Я внимательно прочла статью и пришла к выводу, что чаще всего тунеядцы и так называемые стиляги появляются в таких семьях, где не знают счета деньгам. В рабочих семьях, где каждая трудовая копейка находит себе место, где дети понимают, как она достается родителям, такие типы не встречаются.

У меня две дочери, отца они лишились в раннем детстве, так что вся тяжесть воспитания легла на мои плечи. Моя старшая дочь в школьные годы каждое лето работала в колхозе вместе со всем классом. После девятого класса работала в вагонном участке. Мыла вагоны, приходила домой уставшая, грязная, но с сознанием того, что вносит свой труд в общее дело.

После окончания десятилетки дочери не удалось поступить учиться дальше. Три года она работала на телеграфе и в проектной конторе. Потом пошла на подготовительные курсы и поступила в институт на нефтетехнологическое отделение.

Теперь она вновь работает, как все первокурсники, на заводе и учится. Живет в другом городе, правда, недалеко от Куйбышева.

Жизнь уже открылась перед ней со всеми трудностями, и в преодолении их она черпает силу и радость. Разлука с домом, хотя и временная, заставила ее оценить всю прелесть домашнего очага.

Вот так, наблюдая за своей дочерью, я пришла к выводу, что только ясно поставленная цель, труд и преодоление трудностей воспитывают и закаляют молодежь, отвлекают ее от праздности. Хотя в статье писатель Вл. Немцов и отрицает, что причиной уродливого воспитания детей является материальная обеспеченность, мне кажется, что это важнейший фактор.

Н. УСТИНОВА,
ст. инженер отдела планирования Управления снабжения при облисполкоме

г. Куйбышев.

ЗАКРЫТЬ ШЛЮЗЫ ДЛЯ ПОШЛОСТИ!

За последние годы появилось много заграничных кинофильмов, грампластинок, книг. Есть среди них и хорошие, но очень много есть пошлого, и нельзя не замечать, как эта пошлость влияет на молодежь. Непонятно, почему так активно демонстрируются в кинотеатрах голливудские и другие фильмы, пропагандирующие пародийный рок-н-ролл, почему джазы, особенно в ресторанах, исполняют «зажигающие» буги-вуги?

Ведь запретили же продажу спиртных напитков в столовых, палатках, буфетах. И всем известно, что это дало положительный результат: меньше стало драк и дебошей. Разве это плохо? Так давайте же закроем шлюзы пошлости!

А как же быть с родителями, которые, что называется, осыпают баловня деньгами, потрафляют ему во всем, чего захочет его левая нога, и не хотят замечать, что из чада вырастает не трудовой человек, а эгоист, циник, пошляк, бездельник?

Я не поддерживаю тех товарищей, которые предлагают штрафовать таких родителей, лишать их родительских прав. Мне думается, что тут нужно идти не по линии административных мер, а по линии общественного воздействия. Пусть каждый случай недостойного поведения сына или дочери становится достоянием широкой гласности. Пусть о нем говорят по месту работы родителей, в домоуправлении.

И партийные, и комсомольские, и профсоюзные организации не должны стоять в стороне. Редко случается, чтобы на пленуме райкома партии или на заседании профсоюзного комитета обсуждались вопросы морального облика молодежи, конкретные случаи недостойного поведения того или иного юноши и обязательно в присутствии его родителей. Не секрет, что секретарей райкомов партии часто вызывают в горком и обком партии и указывают на то, что плохо идет дело с выполнением производственного плана. А вот примеров, когда партийным руководителям достается за недостатки в воспитании молодежи, за то, что в районе растут лодыри, эгоисты и тунеядцы, что родители потакают подобным «деткам», мы встречаем, к сожалению, еще мало. Дело ведь не только в материнской любви!

Д. ЖУК

Москва.

ПРАВ ЛИ ПАПА?

У меня есть два младших брата, пяти и семи лет. Они по мере своих сил тоже должны ведь участвовать в общем труде. И чтобы поощрить их к этому, папа дает малышам за сделанную работу деньги. Деньги эти, правда, незначительные: 10 копеек. Но ребенок теперь без денег ничего не делает.

Например, папа говорит: «Сделай, Женя, то», — а Женя в ответ: «Сколько денег дадите?»

Я думаю, что папа поступает неправильно. Это воспитывает в детях с раннего возраста страсть к деньгам. А что будет дальше?

Н.

Кустанайская область,
пос. Октябрьский.

ПОБОЛЬШЕ ИНТЕРНАТОВ!

Я считаю, что коммунизм у нас наступил бы гораздо быстрее, если бы все дети без исключения воспитывались в интернатах. Любая мать, даже самая культурная, не может воспитать ребенка во всех отношениях так, как это сделают педагоги-воспитатели.

Если будет много интернатов, то матери все без исключения смогут работать. Перевелись бы сами собой стиляги и тунеядцы. Думаю, что чем больше будет у нас интернатов, тем лучше.

А. ЗОЛОТУХИНА

Урал, Нижняя Тура.

Ю. ГУРЬЕВ

Фото А. Гостева.

ХОЗЯЕВА

СТЕПНОГО

ГОРОДКА

На стол легла стопка писем. И на каждом: «Станица Платнировская, депутату Краснодарского краевого Совета Трофиму Кирилловичу Третьякову».

«...Вы были на январском Пленуме, Трофим Кириллович,— пишут избиратели с хутора Левченко.— Просим вашего совета...»

Третьяков звонит по телефону на хутор и договаривается о встрече: сегодня, в 6 часов вечера.

...Станичные новоселы хотят озеленить свои участки? Добро! Трофим Кириллович проследит, чтобы они вовремя получили саженцы. Весной и осенью нынешнего года сельский Совет наметил посадить 8 тысяч фруктовых и 5 тысяч декоративных деревьев. Депутаты, станичный актив обсудили с жителями планы озеленения. И вот ответ: народ решил превратить Платнировскую в станицу-сад.

За строчками писем вставали добрые мысли, стремления, интересы. Раньше к депутату обращались преимущественно со своим, сугубо личным. Теперь в письмах преобладает гражданское: как сделать лучше, полезнее для всех.

...В дверь постучали. До вечера отложены письма избирателей. Трофим Кириллович — председатель крупнейшего в Краснодарском крае колхоза имени Кирова. Хозяйство большое, сложное. Отрасли его и не перечтешь. Председатель тут должен быть мастером на все руки, специалистом и по полеводству и по животноводству; в строительстве разбираться да и в организации перерабатывающих предприятий. Ведь Платнировская — настоящий степной городок. Здесь есть собственный консервный завод, кирпичный, цех для производства биомицина.

А строительство! Недавно платнировцы призвали трудящихся Краснодарского края превратить свои села и станицы в поселки высокопроизводительного труда, образцового общественного порядка и высокой культуры. К концу года в Платнировской должно быть 7 новых домов, 2 детских сада по 100 мест, еще одна средняя школа для 520 учащихся, сельмаг, прачечная-сушилка. Станичный водопровод протянется на три километра, а сеть электростанций, дающая ток 700 жилым домам,— на 20 километров. В центре станицы уже заложен фундамент двухэтажного Дворца культуры.

Вот и разберись попробуй, где же Третьяков выступает как председатель колхоза и где как народный депутат? Избирательские и колхозные интересы переплетаются у него как два кольца, вплавленные одно в другое. И, конечно, тут нужен большой актив, а актив здесь — все станичники, все колхозники.

←

В тот день в кабинете председателя собрались полеводы.

— Сорок пять центнеров кукурузы? Этого мало! — решили звеньевая Зинаида Викторовна Приймак и парторг колхоза В. А. Козлов. — Сто шестьдесят центнеров с гектара — таков ответ на славный почин Долинюк.

— А что скажут агрономы? — замечает председатель.

И вот определены сроки и способы обработки почвы.

Семь звеньев следуют примеру Зинаиды Приймак.

←

Улицы Платнировской протянулись на десятки километров. Далековато для пешеходов...

Сейчас по станице курсируют собственные автобусы. Налажена регулярная автобусная связь с Краснодаром и районным центром Кореновской. Это заслуга депутата краевого Совета Т. К. Третьякова.

←

Шофера ремонтной летучки И. И. Абросимова выбрали в депутаты сельского Совета.

Платнировцы знают Абросимова как хорошего общественника: он председатель уличного комитета. А дел у этого комитета немало. Станичники гордятся своими тротуарами (не хуже, чем в городе), асфальтом на дороге. Правда, пока что заасфальтировано всего четыре километра. Но к концу года асфальтом покроются десять километров тротуаров и восемь километров мостовых. При въезде в станицу появятся красивые арки, вдоль улиц поднимется стена зелени.

— Спасибо от всех платнировцев! — благодарит И. И. Абросимов токаря А. Д. Щербаня, который после смены выточил деталь для водоразборного крана.

←

Лаборантка Кореновского элеватора М. В. Красноруцкая отбирает элитные семена кукурузы, полученные из колхоза имени Кирова.

Королеве полей живется в этом колхозе отлично, много ей здесь уделяют внимания. Но вот урожай собран, свезен на Кореновский элеватор. Оттуда, с калибровочной фабрики, семена высокоурожайного сорта «стерлинг» отправятся в дальнее путешествие — попадут к полеводам Сибири, Белоруссии и Украины, даже «выедут» и за пределы нашей страны. Семян, которые колхоз имени Кирова сдал государству в прошлом году, хватило бы на 250 тысяч гектаров, почти на весь Краснодарский край!

КОГДА ПЫЛАЛ ШИРОКИЙ ДНЕПР

«ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О НЕИЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

5

Немцы были в полной уверенности, что город покорился им. Однако уверенности пришел конец, когда они попытались пустить в ход некоторые крупные днепропетровские предприятия: завод имени Петровского, металлургический завод имени Артема.

Никто не оказывал оккупантам явного сопротивления. Мобилизованные рабочие исправно являлись в цеха, грузчики разгружали привезенный немцами кабель, монтажники устанавливали трансформаторы и станки. Но дело странным образом никак не шло на лад. Кабель почему-то рвался, из трансформаторов вытекало масло. Станки вибрировали и ломались, электростанция то и дело выходила из строя.

Долго не догадывались фашисты, что досадные, порой странные неполадки, мешавшие пуску завода, были осуществлением детально продуманного плана. На заводе имени Петровского возникла подпольная группа, которая действовала под руководством штаба, состоявшего из кадровых рабочих Зотова, Ладягина и Львова.

Познакомился Юрий Савченко с Зотовым случайно.

Юрия вызвали на завод повесткой. Он до войны работал там, и его фамилия сохранилась в списках.

На дворе в этот день разгружали кабель, привезенный в запломбированном вагоне из Германии. Работой руководил кряжистый, широкоплечий мужчина лет сорока. Он суетился, сам хватал мотки кабеля и тащил их куда-то — словом, казалось, очень старался. Но, понаблюдав за ним, Юрий понял, что человек этот намеренно затягивает разгрузку.

— Гляжу я, тяжелая это работа,— сказал Савченко, подойдя к Зотову.

— Проваливай! — недружелюбно покосился тот на него.

— Уйти я могу. Но так или иначе, разгрузить кабель придется,— заметил Юрий.— Потом немцы заставят вас же его проложить, загудят мартены, польется сталь для фашистских танков.

Зотов промолчал и отошел прочь. Но после гудка они как бы случайно встретились возле заводских ворот.

Савченко пригласил Зотова к себе, познакомил с Демьяненко и Клюевым. Через неделю Зотов пришел снова, на этот раз с товарищами — сталеварами Львовым и Ладягиным.

Окончание. См. «Огонек» № 12.

Посоветовались, взвесили все и решили во что бы то ни стало сорвать пуск завода. Для начала договорились уничтожить дорогой, дефицитный кабель. Зотов ухитрился пронести на завод под телогрейкой толовую шашку, которую дал ему Савченко. Кабель хранился в сарае под замком. Возле сарая стоял часовой.

Как ни пытались Ладягин и Львов отвлечь внимание часового, ничего не получилось. Тот не подпускал их к себе и не вступал с ними в разговор. Времени терять было нельзя. Пришлось пойти на риск. Возле самого сарая Львов сел на землю и стал переобуваться. Часовой потребовал, чтобы он отошел. Львов принялся спорить с ним. Побелев от злости, гитлеровец направил на него автомат. Но тут крепкие руки схватили его сзади. На стальную каску обрушился тяжелый удар. Часовой без звука рухнул. Ладягин отбросил в сторону чугунную чушку.

Одним ударом Зотов сбил замок с сарая и затащил туда труп часового. Искрясь, зашипел бикфордов шнур.

Друзья успели пересечь железнодорожную ветку, когда сзади раздался глухой взрыв. Над сараем поднялся столб дыма.

Зотов и его товарищи вывели из строя оборудование мартеновского цеха, воздуходувную машину, насос для откачки воды. В конце концов немцы отказались от мысли пустить завод. Ни грамма днепропетровской стали не получили они!

Такие же патриотические группы действовали и на заводе имени Артема и на других предприятиях Днепропетровска. Все они были связаны с Савченко и с его штабом.

6

Воскресным вечером, в начале мая 1942 года, Вера Хитько и ее школьная подружка отправились в парк имени Шевченко. Девушек сопровождали Юрий Савченко и Игорь Клюев. В парке прогуливались разодетые, надушенные девицы и немецкие офицеры, ищущие развлечений. На танцплощадке надрывался джаз. Аллеи были ярко освещены.

Ребята пришли в парк для встречи с Давыдовской, связной подпольного обкома, которая назначила им здесь свидание. Они нарочно пришли пораньше, чтобы разведать обстановку.

Давыдовская всю зиму не давала о себе знать.

Игорь и Юрий отошли к киоску, чтобы напиться газированной воды, а когда вернулись к девушкам, то оказалось, что за Верой и ее подругой увязались два эсэсовца. Девушки ничуть не смутились. Они оживленно болтали с фашистами и куда-то увлекали их. Игорь и Юрий поняли из донесшихся фраз, что Вера приглашала офицеров на Днепр купаться. Подвыпившие эсэсовцы подхватили девушек под руки и направились к Днепру. Вера быстро обернулась и, убедившись, что ребята не теряют их из виду, снова принялась кокетничать с немцами.

— Ты понял, что она задумала? — спросил Игорь друга.

— Понять-то понял, только это не ко времени! — ответил Савченко.— Мы же пришли сюда для другого.

— Да ты знаешь, кто эти офицеры? Посмотри на высокого, с усиками... Неужели не помнишь? Ты же был в тот день на проспекте вместе с Верой...

— Вспомнил! — прошептал через минуту Юрий.— Ну, этого не упустим!

Осенью 1941 года по проспекту Карла Маркса четверо эсэсовцев вели группу советских военнопленных. Красноармейцы были раненные и с трудом передвигали ноги. Внезапно из какого-то подъезда выбежала девочка лет шестнадцати и протянула красноармейцу бутылку молока. Один из эсэсовцев вытащил пистолет и выстрелил девочке в лицо.

— Подлец, что ты сделал! — крикнул красноармеец.

Эсэсовец убил и его. Это послужило сигналом для зверской расправы. Конвоиры набросились на безоружных, раненных советских солдат и прямо на улице, посреди города, расстреляли их.

Высокий немец с усиками, галантно взявший под руку Веру Хитько, был тем самым эсэсовцем, который застрелил девочку. Юрий, так же как Игорь и Вера, хорошо запомнил его лицо!

...Пляж давно уже пустовал. Девушки разделись и вошли в воду. Эсэсовцы также сняли с себя мундиры. В этот момент из кустов выбежали Юрий и Игорь.

— Руки вверх!

Эсэсовцев отвели подальше от берега.

— Вы будете сейчас расстреляны за преступление, совершенное вами осенью на проспекте Карла Маркса,— на ломаном немецком языке сказал Савченко.

Офицеры не успели произнести ни слова. Раздались два выстрела. Юрий вырвал из блокнота листок, попросил у Игоря карандаш и написал:

«Приговорены к расстрелу советскими людьми за зверскую расправу над военнопленными. Приговор приведен в исполнение».

Прикрепив листок к одежде эсэсовцев, ребята и девушки вернулись в город. Было еще не поздно; в парке по-прежнему прогуливалась пестрая толпа.

Возле танцплощадки к Савченко подошла Давыдовская.

— Где вы были? — шепнула она.— Выйдем.

Они остановились на опустевшей улице.

— Секретарь подпольного обкома партии знает о вашей деятельности, — начала Давыдовская.— Он поручил мне передать, что вы утверждены секретарем подпольного горкома партии. С сегодняшнего дня вы имеете право принимать в партию патриотов и исключать недостойных. В городе оставлены люди для подпольной работы. Их кандидатуры еще до прихода немцев были утверждены обкомом. Вам следует связаться с ними. Фамилии и адреса у меня есть. В Новомосковских лесах действует партизанский отряд Пантелеймона Яковлевича Жученко. Попытайтесь установить с ним связь. В Днепропетровск на днях прибывает батальон «добровольцев» — власовцев. Слышали, наверно, об этом генерале-предателе? Среди добровольцев много обманутых людей. Лучше всего, если вы поможете им найти квартиры для жилья. Понимаете? Пусть становятся на постой у хороших, честных днепропетровцев. Необходимо разъяснять власовцам, что они должны дезертировать из предательского батальона. Задание сложное. Подумайте, как будете выполнять, и сообщите мне. Я передам Василию Ивановичу Сташкову.

— Значит, секретарь обкома — Сташков? — спросил Юрий.

— Да. Вам можно об этом сказать. В ближайшее время он постарается встретиться с вами. У меня пока все. Желаю удачи.

7

Шеф «СД» штурмбаннфюрер Мульде вызвал к себе начальника городской полиции Корниенко и устроил ему жестокий разнос.

— Город наводнен партизанами и бандитами! — орал Мульде, стуча кулаком по столу.— Мне достоверно известно, что существует какой-то подпольный горком большевистской партии, который руководит всеми диверсиями и убийствами немецких солдат и

Ксения Алексеевна Шепитько рассказывает ученикам школы № 66 о Юре Савченко, который учился в этой же школе.
Фото Н. Козловского

офицеров. Чем вы занимаетесь, господин Корниенко?

— Я сделаю все, что в человеческих силах, клянусь вам! — отвечал срывающимся от страха голосом начальник полиции.

Через неделю после этого разговора агент «СД» Мартынов познакомился в парке имени Шевченко с юношей, который знал Давыдовскую и был членом одной из подпольных групп (имя и фамилию юноши мне установить не удалось). Мартынов разговорился с ним, сказал, что ненавидит фашистов, хочет с ними бороться, но не знает, как это сделать, так как не имеет знакомых среди подпольщиков.

— До войны я работал в райкоме комсомола, — оглядевшись, шепнул Мартынов. — Только ты смотри не проговорись об этом. Мне бы подходящих товарищей, уж я дал бы немцам жару!

— Этому горю можно помочь, — подумав, ответил юноша. — Я познакомлю тебя с одной девушкой... Ты ее не бойся, она своя. Она скажет тебе, что делать. Ее зовут Валя.

В тот же вечер агент «СД» попал на конспиративную квартиру к Давыдовской. И надо же так случиться, что как раз в этот день у нее в доме проводилось совещание членов подпольного горкома партии. Здесь присутствовал и секретарь подпольного обкома Василий Иванович Сташков. Он приехал из Павлограда, чтобы познакомиться с Савченко. Возле калитки дежурила Дуся Кулакова.

— Не пугайся, этот человек со мной, — сказал юноша, знавший Дусю. — Нам нужно срочно видеть Валю. Вызови ее, пожалуйста.

— Сейчас она не может выйти, — ответила Дуся. — Она занята.

— Ну, мы попросим ее уделить нам пять минут, — сказал Мартынов.

Он отстранил Дусю и направился через небольшой дворик к крыльцу.

— Я же вам говорю, туда нельзя. Подождите! — возмутилась Дуся.

— Да ты не волнуйся, я свой, — успокоил ее Мартынов. — Валя не будет тебя ругать.

Кулакова, однако, опередив его, вошла в дом. Но прежде чем она успела предупредить Давыдовскую, агент успел заглянуть в окно и понял, что случайно попал на важное собрание.

На крыльце появилась Давыдовская. Засунув руку в карман плаща, она быстро направилась к Мартынову. «Пожалуй, еще убьет», — мелькнула у того трусливая мысль. Он невольно отступил. Но агента выручил юноша, который привел его сюда. Испытывая неловкость и почувствовав, что совершил ошибку, парень представил Мартынова как своего довоенного знакомого, абсолютно верного человека.

— Он в райкоме комсомола работал. Я за него ручаюсь.

— Очень хорошо, — ответила Давыдовская. — Сейчас вы ступайте домой, — обратилась она к Мартынову. — Оставьте мне свой адрес. Я сама к вам загляну на днях, тогда мы поговорим.

— Есть! — ответил Мартынов. — Вы не представляете, как я счастлив, что вас встретил!

Распрощался и вышел на улицу. Оглянулся: никто за ним не следил. И тут же бросился в полицию.

Выслушав его, Корниенко немедленно вызвал машину, и они псехали в «СД». Штурмбаннфюрер Мульде принял их сразу.

— Я предлагаю арестовать всю компанию, — закончил свой доклад Корниенко.

— В котором часу вы там были? — спросил Мульде Мартынова.

— Примерно в девять.

— Сейчас двадцать минут одиннадцатого. Они, безусловно, разошлись сразу же после того, как выпроводили вас. Нет, никаких арестов. После вашего посещения они, разумеется, свернут всю работу, спрячутся и притихнут, пока не убедятся, что вы не провокатор. — Штурмбаннфюрер, заложив руки за спину, походил по комнате, остановился перед Мартыновым и негромко произнес: — Нет, господа. Мы торопиться не будем.

8

Дуся Кулакова с матерью жили на окраине Днепропетровска. Дом ветхий, одноэтажный, с облупившейся штукатуркой. Щеголеватым «воинам» «добровольческого» батальона этот дом не понравился. Они хотели повернуть обратно, но Дуся кокетливо потянула за рукав рослого, неповоротливого ефрейтора и сказала:

— Ну, что вы, господа! Зато вам здесь будет хорошо, тихо, спокойно. А я вам всегда готова услужить...

Ефрейтор внимательно посмотрел на нее и буркнул:

— Что тебе за радость нам служить? Неужто мы такие уж хорошие люди?

Дуся промолчала. Она давно приметила этого ефрейтора, еще возле барака, где в первый день разместили батальон. Ефрейтор был хмурый, насупленный. И никак не шла этому русскому парню куцая фашистская форма. Дуся решила пригласить к себе на квартиру еще двух его приятелей. Ей так же, как и некоторым другим подпольщикам, штаб поручил вести агитационную работу среди «добровольцев».

— Зачем ты этих иуд в дом притащила! — ворчала мать.

— Надо, маманя, потерпи, — усмехнулась Дуся.

Странный был у нее характер. То скрытная, то ласковая, приветливая — вся душа нараспашку.

«То по делам своим из дому сутками пропадала, а то силком не выгонишь, — рассказывала мне мать Кулаковой. — Бывало, с утра пораньше губы намажет, напудрится, словно какая непутевая, и плывет, точно лебедь, к добровольцам этим в горницу. Как прозывали-то их, я уж запамятовала, но больше она с ефрейтором лясы точила. Как он придет, так Дуся к нему. О чем у них шел разговор, я точно не скажу, а только однажды дверь приоткрыла да услышала такие слова, что, поверите, сердце у меня зашлось... Стоит Дуся красная, подбоченившись посреди комнаты, ефрейтор напротив, шею нагнул, точно бык, того гляди на нее кинется. Вдруг говорит:

— Ну ладно! Допустим, ты права. А сама-то ты какая? Лучше, скажешь? Ведь одному хозяину с тобой пятки лижем. Что ты, что я. Так уж помалкивай!

Побледнела Дуся и тихо так, презрительно отвечает:

— Я? Хорошо, скажу тебе, кто я. Комсомолка, понятно? И с тобой, дураком, время теряю не для своего удовольствия, а потому, что так нужно. Понял теперь? Можешь меня выдать. Медаль не получишь, а ручку твой хозяин, так и быть, даст тебе поцеловать. Валяй беги, пока не поздно!

Чуть я не крикнула дочке: «Что ты делаешь? А ну впрямь он тебя выдаст?» Однако не выдал. Рассказала мне Дуся позже, что ефрейтор этот и шестеро его товарищей с оружием ушли в лес к партизанам. А за ними после и другие потянулись. Пришлось немцам убрать «добровольцев» из Днепропетровска».

9

Гитлеровцы вскоре догадались, что разложение «добровольческого» батальона — дело рук подпольщиков. Эсэсовцы и полицаи были озлоблены до предела. Мульде поставил перед ними задачу: в кратчайший срок ликвидировать подпольный горком. Но время шло, а политической полиции «СД», несмотря на то, что в одну из диверсионных групп проник провокатор Мартынов, все же не удалось напасть на след Юрия Савченко.

Самого Мульде, вероятно, грызли сомнения: как поступить с Давыдовской? Арестовывать ее Мульде не хотел, полагая, что, пока она остается на свободе, за ней можно следить и добраться до штаба подпольщиков. А в тюрьме от нее наверняка ни слова не добьешься.

За Давыдовской следили, но и это ничего не дало. Почти месяц она просидела дома и ни с кем не встречалась.

Между тем подпольный горком продолжал действовать.

И Мульде решился. 8 июля Давыдовская была арестована. Незадолго до ареста в квартире у нее поселился немецкий офицер. Квартира была хорошая, и с первого дня оккупации то один, то другой немец жил в просторной столовой. И не было ничего особенного в том, что появился новый постоялец. Но он совсем не был похож на своих коллег: не пытался ущипнуть хозяйку за щеку, не кричал на ее мать, требуя каждое утро подавать ему в постель парное молоко. Это был застенчивый молодой человек с едва пробивающимися усиками и юношеским, ломающимся баском. Звали его Курт.

Давыдовская с любопытством приглядывалась к нему. Они часто разговаривали по-русски и по-немецки, и Курт не раз с горечью и раздражением отзывался о своих коллегах-немцах, возмущался грабежами и расправами.

Однажды Курт позвал Давыдовскую в сад и сказал:

— Я не прошу вас мне верить. Просто выслушайте... Я давно к вам присматриваюсь. Некоторые факты подтверждают мою догадку: вы состоите в подпольной антифашистской организации. Молчите! Как же может быть иначе? Каждый честный человек должен защищать свою родину...

Для Давыдовской это было полной неожиданностью, и она сначала не нашлась даже, что ответить. А Курт продолжал:

— Я давно ищу случая связаться с подпольщиками. Дело в том, что я член Коммунистической партии Германии. Нас разгромили, наши лучшие товарищи томятся в концлагерях, но те, кому удалось остаться на свободе, не прекращают борьбы. Я хочу быть для вас полезным. Понимаю, вы мне не доверяете. Это правильно. Но я не прошу быть со мной откровенной, я прошу принять у меня деньги — десять тысяч марок — для нужд вашей организации.

— Вы ошибаетесь, — ответила Давыдовская. — Я вовсе не подпольщица. Что вам взбрело в голову?

В тот же вечер об этом узнал Сташков, находившийся тогда в Днепропетровске. Василий Иванович сказал:

— Не исключено, что он говорит правду. Стоит взять у него деньги будто бы взаймы. Об ор-

ганизации ни слова. А там посмотрим.

Но Давыдовская не выполнила приказа секретаря обкома. Взяв у Курта деньги, она дала ему понять, что они пойдут на нужды подпольщиков.

В шесть часов утра 8 июля Давыдовская была арестована. Допрашивал ее сам штурмбаннфюрер Мульде. Переводчиком был немец из бывших волжских колонистов Густав Густавович Якобовский. Следствие вел Лунде.

— Вы не кто иная, как предательница, — сказал Давыдовской Мульде. — Благодаря вам мы знаем имена всех ваших бонз. Так что же вы теперь строите из себя Жанну Д'Арк? Тот, кто сказал «а», должен сказать «б», если у него есть хоть капля здравого смысла.

Давыдовская молчала. Тогда Лунде схватил ее за плечи, вытолкал в коридор, нагнул ей голову и приказал надзирателю направить ей в лицо сильную струю воды из шланга. Когда Лунде отпустил ее, к ней подошел Якобовский, который всегда разговаривал ровным, даже ласковым голосом и умел располагать к себе людей.

— Я могу избавить вас от этого хама, — шепнул он и увел Давыдовскую в пустую камеру. Там Якобовский угостил ее сигаретой и печально сказал:

— Я вас понимаю. Я, как вам известно, не следователь, мне в общем-то безразлично, будете вы давать показания или нет. Но, ей-богу, в вашем положении всякое сопротивление бессмысленно. Все равно ваши друзья будут справедливо считать вас предательницей. Жизнь сложная, но прекрасная штука, Валя. Расскажите все мне. Я обещаю, что больше вас не вызовут на допрос.

И Давыдовская во всем созналась. Она сама вызвалась остаться в тылу у фашистов. Ей нравилась таинственность и секретность ее работы и то, что ей беспрекословно подчинялось множество людей. Но она была трусливой, неумной, в сущности, беспринципной женщиной и не выдержала первого же допроса. В мирное время нелегко раскусить таких людей, но война быстро сорвала с нее маску.

Через несколько дней Давыдовская вместе с эсэсовцами села в машину и отправилась в город показывать, где живут знакомые ей подпольщики.

В течение недели были арестованы Вера Хитько, Захар Демьяненко, Дуся Кулакова, Яков Самарский, Игорь Дементьев, Борис Сондак, Николай Токмаков и родственники Юрия Савченко — Григорий и Ксения Алексеевна Шепитько. Самому же Савченко в последний момент удалось скрыться. Его спасла чистая случайность. Когда за ним приехали эсэсовцы, он спал в саду. Услышав шум, Юрий перепрыгнул через забор и скрылся.

Начались допросы и истязания. Вскоре весь город узнал о геройском поведении Дуси Кулаковой. Два раза она бежала из тюрьмы, и об одних только этих побегах, удивительных по своей дерзости, можно было бы написать целую книгу.

Один раз это произошло во время допроса. Допрашивал следователь Лунде. Дуся попросила у немца стакан воды, а затем плеснула воду ему в лицо и выпрыгнула в окно — на крышу стоявшего рядом трехэтажного дома. Она благополучно спустилась по водосточной трубе и исчезла. Полицаи и эсэсовцы, казалось, бежали за ней по пятам, но она как сквозь землю провалилась.

Когда Дусю арестовали во второй раз, в тюрьму ее сопровождало столько конвоиров, что их хватило бы на целый десяток арестованных. Допрашивали ее теперь только в камере и только в присутствии автоматчика. И все же Дуся Кулакова снова бежала, на этот раз с помощью самого следователя Лунде.

Она сказала ему, что решила во всем сознаться и для начала хочет указать место, где находится подпольная типография. Сказала, что укажет она это место лишь в том случае, если Лунде поедет с ней туда один, одетый в штатскую одежду, и не в машине, а на трамвае, не привлекая к себе внимания, так как она, Дуся, не желает, чтобы кто-либо узнал о ее предательстве...

Требование Дуси Кулаковой показалось Лунде вполне логичным и приемлемым. Уж очень ему хотелось найти подпольную типографию! И, взяв Дусю под расписку из тюрьмы, он поехал с ней на окраину города. Там Кулакова завела его в проходной двор и убежала. Но ей не повезло. В соседнем дворе жили немецкие офицеры. В тот час они случайно оказались дома. Лунде поднял стрельбу. Офицеры выскочили во двор и схватили девушку.

На этот раз ее избили так, что она не могла встать с нар. Ее мучили и истязали до самого последнего дня, дня казни...

Так боролась и погибла Дуся Кулакова, девушка из Днепропетровска, машинистка с завода имени Петровского.

10

Восемьдесят человек было арестовано немцами в эти дни, и всех их выдала Давыдовская. Мульде вызвал ее и сказал:

— Ты поможешь нам взять Сташкова, и я отпущу тебя домой.

— Хорошо, — ответила она.

— Вместе с Мартыновым ты завтра же поедешь в Павлоград и будешь жить там до тех пор, пока не встретишь Сташкова. Ты укажешь Сташкова агенту.

На другой день Давыдовская вместе с Мартыновым выехала в Павлоград. Однако в том доме, куда они явились, Сташкова не оказалось. Узнав об арестах в Днепропетровске, Василий Иванович в тот же день сменил квартиру.

— Что ж, будем ходить по городу. Авось, встретим где-нибудь, — сказал Мартынов.

Так и произошло. Через несколько дней на рынке Мартынов и Давыдовская нос к носу столкнулись со Сташковым. Василий Иванович сам подошел к ней.

— Ты на свободе, Валя! — обрадованно прошептал он.

Давыдовская побледнела. Взглянув на нее и заподозрив неладное, Сташков хотел уйти, но тут Мартынов вмешался в разговор:

— Что же ты не познакомишь нас, Валя?

— Познакомьтесь, — опустив глаза, пролепетала Давыдовская.— Это... это наш, верный человек... Он из партизанского отряда.

Именно эту фразу по договоренности с Мартыновым должна была она произнести при встрече с секретарем обкома.

Внимательно посмотрев на Мартынова, Сташков встревожился.

— Выйдем отсюда, — сказал он, — здесь слишком много людей.

Василий Иванович увлек Мартынова и Давыдовскую в тихий переулок и тут...

— Руки вверх, вы арестованы! — Мартынов выхватил пистолет.

Сташков не растерялся. Сильным ударом он выбил пистолет из рук предателя и бросился бежать. Но быстро бежать не мог: дала о себе знать старая болезнь сердца. Мартынов поднял с земли пистолет и несколько раз выстрелил. Сташков упал. Пуля попала в бедро.

Об обстоятельствах ареста секретаря обкома рассказывает в своих показаниях Густав Якобовский.

«Сташкова положили в военный госпиталь в Павлограде, — пишет он своим аккуратным почерком.— В тот же день Мульде узнал об его аресте. Он очень обрадовался и, взяв меня с собой, отправился на машине в Павлоград. В госпитале он допросил Сташкова. Я был переводчиком. Секретарь обкома отказался отвечать на вопросы. Тогда было решено перевезти Сташкова в Днепропетровск. В тюрьме Сташкова, насколько я помню, держали несколько месяцев.

Приказ о его казни был послан на утверждение в Киев к гаулейтеру Коху, но никакого распоряжения оттуда не поступало.

Зимой из ставки гаулейтера для беседы с секретарем обкома прибыли высшие чины «СС» и руководители национал-социалистской партии. Я присутствовал при их разговорах в тюремной камере. Сташкова пытались распропагандировать, этого им сделать не удалось...»

Да, можно себе представить, как хотелось фашистам раструбить по всему миру, что секретарь обкома уверовал в победу Гитлера. Но все попытки «пропагандистов» в коричневых мундирах были тщетными. Сташков, по словам Якобовского, не уклонялся от споров на теоретические темы. Он в пух и прах разбивал своих «оппонентов». Обозленные, те подвергали Василия Ивановича новым пыткам и издевательствам. Однако пытки не могли его сломить. Даже в этих условиях он продолжал работать. Правда, весьма оригинальным способом.

Незадолго до ареста Сташкову стало известно о предательской провокационной деятельности двух украинских националистов. Подпольный обком принял решение судить их, но в связи с разгромом организации это решение не удалось выполнить. Находясь в тюрьме в ожидании казни, Сташков сделал так, что предатели не ушли от кары. С ними расправились сами немцы, которым Василий Иванович, как бы случайно проговорившись, дал понять, что эти два человека хоть и делают вид, что помогают фашистам, а на самом деле — активные подпольщики. Позже гестаповцы узнали, что повесили своих же помощников.

В октябре 1942 года на проспекте Карла Маркса агентам «СД» удалось выследить и схватить Юрия Савченко.

Ксению Алексеевну незадолго перед этим выпустили из тюрьмы. Узнав об аресте племянника, она пришла к нему на свидание, но свидания не разрешили. Тогда она уговорила надзирателя передать Юрию буханку хлеба и смену чистого белья. Через час надзиратель принес записку, наспех нацарапанную на клочке бумаги. Сейчас эта последняя записка секретаря Днепропетровского подпольного горкома партии хранится в областном историческом музее.

«Спасибо за хлеб и особенно за белье, дорогая тетя, — написал Юрий Савченко.— Мне жаль, что я причинил тебе и всем родным столько горя. Отсюда я, наверно, уже не выйду. Нас всех должны расстрелять сегодня или завтра. Знай, я ни о чем не жалею. Правда все равно будет на нашей стороне. Передай Клаве, чтобы воспитала Галю честным, справедливым человеком. Тяжело ей будет без мужа, а дочке без отца. Пусть выходит замуж, если найдет друга по душе. Я отдаю жизнь за Родину. Прощайте».

В начале 1943 года Василий Иванович Сташков, Юрий Савченко, Дуся Кулакова, Вера Хитько, Николай Токмаков, Захар Демьяненко, Яков Самарский, Игорь Дементьев, Борис Сондак, Григорий Шепитько были расстреляны. О дальнейшей судьбе Давыдовской ничего не известно. Из тюрьмы ее куда-то увезли, и больше никто о ней не слышал.

Немцы считали, что сломили сопротивление советских людей в Днепропетровске. Но с арестом членов подпольного горкома партии деятельность патриотов в городе не прекратилась. Патриотические группы стихийно возникли в Ново-Московске, Синельникове, в Кайдакском районе Днепропетровска. На заводе имени Артема успешно действовала группа Мусийко. Рабочие разрушали оборудование, саботировали приказы немцев, совершали диверсии.

На телеграфе действовала группа М. Д. Жуй, в паспортном столе работал подпольщик И. М. Иванов, продолжавший снабжать друзей документами. В Синельникове не давали покоя оккупантам партизан Георгиевский и его друзья. Одно упоминание о Георгиевском наводило ужас на немцев.

11

Почти два десятилетия прошло с той поры. Мирно катит Днепр свои воды под новыми мостами мимо гигантов-заводов, мимо новых улиц поднявшегося из руин города.

Ксения Алексеевна ушла на покой, хлопочет о пенсии, да все никак почему-то не может выхлопотать. На пенсии и мать подпольщика Игоря Клюева. Мать Дуси Кулаковой хорошо помнит, как фашисты схватили дочь ночью вот в этой самой комнате. Она спала вот здесь. И с тех пор так и стоит кровать, застеленная белоснежным покрывалом...

Жена Самарского, верная помощница мужа в подпольных делах, осталась такой же энергичной, решительной, какой была в юности. У нее взрослые дети, есть уже внуки, но она не собирается уходить с работы.

Советские люди...

Они спасли Родину в час кровавого испытания.

Они восстановили разрушенные города.

Они строят на своей земле коммунизм.

НОВОСЕЛ

Евг. **СИМОНОВ** Фото А. БОЧИНИНА.

Горы — западные отроги Главного Кавказского хребта — встречали новый день.

Вскрикнула по-кукушечьи, прощаясь с нами, дрезина, доставившая нас на конечную точку узкоколейки — «Нулевой пикет». Сюда, к густым лесам, к снежным склонам хребта Азиш-Тау, нет еще автодорог. И только причудливо вьющаяся нитка узкоколейки ведет от города нефтяников и лесорубов Апшеронского к манящим своей рафинадной белизной горам.

Мы шли сюда с туристами из Краснодара. Навстречу солнцу и снегу. Пробитой в чаще тропой, сойдя с которой ты погружался по пояс в зернистый снег.

Мудрая тишина лесов. Гордое величие вершин. Они звали нас, и мы шли к ним, шли на дымок, чуть вьющийся над плато Лаго-Наки...

— Нескладно получается, друзья,— сказал полгода назад на собрании в краснодарском клубе туристов Николай Шкиртиль, строитель по образованию, искатель нехоженых троп по призванию.— Ходим мы каждую зиму то под Эльбрус, то в Домбай, а того, что, можно сказать, у нас под носом, не примечаем.

— А базы? Не каждый же захочет после долгого перехода ночевать в палатке! А случись непогода? Без крыши над головой зимой в горах несладко придется.

— База,— не спеша произнес Шкиртиль.— Надо строить свою базу. Только и всего!

И осенью комсомольская туристская братва поднялась на склоны хребта. Раскинула палатки. Разожгла костры. А там пошло... Валили лес. Собирали мох для конопатки. Кряхтели под горбом рюкзаков, где лежал на этот раз не туристский скарб, а песок, щебень, гвозди.

И место для базы облюбовали отменное. Зовется оно «плато Лаго-Наки», высотная отметка — около 1 600 метров над уровнем моря. Суровое и вместе с тем по-своему привлекательное плоскогорье.

Не прошло и полугода, как застучал здесь топор Егора Степановича Торгашова и олень недоверчиво повел замшевыми ноздрями, а лесное эхо разнесло голос металла. А сейчас, когда мы миновали последний виток карабкавшейся в гору тропки, лес раздвинулся. И мы увидели целый туристский поселок.

...Похожая на цирк котловина в обрамлении леса и гор. Стремительно мчащиеся книзу склоны, на которых мысленно видишь конструкции будущих подъемников и росчерк слаломиста на белом листе снегов. А воздух — напоенный хвоей и солнцем, пронизанный золотом лучей и легким трепетом мороза, очищенный высотой, — пился взахлеб.

Тем временем на базе уже хозяйничали туристы. Они решили до официального открытия отпраздновать новоселье, ведь многие из них своими руками поднимали стены домов.

Не все шли им тогда навстречу. Некоторые компетентные товарищи, учитывая отсутствие фондов и все прочее, уверяли, что на создание базы надо если не десять, то добрых лет пять. Но ребята оказались напористыми. Да и в крайсовпрофе понимали, что нет нужды воздвигать на далеком плато мраморные лестницы или колоннады. Вот и прошло каких-нибудь пять месяцев, и флаг клуба уже развевается на плато. И пламя вечернего костра озаряет лица участников похода...

А новый день сулит что-то новое. Недаром еще с вечера скликал Степаныч:

— Кто здесь, ребята, слесарит и малярит?

Такие нашлись, другие же студенты стали разнорабочими. Впереди интересный поход. Его готовят Н. Шкиртиль, Ю. Платонов, Г. Марченко—знатоки здешних мест. Надо хорошо смазать лыжи, чтобы не тащить пуды липнущего снега, все приготовить к ночевке в зимнем лесу...

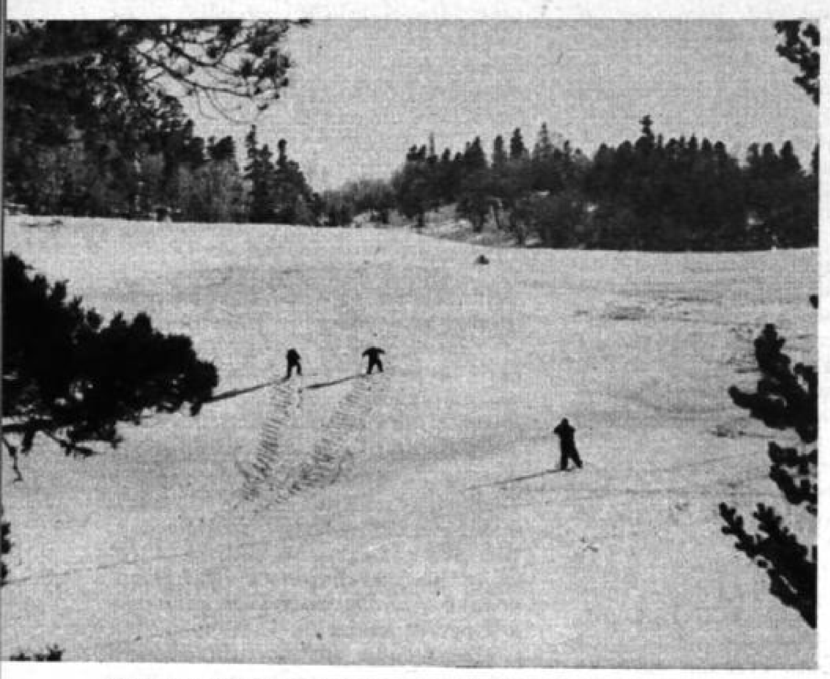
Когда мы покидали плато, серая линия лыжной «елочки» уже прорезала снежную целину. Туристы уходили в поход.

* * *

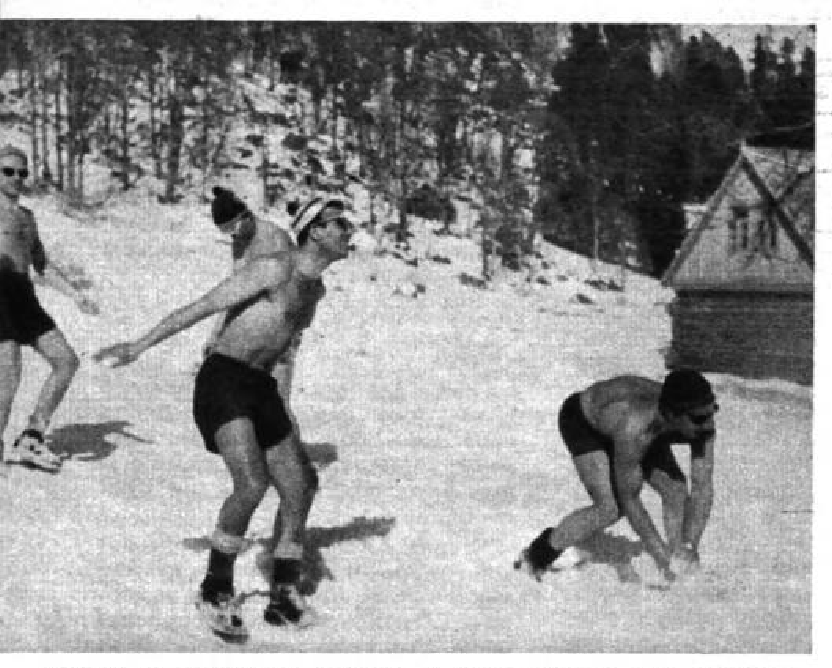
Благое дело затеяли краснодарцы. Давно уже известно, что зимой можно отдыхать не хуже, чем в дни бархатного сезона. Автору этих строк довелось последними зимами не раз бывать в Татранской Ломнице, Гаррахове, Шплиндеровом Млине и многих других местечках в горах Чехословакии. Не раз ночевали мы и в Камзике, что значит «серна», или других забравшихся в дальние ущелья хижинах, которые здесь зовут «хатами». Их множество. Они повсюду. И думается, что примеру краснодарцев должны последовать туристы Урала, Алтая, Саян. Пусть идущий вечером путешественник уверенно держит путь к дружелюбно подмигивающим ему сквозь темноту горной ночи огням туристских хижин.

Туристская база на плато Лаго-Наки.

«Елочка» лыжных следов уходит все выше в горы.

Теперь и начальник похода — только мишень для обстрела.

Чем не сочинский пляж?

В учебный поход.

День открывается гимнастикой.

ЬЕ В ЛАГО-НАКИ

А вахтенные исправно трудятся у ручья.

У вечернего туристского костра.

СНОВА МАТРОС

Фрэнк ХАРДИ

Новости путешествуют быстро...

Весь прошлый год у меня было неважно с заработком. В начале октября я решил зарегистрироваться в Сиднейском порту: ищу-де работы на каком-либо судне. Попутно, рассчитывал я, соберу побольше материала для задуманного романа об австралийских моряках.

Вскоре мне позвонили из редакции одной ежедневной сиднейской газеты[1] и стали допытываться: с чего это мне вздумалось снова стать матросом, не собираюсь ли писать о стачках, которые начинались в то время на побережье? А потом стала совать нос в мои дела еще одна газета, выходящая в Мельбурне. Просимых статей я не дал ни той, ни другой газете, но какие-то переврaнные сведения о моем намерении они все-таки напечатали.

Уже по возвращении из плавания в Сидней я нашел телеграмму редакции «Огонька». Редакция просила написать о моей работе в качестве матроса. Для «Огонька» я написал этот очерк: я знаю, что у журнала добрые намерения, и мои заметки, разумеется, не будут использованы во вред австралийскому рабочему движению, как это старается всегда делать наша капиталистическая печать.

* * *

Как уже сказано, я решил идти в море матросом вовсе не затем, чтобы писать очерки. Меньше всего я думал об этом, когда шагал к портовому бюро найма, что у моста Харбор-Бридж. Я просто шел наниматься на работу. Правда, мне самому это казалось немного странным после столь долгого перерыва.

У дверей конторы и во дворе группами стояли моряки. Они толковали о кораблях, о матросской дружбе, о том, как сильно урезаны заработки по новому тарифу, о последней стачке. Шли разговоры и о скаковых лошадях и о женщинах.

Я уселся на скамью у стены. Ко мне уже спешил знакомый моряк.

— Слыхать, ты опять к нам? Собираешься писать книгу?

— Да нет, просто деньги нужны,— отвечал я, не имея желания обсуждать сейчас мои творческие планы.

Подошел Уэбстер, по прозвищу «Седой», делегат профсоюза моряков, опытный вожак и хороший товарищ. Он стал рассказывать о том, как погиб от аварии на погрузке один молодой моряк.

— Очень уж много таких случаев на побережье за последнее время,— сказал Уэбстер.— Придется опять лезть в драку с хозяевами из-за техники безопасности.

Все заговорили об увечьях, о смертельных случаях, о коварстве моря. Над нашими головами по мосту с грохотом проносились поезда. Наступил час найма на корабли. Делается это так: очередные требования судовладельцев на рабочую силу записываются на большой черной доске; моряки, ищущие работу, кладут свои профсоюзные книжки на полки рядом с подходящим для них предложением; потом Уэбстер, сверяясь со списком профсоюза, начинает выкрикивать:

— Два кочегара на «Манору»! Один смазчик на «Булолоо»! Один подручный кочегара на «Булолоо»! Трое палубных на «Брэнкстон»!..

Покончив с перекличкой, Уэбстер, старый мой друг, подошел ко мне.

— Как видишь,— сказал он,— дела не шибко веселые. День на день не приходится. То густо, то пусто. Думаю, что через недельку-другую придет и твой черед.

Примерно в этот срок я получил работу на пароходе «Ривер Фитцрой», отходившем из порта Кембла, в пятидесяти милях к югу от Сиднея. Я отправился туда к назначенному часу. Мне предстоял «черно-бурый» рейс — судно возило уголь из Ньюкасла в Уайолла и железную руду из Уайолла в Ньюкасл и Кембла, доставляя пищу ненасытным печам гигантской стальной монополии «Брокен Хилл Проприэтери». Работа была грязная. Многие моряки чурались «черно-бурых» рейсов — их так назвали по цвету угля и руды. Но меня это не тревожило. «Грязная работа — чистые деньги»,— так говорят австралийские рабочие. К тому же рейсы у судна короткие, часто можно бывать на берегу.

Пароход снимали с якоря в полночь. В восемь вечера я уже поднимался на борт по шторм-трапу вместе с одним голландцем, который нанялся четвертым механиком. Меня же взяли подручным в бригаду кочегаров.

— Черно-бурый рейс! — ругался голландец на ломаном английском языке.— Хоть бери свидетельство о санобработке, прежде чем тебя пустят на эту посудину...

Я отправился на корму к кочегарам. На палубе матросы ставили бимсы в люк номер пять — опасная работа в сумерках. Один из них напевал «Мэгги-Мэй». Я сложил в сторонке свои вещи и пошел сообщить о себе делегату бригады кочегаров.

Карл, смазчик, работавший в вечернюю смену, сидел в своем закутке и пил пиво. Я знал его немного по Мельбурну: это был когда-то мой родной порт. Я выпил с ним пива, мы потолковали немного, потом ему пришло время идти в кочегарку.

Подручных на пароходах зовут «пэгги» — «колченогий»: в прежние времена в подручные брали только моряков-инвалидов, одноногих, одноруких или стариков, слабых здоровьем. Рабочий день «пэгги» начинается с шести утра: в одну вахту он помогает палубным матросам, в другую — кочегарам. Подручному приходится таскать тяжести из кладовых, убирать кают-компанию, душевые, умывальные. Я приступил к работе еще до восхода солнца. Все судно — от кормы до носа — было покрыто сплошной коркой железной руды. Тот «пэгги», на место которого взяли меня, видимо, больше уважал грог, чем лопату. Но еще до того, как мы пришли в Уайолла — три дня ходу, немалое расстояние,— судно приобрело приличный вид.

«Ривер Фитцрой» была старая, но еще крепкая посудина, построенная наспех во время войны. Ходили слухи, что судно запродано какой-то японской компании — лишний пример того, как разбазаривают австралийский каботажный флот, широко открывая двери международным судовладельческим монополиям.

Когда мы проходили мимо острова Габо, где стоит маяк, налетел циклон скоростью в сотню миль в час. Ну и ночка же выдалась! Судно трепало в бортовой и килевой качке, оно все содрогалось, высоко взлетая на волну — при пустых трюмах оно с трудом противостояло шторму.

Рулевым было нелегко: нас все время относило вправо, на камни. Но капитан, старый морской волк, заранее взял курс мористее, когда получил тревожный прогноз погоды.

В Уайолла — пыльном, неприветливом городке, придавленном рудниками и судоверфями, также принадлежащими всемогущей «БХП», мы стали под погрузку. Ленты конвейеров начали набивать брюхо «Ривер Фитцрой» железной рудой.

Четверо из восьми кочегаров получили ранения во время шторма и потребовали расчета. Джек Дугган из Ньюкасла, крановщик и делегат профсоюза на судне, разыскал меня на палубе.

— Не хватает кочегара, Фрэнк,— сказал он.— В Порт-Аделаиде можно нанять подручного, а кочегара едва ли.

Джек знал, что я когда-то работал кочегаром на берегу, и предложил мне «повышение». Я согласился.

Вахта в кочегарке начиналась в десять вечера. Я спустился вниз и попросил смазчика Карла показать мне, как заменять форсунки. Я умею обращаться с котлами, но всегда работал на угле, с лопатой в руках. На «Ривер Фитцрой» раньше тоже были угольные топки, но потом их переделали на более экономичную нефть. Эдди-«Грек», кочегар, предложил постоять со мной первую вахту и научить меня всей премудрости. Эдди — участник войны в Испании и замечательный товарищ.

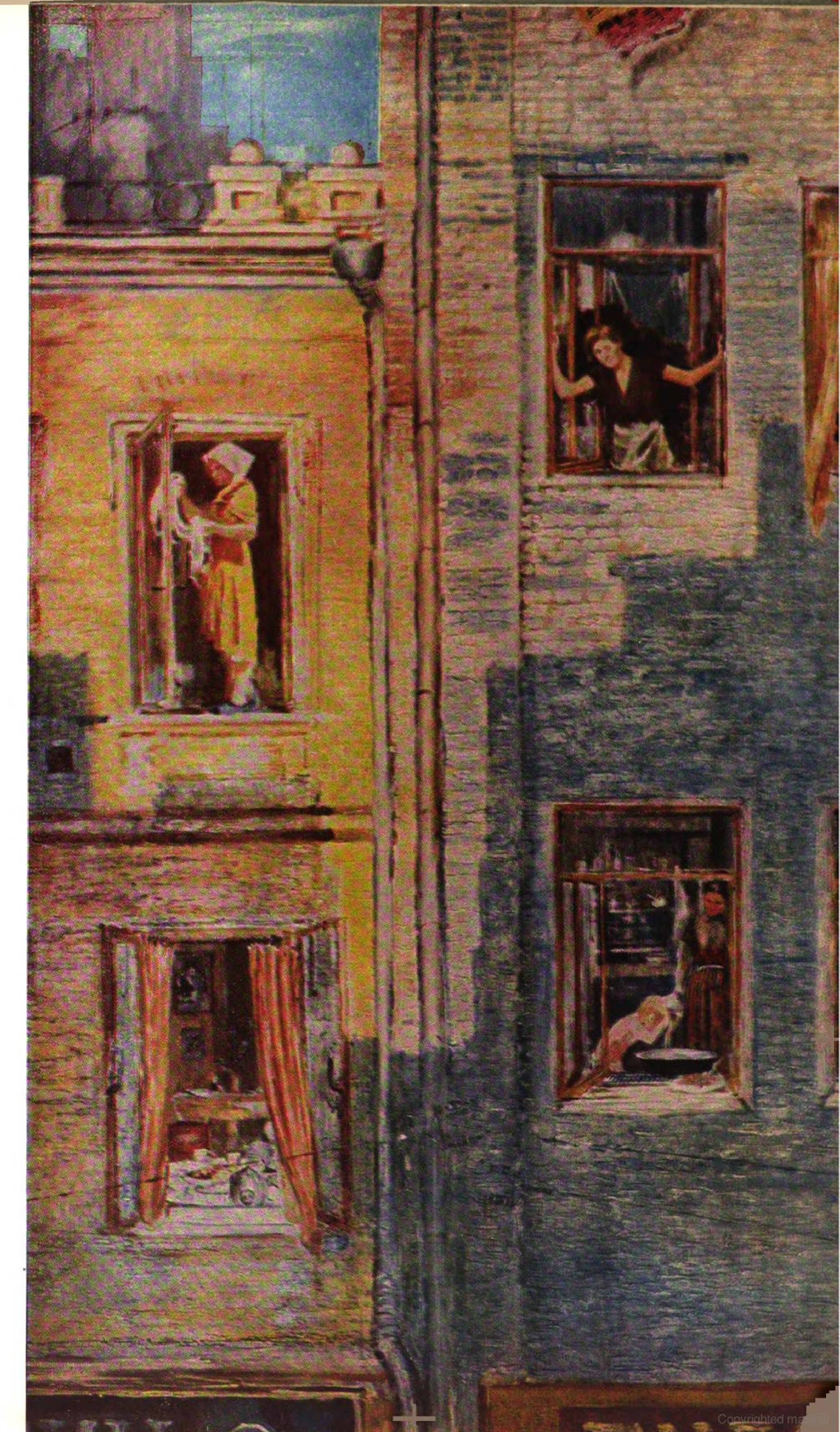
— Первое дело — помнить про кран подачи нефти. Бывает, забудешь его закрыть. В прошлом году один паренек из Ньюкасла зазевался, его и обдало сзади горящей нефтью. Живого места не осталось на коже. Открой форсунку, дай нефти натечь. Делай это осторожно, оберни правую руку мешковиной: в перчатке слишком горячо. Дай стечь лишним каплям в ведро. И действуй форсункой. Не давай только падать давлению пара...

Вскоре были заменены все шесть форсунок. Еще две вахты — и я уже легко управлялся с ними.

Потянулись однообразные корабельные дни. Мы ходили взад-вперед между Уайолла и Ньюкаслом. Подъем в полчетвертого утра, чашка чая, вахта в кочегарке с четырех до восьми, завтрак, с девяти — три часа сверхурочных, разные дела в машинном отделении, перетаскивание бочек с нефтью с палубы, обед и отдых до четырех, а потом снова вниз. По вечерам я играл с матросами в карты, читал, разговаривал по душам...

Как только я появился на судне, пошли всякие толки. Я был единственным коммунистом в команде — явление довольно редкое: среди австралийских моряков членов нашей партии много. Но большинство экипажа «Ривер Фитц-

[1] В Австралии все ежедневные газеты буржуазные.

Ю. Пименов. ОКНА.

Ю. Пименов. НАЧАЛО ЛЮБВИ.

Зонты. (Набросок).

рой» были боевые ребята. Они активно поддерживали партию и издавна читали ее газету «Трибюн». Обо мне разговоры велись сдержанные.

— Харди, писатель, у нас на борту, говорят, пишет книгу о нашем брате.

— Да он ведь давнишний моряк. Не все ли равно — писатель он или нет...

Мне всегда было не по душе, когда мои друзья, рабочие-активисты, видели во мне только писателя. Я рабочий, отдающий время писательскому труду; они рабочие, занимающиеся организацией масс. Все должно быть естественным. Мы с ними говорим на одном и том же грубоватом языке, читаем те же книги, боремся за одно общее дело. Они не прочь посидеть за кружкой пива, поставить на лошадь на скачках. Живут они трудно и работают трудно. Так и я.

На «Ривер Фитцрой» были великолепные ребята, и мы свыклись и сдружились очень скоро. Однажды я объяснил им:

— Да, я буду писать книгу о море и моряках. Но сейчас я здесь для того, чтобы заработать немного денег, так же, как и каждый из вас. Ну, а раз я с вами работаю вместе, вместе будем и драться против хозяев...

Мне давно известны неписаные правила поведения настоящего моряка: делай свое дело и не ползай на брюхе перед хозяином; никогда не забывай о товарищах; помни во время вахты, что сменщикам надо дать выспаться; борись за заработную плату, за условия труда, за профсоюз. И я всегда следовал этим правилам. Человек не только работает на судне, он живет на нем, и тут все должно быть, как между добрыми соседями по дому.

Я стал делать заметки украдкой, не показывая вида. Но об этом как-то узнали, и каждый спешил услужить мне каким-нибудь анекдотцем из морской жизни, случаем из биографии какого-либо товарища. Но доподлинно ценный материал они доставляли мне тогда, когда оставались самими собой, делали обычную работу, обменивались обычными солеными шутками, поддразнивали друг друга, скрывая за этим самую теплую дружбу, спорили до хрипоты и стояли плечом к плечу в общей борьбе за свои права.

Да, я был бы рад «обессмертить» многих из них в своих рассказах: и старого Фрейка, иронического философа, острого шутника, участника долгой, жестокой, завершившейся поражением стачки 1935 года; и Томми из Ньюкасла, немного непутевого морячка, с «женой» чуть ли не в каждом порту, но горячего, беззаветного товарища — это он, рискуя жизнью, спас от гибели Эрни, датчанина, во время аварии крана, а потом нетерпеливо отмахивался от похвал товарищей; и длинного Джека Дуггана, веснушчатого великана, бесхитростного, как ребенок, но непреклонного в стачечных схватках; и Джека Гима, который упорно учится рисованию на заочных курсах, отрывая часы от сна после ночной вахты; и матроса второй статьи Джеспера, готового день и ночь играть в карты; и большого Карла, и Эрни, по прозвищу «Грек». Но разве перечислишь их всех, влюбленных в свой тяжелый морской труд и умеющих повеселиться так, что все идет кувырком!

Я знаю австралийских моряков и горжусь ими. Это один из боевых отрядов нашего рабочего класса. Из одиннадцати руководителей их профсоюза — девять коммунистов и два члена лейбористской партии. Моряки долго дрались за человеческие условия труда, они многое завоевали и теперь яростно отстаивают завоеванное.

На каждом судне торгового флота — крепкая профсоюзная организация.

Палубные матросы, кочегары, машинисты выбирают своих профсоюзных делегатов и их заместителей. На каждый рейс избирается, кроме того, председатель общих собраний экипажа. Эта группа и играет роль исполнительного органа, выполняющего волю всего матросского коллектива.

Председателем собраний на этот рейс выбрали меня. Собрание созывалось каждое воскресенье вечером, если судно находилось в море. Все начиналось с выработанной обычаем процедуры: читались протоколы прежних собраний; казначей докладывал о положении с денежными средствами союза и стыдил тех, кто задолжал по членским взносам; тут же голосовал: выдать из стачечного фонда денежную помощь товарищам, которых капитан оштрафовал за участие в однодневной забастовке.

На первом же собрании среди этих будничных дел вдруг вспыхнул жаркий разговор на политическую тему.

Один из профсоюзных делегатов рассказал о том, что в портах готовится стачка протеста против произвола арбитражного суда по экономическим конфликтам: суд широко использует против рабочих предоставленное ему право накладывать штрафы на профсоюзы за «незаконные» забастовки и даже приговаривать к тюремному заключению профсоюзных активистов.

Страсти накалялись. Вести дебаты по строгим парламентским канонам было, разумеется, невозможно: моряки за словом в карман не лезут и весьма вольно обращаются с регламентом. Один моряк потребовал тут же начать забастовку на судне. Другие возражали: как бы не повторить печальный опыт 1935 года, надо-де уметь бороться и не бросая работы.

Ломая порядок обсуждения, один из матросов внес предложение по другому вопросу: поручить Бреннану, профсоюзному организатору в Ньюкасле, потребовать от компании, которой принадлежит «Ривер Фитцрой», точного ответа, верно ли, что судно собираются продать Японии.

Старый Фрейк на это заметил, что задавать подобный вопрос судовладельцам все равно что спрашивать об этом у официантки из ньюкасльского кабачка «Семь океанов». Серьезно настроенная аудитория негодующими криками взорвалась, но старый Фрейк только иронически усмехнулся, он был доволен своей шуткой.

Прения пошли вкось и вкривь. Ораторы один за другим стали жаловаться на неполадки на судне, требовать всяческого ремонта, нужного и ненужного. Матрос, ведавший библиотекой, предложил заклеймить позором тех, кто, уходя с судна, не возвращает книг, а оставляет их валяться на койках. Все единодушно согласились, что это непорядок и допускать этого больше нельзя.

Тут поднялся Томми из Ньюкасла. Он готовился прогуляться на берег и был соответственно одет, голову его украшала шерстяная шапка домашней вязки со смешными наушниками. Все насторожились: от Томми можно было ждать любой чрезвычайной выходки. И действительно, он начал с того, что обвинил одного из матросов в неумении вести себя надлежащим образом в уборной. При этом Томми привел о матросе некоторые непечатные подробности анатомического характера. Но тут же он сделался очень серьезным и заговорил... о недавней стачке рабочих мельбурнской верфи.

Я пытаюсь сейчас воспроизвести в точности его горячую и искреннюю речь.

— Вот, приятели, мы слушали по радио — а у нас, я думаю, есть уши, чтобы слушать не только всякое дерьмо,— словом, мы слушали насчет того, как только что бастовали ребята на верфях. Они здорово дрались, убей меня бог, а что получилось? Эти ублюдки оштрафовали их на пять сотен фунтов! И каждый раз так, стоит только профсоюзу начать стачку! А потом изволь таскаться по судам. Судебные издержки обойдутся дороже, лучше уж уплатить штраф. Вот и сиднейских стекольщиков прищемили штрафом и рабочих на брисбэйнских хладобойнях. Нас бьют по карману, как только мы начинаем спорить о своих кровных деньгах. И знаете, за что этот вонючий арбитраж срезал нам сверхурочные? За то, что ребята из союза слишком часто бывают там в гостях и не дают нас в обиду. Ну, а сами мы, что мы сделали до сих пор? Надо сломать эту проклятую механику штрафов, или все наши профсоюзы и вся наша борьба пойдет прахом!

— Что же ты предлагаешь, Томми, нашему собранию?

Разгорелись новые дебаты. В конце концов мы решили послать телеграмму Ассоциации владельцев пароходов в Мельбурне. Я составил телеграмму, дал подписать делегатам и отправил из ближайшего же порта. Текст телеграммы был такой:

«Мы протестуем против вашего обвинения союза рабочих судостроителей в так называемом оскорблении арбитражного суда выразившемся в объявлении якобы незаконной стачки тчк требуем прекращения использования против профсоюзов штрафов и других карательных мер тчк права на стачку не уступим тчк команда ривер фитцрой».

Я думаю, что это послание дало судовладельцам некоторую пищу для размышлений. Впрочем, это была не единственная телеграмма такого сорта, полученная ими.

Дебаты на наших судовых собраниях порождали как бы маленькие ответвления: люди собирались потом группами в кубриках, в каютах. Пиво служило смазкой для памяти и прочищало голос. И именно эти мирные беседы служили для меня богатейшим источником человеческого материала: события, люди, их переживания представали передо мной в их непосредственной, жизненной форме.

Это было как бы прямым ответом некоторым литературным снобам, свысока взирающим на рабочих, считающим докера или матроса чем-то вроде «недочеловека». А ведь какие сокровища таятся в душе этих простых людей: разящий юмор, простая мудрость, естественное чувство локтя, полезные знания, почерпнутые из хороших книг, несложная, но чистая и глубокая философия, наконец, классовая сплоченность и убежденность в том, что наступит мир человеческого братства и этот мир будет принадлежать людям труда!

Я люблю запах моря, его беспокойную силу, необъятную ширь. Люблю самобытную атмосферу корабельной жизни, постоянное чувство борьбы и покорения сине-зеленой водной стихии. Но моряки были недовольны, когда я, увлекшись, начинал рассказывать, как опишу море, корабли. Люди хотели сами быть центром романа, который я собираюсь написать. И я, разумеется, так и поступлю. Я думаю сначала написать пьесу, в основу которой лягут подлинные события, происшедшие на «Ривер Фитцрой»...

Все, даже самое хорошее, имеет свой конец. Я обещал семье вернуться к Новому году. Меня призывали мои писательские обязательства и общественная работа на берегу. И вот я взял расчет и покинул судно в Мельбурне, куда оно зашло за необычным для него грузом — автомашинами для Тасмании.

Моряки обычно не очень словоохотливы при расставании: у них это случается так часто!

— Вот бы еще раз встретиться на борту!

— Желаю удачи, товарищ!

Таковы были эти скупые напутствия. Но мы уже сдружились и сроднились, и за этой немногословностью скрывалось теплое чувство.

Я сошел на берег с вещевым мешком за плечами и двинулся вдоль причала. Еще стояли предрассветные сумерки. Я обернулся, посмотрел на судно. Его огни словно приближались ко мне, огни уже ставшего привычным, дружеского очага. Я ощупал пальцами профсоюзную книжку, лежавшую в моем кармане. И на какое-то быстротечное мгновение мне захотелось быть не писателем, не общественным деятелем, обремененным многими обязанностями, а снова простым моряком, одним из этих беспокойных, верных в дружбе людей, которые водят корабли у австралийского побережья и в далекие чужеземные порты, ни перед кем не гнут шею и хорошо знают подлинный вкус и смысл слова «товарищ».

...Я отвернулся и зашагал к автобусной остановке, утешая себя мыслью, что все равно доведется мне еще тянуть матросскую лямку на других судах, с другими товарищами из других портов. И еще я поклялся: стараться запечатлеть то главное и важное, чем наполнена жизнь и борьба моих товарищей, моряков Австралии.

Так уж оно повелось у меня: если есть что-либо значительное среди того, что я написал, так это рассказы и пьесы об австралийских рабочих.

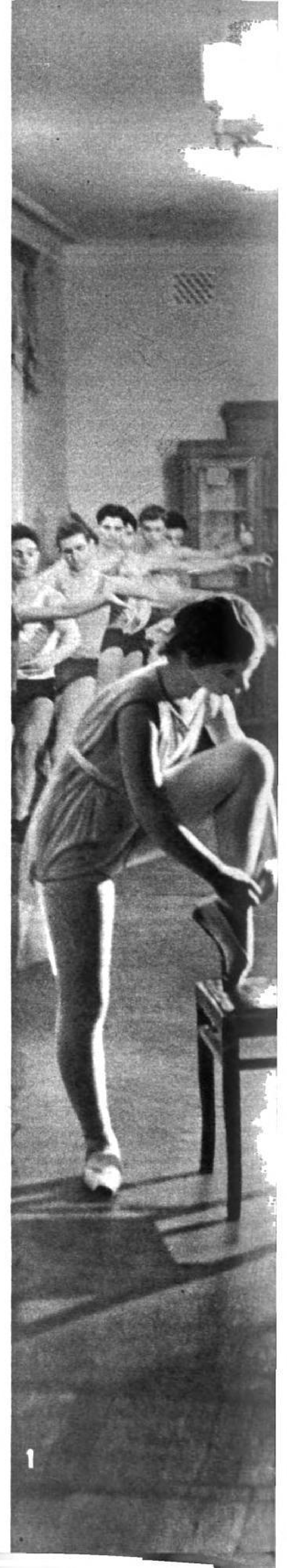
Возвратившись в Сидней, я стал перелистывать сборник стихотворений Генри Лоусона. Суть одного из стихотворений я выразил в короткой фразе, написал ее на листке бумаги и вывесил над моим столом:

«Все, что пишу, пишу для них».

Н. ХРАБРОВА,
А. УЗЛЯН

Это время твое

Петр шагал по высохшей траве мыса Таганий Рог, резко откидывая назад длинную трость. Горячий азовский ветер раздувал полы его сюртука, он, мореплаватель, строитель и царь, упивался зеленым, сверкающим простором этого моря. Только что взят Азов! Надо крепко держать эти берега! И что может быть сподручнее мыса, вытянутого в море длинной косой? Быть здесь городу и порту!

Так кончился тот июльский день 1696 года. А малое время спустя на мыс были согнаны работные бедные и беглые люди, вырос крепостной вал, и стал город Таганрог — первый русский порт на юге. Народ здесь поселился торговый, богатый, и почти сотню лет — до появления Одесского порта — Таганрог процветал, застраивался особняками, заселялся русскими, греческими и итальянскими купцами (эти последние даже свою оперу держали в Таганроге).

Потом открылся Одесский порт, и Таганрог захирел. Клуб был проигран в карты, итальянская опера уехала, в городе безданно-беспошлинно поселилась скука.

«...Грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог», — писал А. П. Чехов своей сестре Марии Павловне в апреле 1887 года. Он написал так потому, что любил этот город и хотел для него иной судьбы. И не просто хотел: Чехов много хорошего сделал для Таганрога. Он подарил городу свою чудесную библиотеку с автографами писателей, очень был захвачен идеей основания музея и писал таганрогскому градоначальнику: «Я счастлив, что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я многим обязан и к которому продолжаю питать теплые чувства...»

Бережно хранится теперь в Таганроге его библиотека, а из музея, им основанного, выходишь так, будто кто-то только что сделал тебе подарок. И живет таганрогский гражданин Антон Чехов в своем городе не только возрожденный в великолепной скульптуре Рукавишникова, но и в планах на будущее, в разговорах нынешних таганрогских жителей.

А над морем, на приятном его сердцу встречном ветру, откинув резким движением трость, стоит на оконечности мыса основатель Таганрога Петр — памятник работы Антокольского. В этом тоже есть доля забот Антона Павловича...

Новый Таганрог поселился у своих огромных заводов. Многоэтажные дома заводских поселков надежно, крепко, красиво окружили маленькие домики бывших окраин и двухэтажный центр. В центре сохранились особняки прошлого века, многие из них построены хорошими русскими и итальянскими архитекторами, и придают они Таганрогу облик уютный и милый.

А какие здесь парки, какие аллеи!

Всякий город хорош весной, а Таганрог, наверное, особенно!

Но мы приехали сюда на грани зимы и весны. Азовское море еще только начинает ломать лед, в городе по бокам улиц валами лежит серый снег. Такое время: оттепели, распутица, туманы. Оно везде неуютно и полно ожиданий.

Так как же ты живешь в это время, приморский Таганрог, город рабочих и студентов? Не скучен ли, не ленив ли? Чем заняты твои вечера, те часы, когда люди пришли с работы, когда они дома, когда отдыхают? И что дал твоим жителям лишний свободный час?

Пусть об этом расскажут читателям наши фотографии.

1.

Дворец культуры котельщиков. Студия классического балета.

2.

Певчие птицы — давнее традиционное увлечение таганрожцев.

У грузчика металлургического завода Сергея Михайловича Клименко в квартире живут маленькие зеленые, голубые и белые африканские попугаи, кенар и канарейка, жаворонок, малиновки, славки, скворцы — голосистые певцы, встречающие своего хозяина радостными руладами.

3.

Веселые мелодии студенческого эстрадного оркестра.

4.

За спиной, в зрительном зале, настороженная тишина: там ждут первого взмаха дирижерской палочки. Отдавая музыке все свободное время, слесарь-инструментальщик Николай Васильевич Коновалов стал дирижером симфонического, духового и эстрадного оркестров Дворца культуры имени Сталина.

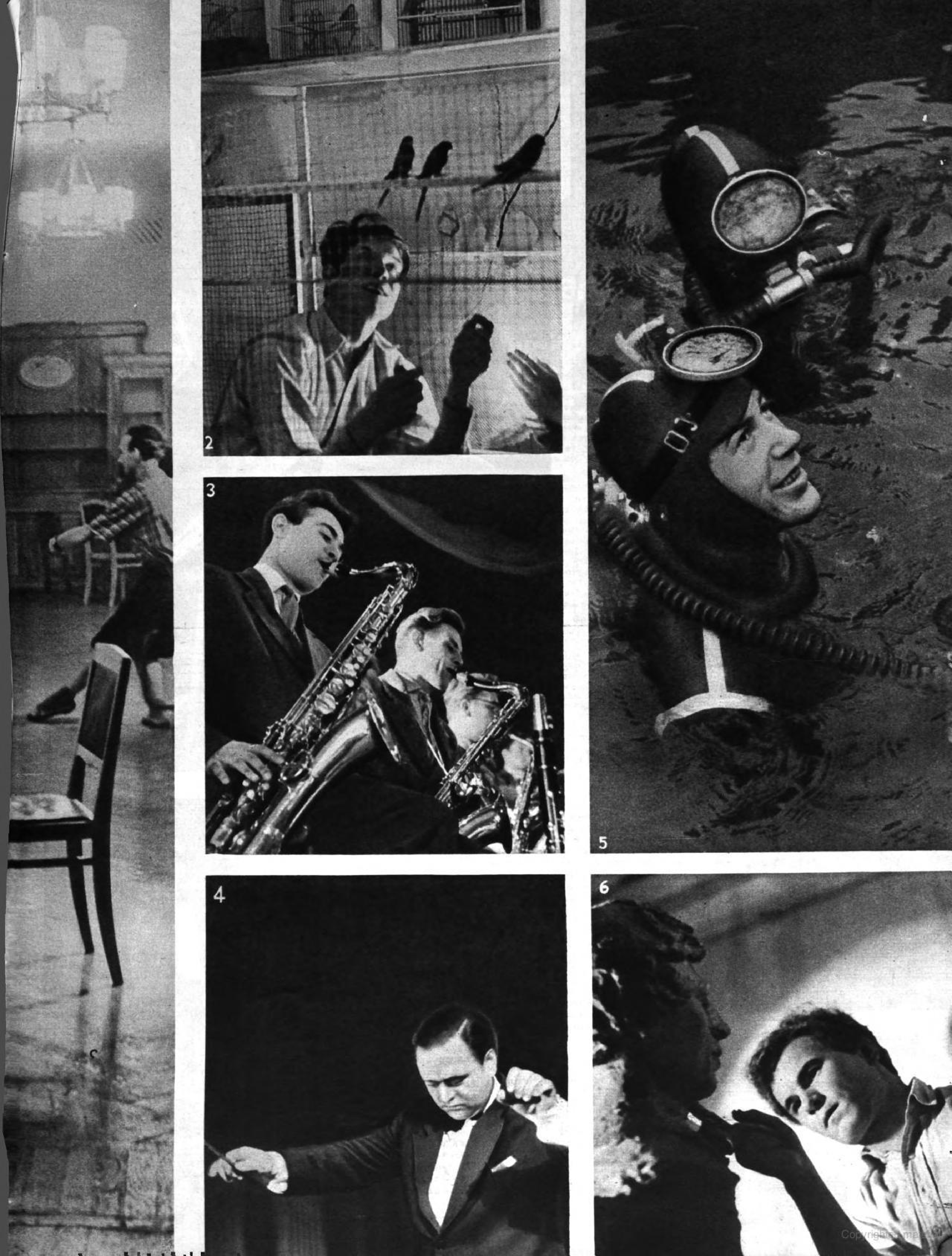
5.

Что за гость из неведомых подводных глубин? Это самый обыкновенный таганрожец — ученик строительного училища Федор Гуцуляк. Идут занятия в бассейне Морского клуба. Бассейн маленький, 30 ребят из строительного училища построили его сами, и в те месяцы, когда море покрыто льдом, они надевают свои фантастические, черные с желтым, зимние костюмы аквалангистов, маски и ласты и тренируют в бассейне спуски и дыхание под водой.

6.

Вчера он занимался лепкой до трех часов ночи, сегодня, завтра и еще несколько вечеров снова будет лепить и лепить, пока не закончит этот портрет. Он непременно поступит в Московское художественное училище и станет скульптором, этот упрямый и способный электротехник Григорий Чуприна.

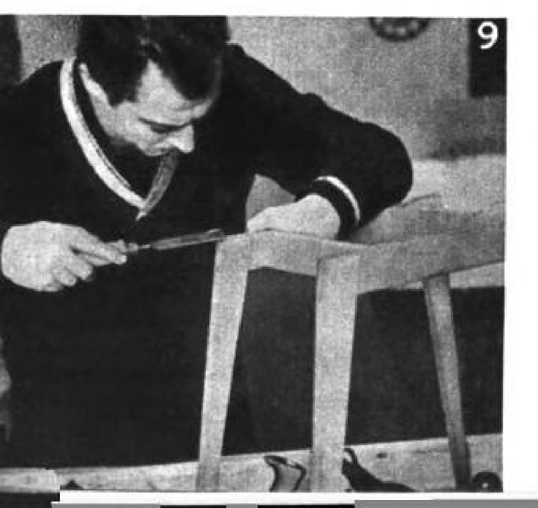
1

2
3
4
5
6

7.

Еще спят весенние ветры, а море, кромсая льды, дышит теплом и влагой. Хорошо в мягком свете наступающих сумерек писать пейзажи родного города! Вышли на этюды слесарь «Красного котельщика» Павел Лефтор и библиотекарь Нелли Чинчерук — члены клубной изостудии.

8.

Тихо! В киностудии «ТРТИ-фильм» идет съемка. «ТРТИ-фильм» — это киностудия радиотехнического института. Сейчас в лаборатории сопротивления материалов студенты — режиссер Леонид Степанов и оператор Леонид Ковицкий — снимают занятия новичков.

9.

Кандидат филологических наук, влюбленный в творчество Чехова, преподаватель педагогического института Михаил Петрович Громов вечерами собственноручно делает... самую первоклассную, можно даже сказать, художественную мебель, которой и обставил свою уютную квартиру.

10.

— Слушай, я для тебя сыграю песенку о слоненке, — говорит профессор радиотехнического института доктор химических наук Алексей Николаевич Харин сынишке Коле. А для себя в этот вечер он играл «Лунную сонату» Бетховена.

11.

Дворец культуры комбайнового завода. Здесь и выступает молодая таганрогская опера. Позвольте, но ведь в Таганроге нет своей оперы? Да, профессиональной пока еще нет, зато есть народная, заводская! В тот вечер шла репетиция «Евгения Онегина». Режиссер Виктор Андреевич Кодывенко в антракте за кулисами начал разговор о мастерстве актера. Интересный разговор! Слушают режиссера седой, затянутый в лосины князь Гремин — слесарь Виктор Григорьевич Харитонов, красивая, в малиновом берете, Татьяна — лаборантка Тамара Петровна Покатило, элегантный Онегин — инженер Александр Петрович Агуреев. Здесь только трое артистов, а всего в оперном коллективе бывает занято 110—120 человек. Они ставят «Онегина» и «Фауста», готовят «Русалку». Вообще же сценой — драмой, танцами, эстрадой — здесь увлекается 830 человек. А зрителей сколько? Весь завод. Да что завод — весь город!

Правила игры

Варвара КАРБОВСКАЯ

Лучше всего было бы сказать прямо:

— Ира, я тебя люблю. Очень. Поженимся?

А она бы ответила:

— Игорь, я так рада... Конечно, поженимся.

Но она так не скажет. Почему? Разве он ей не нравится? Когда в туристском походе, собирая хворост, двое людей целуются или когда, прижавшись друг к другу, сидят в кино, — разве это ничего не значит? До сих пор он был уверен, что он ей нравится. Но за последние дни произошла разительная перемена. Она разговаривает с гордым видом, щурится. Накануне праздника, уходя с работы, сказала:

— В общем, договорились, друзья, на второй день — у меня.

Это значит, что она пригласила всех пятерых, кто сидит с ней в отделе. В том числе и его. Но только в том числе. Разве она не могла сказать ему лично, отдельно от других? Может быть, ему не ехать?

Хотя думать об этом поздно: он уже едет на Ленинградский проспект. Едет и мучительно думает: что же, собственно, произошло?

Вот уже пять месяцев, как он влюблен в Ирину. И на всю жизнь, он это знает твердо. Они знакомы давно, вместе учились в институте, но на разных курсах.

В институте они не были влюблены друг в друга. Он даже не замечал эту высокую девушку, а она не обращала особого внимания на широкоплечего парня: мало ли их было кругом, широкоплечих! Но вот теперь случилось так, что они работают в одном отделе. Их столы стоят почти вплотную. Нет, просто удивительно, как это он раньше не замечал, какие у нее глаза! Какие? Ну, серые, живые, блестящие, удивительные глаза! И красивые руки. И ноги. Она сама сказала про свои ноги: «Теперь маленькие не модно. Я даже рада, что у меня тридцать девятый размер». И правильно, большая нога гораздо устойчивее. Но самое главное, она держится просто, и с ней удивительно легко. То есть нет, было просто и легко, а теперь все стало сложным и трудным...

Ехать еще долго, и нужно разобраться во всем беспристрастно! Кругом шумят пассажиры, а у него смутно на душе. Значит, так: им вместе сорок восемь лет. Поровну. Кажется, уже достаточно зрелый возраст для того, чтобы подумать о семейной жизни. В отделе все приблизительно в таком же возрасте, и уже все семейные. Их с Ириной усиленно сватают шуточками, намеками. Но когда такие шуточки повторяются постоянно, это становится уже чем-то серьезным. И потом эти два летних туристских похода. В первом не было ничего, а во втором целовались. Или, точнее, поцеловались один раз и потом делали вид, что ничего особенного не произошло. Потом она уезжала в отпуск. В тот день, когда она должна была вернуться, он утром особенно тщательно брился и смотрел на себя в зеркало счастливыми глазами. Для всех ясно, что они влюбленные.

И вообще нельзя изо дня в день делать вид, что ничего не произошло, когда сидишь рядом по семь часов в сутки. Нет, надо что-то решать, и именно сегодня, когда его пригласили на праздник! Будь что будет! Только бы понять, почему она вдруг переменилась, стала насмешливой, холодной и даже небрежной. «В общем, договорились, друзья...» А ему лично даже ни слова. Почему она так?..

* * *

...Она помогала тетке накрывать на стол. Тетка — опереточная актриса, пенсионерка, женщина строгих правил. Какой она была раньше, Ирина не знает. Но все шесть лет, с тех пор, как Ира приехала учиться в институт, тетка является для нее образцом высокой морали и источником житейской мудрости. И хорошего тона. Теперь, когда Ирина — инженер, все про нее говорят, что она хорошо воспитана, одевается со вкусом. Это целиком заслуга тети, поэтому не прислушиваться к ее мнению нельзя: она знает жизнь и любит Иру.

— Я тебя люблю, и я за тебя в ответе перед твоими родителями. Они прекрасные люди, но страшно легкомысленные! Нарожали троих детей: кого в академию, кого в институт, — у них все просто. Сами сидят в деревне и лечат колхозников: ухо — нос — горло. И не понимают, что самое главное — воспитание! Я хоть и бездетная, но в воспитании понимаю побольше других... Куда ты кладешь вилки? Вилки слева, ножи справа, приборы на палец от края стола, цветы в центр. По крайней мере, когда выйдешь замуж за своего Игоря, все будешь уметь, сто раз меня помянешь. Но только ты настаивай, чтоб он разъехался со своими родителями. Хоть у них и большая квартира, но вместе жить — это не жизнь! Когда я вышла замуж за Павла Петровича, моего первого мужа, я потребовала, чтобы мы немедленно отделились от его родителей — царство им небесное! — такие были психопаты.

— Тетя Люда, но ведь у нас с Игорем ничего еще не решено. Ты же сама сказала...

— Сказала. А как же тебе не говорить! Я сразу заметила: глаза блестят, лицо горит, разве можно откровенно показывать свои чувства? Уж, кажется, я была влюблена в Сергея Александровича, в моего второго мужа, но никогда ему этого не показывала. Даже когда поженились, он еще долго себя чувствовал так, будто я его пригласила в гости и каждую минуту могу отказать от дома. Молодая девушка да еще такая самостоятельная, как ты, должна знать себе цену. Он тебе скажет: «Я вас люблю, будьте моей женой...»

— Мы на «ты».

— Ужасная это манера, все вы теперь на «ты»! Ну, все равно, он скажет: «Давай, будь моей женой», — а ты сразу не соглашайся. Помаринуй. Скажи: «Нет, Игорь, я пока замуж не собираюсь».

— Тетя Люда, но ведь это неправда!

— Ах, душенька, зачем тебе эта правда? Это только у Достоевского все режут правду в глаза. Любовь, брак — лотерея. А лотерея — игра. У каждой игры есть правила. Ты ему раз откажешь, два откажешь, и вот он уже твой раб навеки.

— Но я вовсе не мечтаю стать рабовладелицей.

— Хочешь быть сама рабой? Да?.. Винегрет поставь около ветчины, фрукты пока на маленький стол... Никогда не будь рабой мужчины! Если ты ему покажешь, что тебе хочется замуж, твоя игра проиграна. Ты думаешь, у тетки старомодные взгляды на жизнь? Ничего подобного. Любовь одинакова — что в каменном веке, что в атомном, поверь мне. Физика и химия тут абсолютно не играют роли. Можно расщепить атом, а попробуй расщепить ревность!

— Тетя Люда, расщепить — это не значит наделать щепок.

— Милая, ты в этом отношении умнее меня. Я профан. Но зато в области чувств я профессор. Ты ему стихи читала — Блока, Есенина, — как я говорила?

— Ну, читала.

— Правильно. Если он не дурак, он понял, что у тебя есть внутренний мир. И не торопись с поцелуями. Если он не дурак, он поймет, что у тебя строгие правила. Вон кто-то уже звонит. Иди открывай и помни: тетка тебе желает только добра. Подожди! На Игоря обращай внимание поменьше. Лучше пококетничай с этим... с Кнопкиным, с Попкиным, как его там? Ну, ступай.

Гости просидели пять часов, с восьми до часу, ели, пили, танцевали. Когда прощались в прихожей, благодарили:

— Так было хорошо, так весело, так вкусно! Спасибо большое!

Ирина улыбалась с видом победительницы. Сама весь вечер промучилась, но зато Игоря тоже помучила. Посадила его рядом с этой курносой Наташкой, которую пригласила просто так, для ровного счета: когда-то вместе учились в школе. А сама танцевала с Колей Кнопкиным и командовала:

— Коля, пойдем в кухню, ты мне поможешь! Нет, нет, больше никого не надо, мы справимся одни!

— Правильно, детка, — сказала тетя, закрывая дверь за гостями на цепочку. — Я видела твою игру, аплодирую! Он страдал. Теперь он будет ходить за тобой, как пудель. Можешь спать спокойно, утро вечера мудренее, вот увидишь. Посуду помоем завтра.

* * *

...Они все вместе дошли до метро. Начали выяснять, кому куда.

— Мне на Зацепу, — сказала Наташа.

— Хотите, я вас провожу? — спросил Игорь. Ему стало неудобно, что эта маленькая девушка поедет ночью одна.

— Спасибо большое, только ведь вам не по дороге?

— Это ничего не значит. Чтоб вам не было скучно, я расскажу про одного знакомого, которому жутко не повезло в жизни. Все его друзья переженились, а он одиноко коротает свой век, впору хоть вешаться, вот до чего...

— Бедный! Он уже пожилой, да?

— Как вам сказать... Не совсем пожилой, но уже не мальчик.

— Пожалуйста, расскажите, это очень интересно.

Как он не заметил, что у этой маленькой такие глаза! Какие? Ну, серые, живые, блестящие. И самое главное, она держится просто, и с ней удивительно легко. Что это значит? Что он, легкомысленный парень? Вовсе нет, он долго думал, глубоко анализировал свои чувства и переживания. И мучился, как никогда. Разве нет? Весь вечер сидел, как оплеванный. У Ирины такая симпатичная тетка: «Веселитесь, дети мои, на то и праздник! А самое главное, будьте простыми, естественными, как и подобает нашей чудесной молодежи». Умная, правильная старуха. А Ирина кривлялась. Уединялась с Колькой Кнопкиным. Это все равно, что наплевать человеку в душу. Ну и все! Какое счастье, что его не сосватали! Жена — старомодная кривляка, что может быть ужаснее! Да, но как завтра сидеть на работе, в одной комнате? Очень просто. Даже гораздо легче будет работать, а то все время, как на горячих угольях, из-за этой сумасшедшей любви. Вообще влюбляться у себя на работе — это ужасно. И хорошо, что все кончилось...

— Вот мы и приехали, Игорь. Спасибо, что проводили. Теперь торопитесь домой, а то закроют метро. До свидания.

— До свидания. Наташа, вы мне не дадите ваш телефон?

— А зачем?

— Просто, чтоб я мог когда-нибудь позвонить, если можно. Например, завтра. Или вам неприятно?

— Нет, мне, может быть, и приятно. Но я не хочу, чтоб это было неприятно кому-нибудь другому.

— Какая вы хорошая: думаете о других! Но другие уже сами о себе позаботились. Так что все в порядке.

Он ехал домой через весь город. Или, скорее, подо всем городом, потому что успел в метро. У пассажиров было праздничное настроение. Как хорошо, что он не успел сказать Ирине «поженимся»! И не полюбил ее на всю жизнь. Очень хорошо!..

Рисунки М. Ушаца.

Новая ГЭС

Давно уже советские люди смирили гордыню величавого Днепра. Встала на реке целая цепь гидроэлектростанций, пошли к морю большие суда. Воды Днепра хлынули в степи, орошая колхозные поля.

Недавно началось строительство еще одной ГЭС — Киевской, которая завершит цепь электростанций на Нижнем Днепре.

В пятнадцати километрах от столицы Украины, возле села Вышгород, огромная насыпная плотина и дамба перекроют реку. Здание станции разместится у живописного правого берега в русле и пойме Днепра. Земляные сооружения общей протяженностью около сорока пяти километров будут расположены так, что защитят от затопления плодородную пойму днепровского притока — Десны.

Авторы проекта решили строить здание гидростанции без машинного зала. В нижней части здания будут сделаны специальные отверстия — водосбросы. Раньше для сброса воды приходилось строить дорогостоящие водосливные плотины.

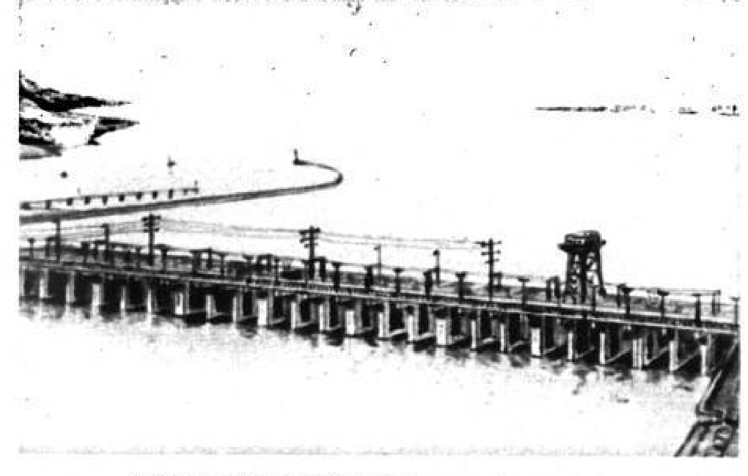
Для пропуска судов в русле Днепра у правого берега будет устроен однокамерный шлюз. Стены его камеры — своеобразные железобетонные соты, заполненные песком. Ячеистые стены позволят сэкономить большое количество бетона.

Кроме основной ГЭС, здесь воздвигнут первую в Советском Союзе гидроаккумулирующую электростанцию. Она будет как бы «камерой хранения» основного гидроузла. Ее водохранилище разместится на высоком правом берегу. В те часы, когда энергосистема окажется мало нагруженной, например, ночью, вода из реки по трубопроводам длиной в 400 метров будет подаваться в искусственный водоем.

Роль насосов сыграют турбины Киевской ГЭС, вращаемые мощными электромоторами. А в «часы пик» потребления электроэнергии воду начнут сбрасывать в Днепр. Гидроаккумулирующая электростанция значительно увеличит общую мощность агрегатов Киевского гидроузла.

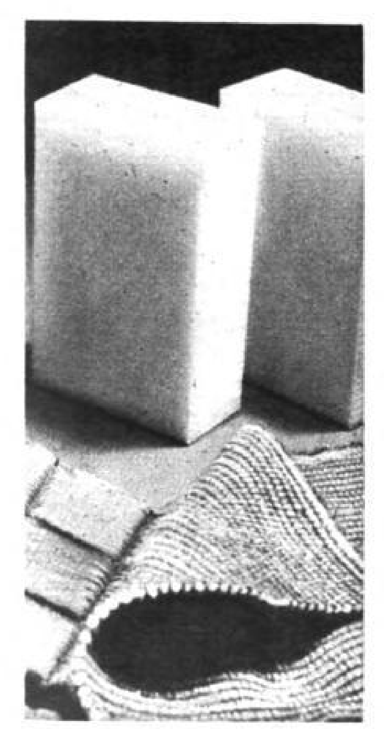
Через три с половиной года строительство Киевской ГЭС должно быть завершено.

В. ДРАННИКОВ

Проект Киевской гидроэлектростанции.

Легкость и прочность

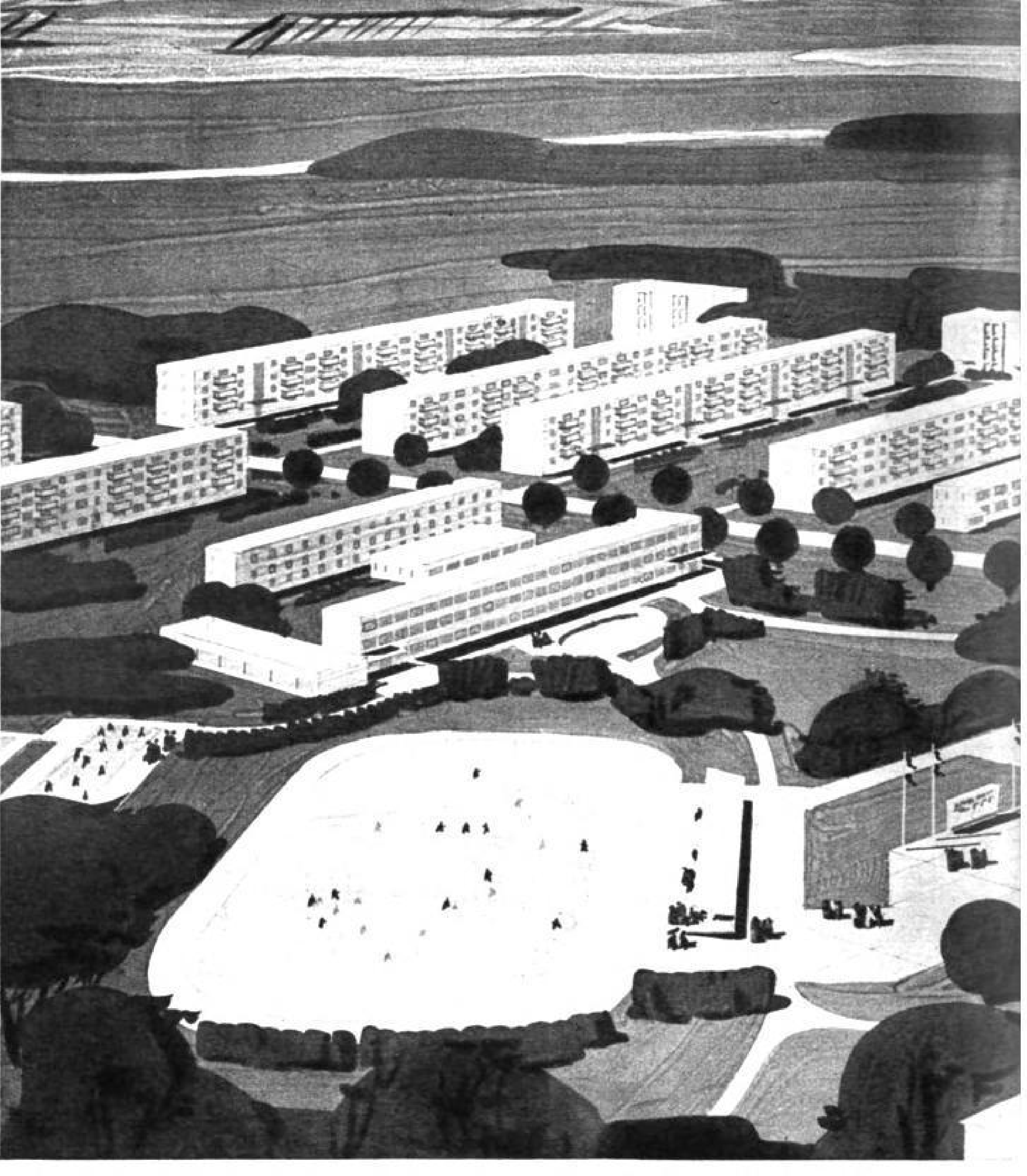

Интересную и сложную работу ведет Институт синтетических смол во Владимире. Коллектив института изучает свойства пенопластов и поропластов — материалов, которые создаются на основе синтетических смол, и получает новые разновидности этих материалов.

Легкость, прочность, тепловая и звуковая непроницаемость — все эти замечательные свойства делают пено- и поропласты материалами неограниченных возможностей. Уже сейчас они используются в авиации, медицине, радиотехнике, судостроении, строительстве. Владимирские ученые ищут новые области промышленного применения синтетических материалов.

На снимке: губки, теплая подкладка для пальто из пенопласта.

Фото Н. Акимова.

Таким будет городок совхоза «Заря коммунизма».

СЕЛО В ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА

Каширское шоссе, что идет на юго-восток от Москвы, скоро превратится в магистраль Москва — Сталинград. Если проехать по нему немного дальше Домодедова, влево пойдет дорога на Барыбино. Вдоль нее раскинулись поля недавно созданного совхоза «Заря коммунизма». 10 тысяч голов крупного рогатого скота на 20 тысячах гектаров земли — таким будет хозяйство этой гигантской фабрики, снабжающей столицу молоком.

Какой же станет эта новая, современная деревня?

...По широкой, окаймленной с обеих сторон тенистыми деревьями улице вы въезжаете на главную площадь, в центре которой возвышается памятник Ленину. Сверкая на солнце стеклянными витражами, красуется двухэтажное здание клуба.

Из фойе клуба можно спуститься в парк. Его аллеи приведут вас к зеленому полю стадиона.

Справа от стадиона—красивое здание школы-интерната; хоть она находится почти на краю городка, это недалеко и от центра. Здесь нет больших расстояний. Самое большое — 600 метров.

Напротив школы, за зеленым барьером деревьев,— жилые дома.

В доме для многосемейных (а статистика говорит, что 20 процентов населения колхозов и совхозов составляют семьи в 5—6 и более человек) квартиры из 3—4—5 комнат. В каждой квартире одна семья.

Около дома большой сад. Легкие беседки, цветники, бассейны, где могут плескаться малыши.

За садом опять жилой дом. И так через каждые 90 метров: дом и сад, дом и сад...

Дом для малосемейных вы увидите на центральной площади. У каждого, кто здесь живет, своя квартира.

Вечером обитатели дома могут посидеть вместе у телевизора в общей гостиной, которая есть на каждом этаже. Два таких корпуса соединены переходом, где на первом этаже расположен универмаг, а на втором общая столовая.

Густая полоса деревьев делит совхозный городок на две части. Одна — жилая, вторая — производственная.

Это село будущего создано... пока в макете мастерской сельского строительства института «Мособлпроект».

Руководитель мастерской сельского строительства Филипп Юрьевич Бершадский рассказал о том, что проект строительства городка совхоза «Заря коммунизма» разработан мастерской совместно с научно-исследовательским институтом экспериментального проектирования Росгипросельхозстроем и другими проектными организациями.

— Без такой солидной поддержки решать эту задачу было бы весьма трудно,— говорит Филипп Юрьевич.— Дело это для всех нас новое.

Городок совхоза «Заря коммунизма» начнет строиться нынешним летом.

Г. ТАБАЧНИК

Шахматы

Под редакцией международного гроссмейстера Сало Флора.

Макс ЭЙВЕ

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ

Экс-чемпион мира голландский шахматист Макс Эйве приехал на неделю в Москву с тем, чтобы стать свидетелем начала борьбы между Михаилом Талем и Михаилом Ботвинником. Макс Эйве перед отъездом на родину любезно предоставил нам возможность опубликовать страницы из своего дневника.

14 марта.

На аэродроме меня и моего голландского шахматного коллегу Мюринга приветствовали советские гроссмейстеры Флор и Таль. Присутствие чемпиона мира — для нас исключительно приятная неожиданность. Таль в наиболее напряженный момент, перед началом матча, пожертвовал своим отдыхом, чтобы встретить иностранных гостей.

Мы спешим в шахматный клуб, где после нескольких коротких приветственных выступлений открывается матч. После этого мы проводим некоторое время с Ботвинником. Никакого следа напряженности, никакой нервозности — во всем размеренность и спокойствие.

В ходе беседы Ботвинник полемизирует с теми, кто считает, что шахматная машина в конце концов вытеснит человека. «Я другого мнения,— говорит он,— человек всегда будет превосходить машину». И Ботвинник приводит следующий примечательный парадокс: «Если человек действительно настолько умен,— он должен быть в состоянии построить машину, которая могла бы превосходить даже самого человека!» На этом наша дискуссия заканчивается. Ботвинник рано отправляется ко сну. Завтра у него трудный день.

15 марта.

Мы направляемся в театр, где проходит матч, и спрашиваем дорогу у случайного прохожего. Он узнает нас и спрашивает, кто, по нашему мнению, выиграет матч. Вопрос, на который отвечать мне не хотелось бы. Ведь я и сам этого не знаю. Наш попутчик, однако, не отстает: он считает, что Таль наверняка выиграет, и с большим счетом.

Здесь я все же вынужден вмешаться. Возможности экс-чемпиона мира всегда сильно недооцениваются. Когда три года назад Ботвинник приступил к матч-реваншу против Смыслова, публика предоставляла ему не много шансов на успех. Лишь после того, как Ботвинник выиграл три первые партии, общественное мнение заколебалось.

Конечно, Таль имеет очень хорошие перспективы отстоять свой титул, но ему наверняка будет нелегко победить хорошо подготовленного Ботвинника. Борьба будет значительно напряженней, чем в прошлом году.

Арбитр матча Штальберг ровно в половине пятого пускает в ход часы, и Ботвинник начинает игру движением пешки «с». Возникает построение защиты Нимцовича, что вскоре приводит к позиции, где белые вряд ли могут рассчитывать на извлечение выгод из дебюта. Кажется, что Ботвинник устраивает ничья, но он виртуозно сохраняет возможности для контрудара.

Таль слишком поздно признает, что и ему следовало сразу взять курс на ничью. После того, как эта истина дошла до его сознания, Ботвинник не принял ничьей, предложенной чемпионом мира. А когда партия откладывается, знатокам ясно, что Таль проигрывает. В комнате прессы многие гроссмейстеры следили за партией с огромным вниманием, анализируя ее быстро и точно. Десять рук одновременно тянутся к коню, чтобы сделать следующий ход.

16 марта.

Повсюду сомневаются, будет ли Таль продолжать безнадежную борьбу. Чемпион мира не любит возиться с проигранными позициями. Он предпочитает рыцарски складывать оружие, чтобы экономить свои силы. Так было и на сей раз. Когда Ботвинник позвонил Голомбеку — второму арбитру,— тот ему сказал:

— Партия сдана. Таль поздравляет вас с заслуженной победой.

За доской Ботвинник и Таль используют для победы все средства, но вне поля битвы они наилучшие друзья.

17 марта.

Хотя первая партия протекала интересно, в ней было не много волнующих моментов. Более острой, по общему мнению, должна была стать вторая партия. Конечно же, чемпион мира Таль наверняка будет стремиться к реваншу.

И все же я видел, как за полчаса до конца игры один журналист покинул зал, записав в своем блокноте: «Партия отложена с минимальным преимуществом белых». К счастью для себя, он заглянул в зал через 20 минут, чтобы стать свидетелем того, как ад низвергнулся и доска объята пламенем.

Как же это произошло? Ботвинник после дебюта получил некоторую инициативу, но он не хотел рисковать, и Таль встал перед трудной задачей: в примерно равной позиции предпринять нечто глубокое по замыслу. Не торопясь, с терпением и изобретательностью взялся он за эту большую проблему. Таль не побоялся пожертвовать большей частью своего времени на обдумывание основ своего плана. И это принесло прекрасные плоды.

Как известно, Ботвинник особенно чувствителен к цейтноту. Таль усилил нажим, и скорее, чем это кто-либо мог предвидеть, его крайняя пешка устремилась вперед. Положение Ботвинника стало критическим.

В тот момент, когда борьба достигла наивысшего напряжения, игровое время истекло, и партия была отложена. Выиграет ли Таль? Половина гроссмейстеров считала, что Таль должен выиграть, другая половина склонялась к мысли о ничьей.

Шахматная Москва провела ночь с 17 на 18 марта в жгучей неопределенности.

18 марта.

Ночной анализ показал, что шансы Таля даже лучше, нежели это можно было предполагать. И все же уверенности в его победе у многих по-прежнему не было. Только сам Таль, видимо, знал, чем завершится прерванный спор. Его анализ привел к изумительному цугцвангу при полной доске фигур, который должен был оказаться роковым для Ботвинника. Так это и оказалось.

21 марта.

И вот третья партия. За доской мы увидели снова того Михаила Ботвинника, который способен железной рукой направить игру по нужному ему руслу. Временной жертвой фигуры он добился позиционного преимущества и безукоризненно реализовал его...

Итак, М. Ботвиннику удалось из трех партий выиграть две. Это столько же, сколько он выиграл за весь прошлый матч. Совершенно очевидно, что экс-чемпион находится в лучшей, чем год назад, спортивной форме. Значит, борьба будет крайне напряженной.

Я надеюсь, что буду иметь возможность вскоре снова приехать в Москву, на заключительный этап крупнейшего шахматного события.

Новая повесть Артура Миллера

Видный американский драматург Артур Миллер, автор известных советскому читателю и зрителю пьес «Все мои сыновья», «Смерть коммивояжера», «Салемские колдуньи», «Вид с моста», опубликовал повесть «Неприкаянные». В основу повести положен литературный сценарий одноименного фильма. В своем предисловии автор пишет, что «Неприкаянные» «не повесть и не сценарий», издательство же называет новую работу Артура Миллера «киноповестью».

Действие ее развертывается на американском Дальнем Западе, в Рино — городе азартных игр и легких разводов — и в окрестных горах. На страницах повести дана красочная картина массового зрелища «родео» — единоборства ковбоев с необъезженными лошадьми и быками; описана ловля диких коней-мустангов. Но, по сути дела, это повесть о том, как в царстве денежного мешка калечатся человеческие жизни, как хорошие, цельные люди не находят себе места и мечутся неприкаянными. В центре повести — поэтичный образ Розлин, молодой женщины, которая мечтает об иной жизни.

Повесть А. Миллера «Неприкаянные» «Огонек» предполагает напечатать в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова.

На снимке: Артур Миллер.

ФИНИШ МИЛЛИОНОВ

В дни, когда на всех стадионах и катках Свердловска разыгрывались напряженные баталии финала всероссийской снежной Спартакиады, в городском парке культуры и отдыха завершался необычный лыжный пробег — космический поход «Земля — Луна». В нем участвовало более 120 тысяч свердловчан. Они в общей сложности прошли на лыжах 369 тысяч километров — расстояние, равное расстоянию от Земли до Луны! Этот символический пробег «в космос» был посвящен второй зимней Спартакиаде народов РСФСР.

В белой Спартакиаде стартовало 5 миллионов физкультурников Российской Федерации. Никогда еще в стране не проводились массовые зимние спортивные игры в таком крупном масштабе.

И когда я наблюдал, как растет напряжение этой большой спортивной борьбы, невольно вспоминалась первая зимняя Спартакиада народов России, состоявшаяся три года тому назад в том же Свердловске. Тогда впервые прозвучали имена таких скороходов, как Виктор Косичкин и Лидия Скобликова, наших олимпийских чемпионов, и многих других подающих надежды конькобежцев и лыжников. А теперь мы познакомились с девятнадцатилетним пермским токарем Анатолием Акентьевым. Этот паренек из Канска, вставший всего несколько лет тому назад на лыжи, опередил в пути восемь опытных гонщиков. Акентьев дважды выполнил нормативы мастера спорта.

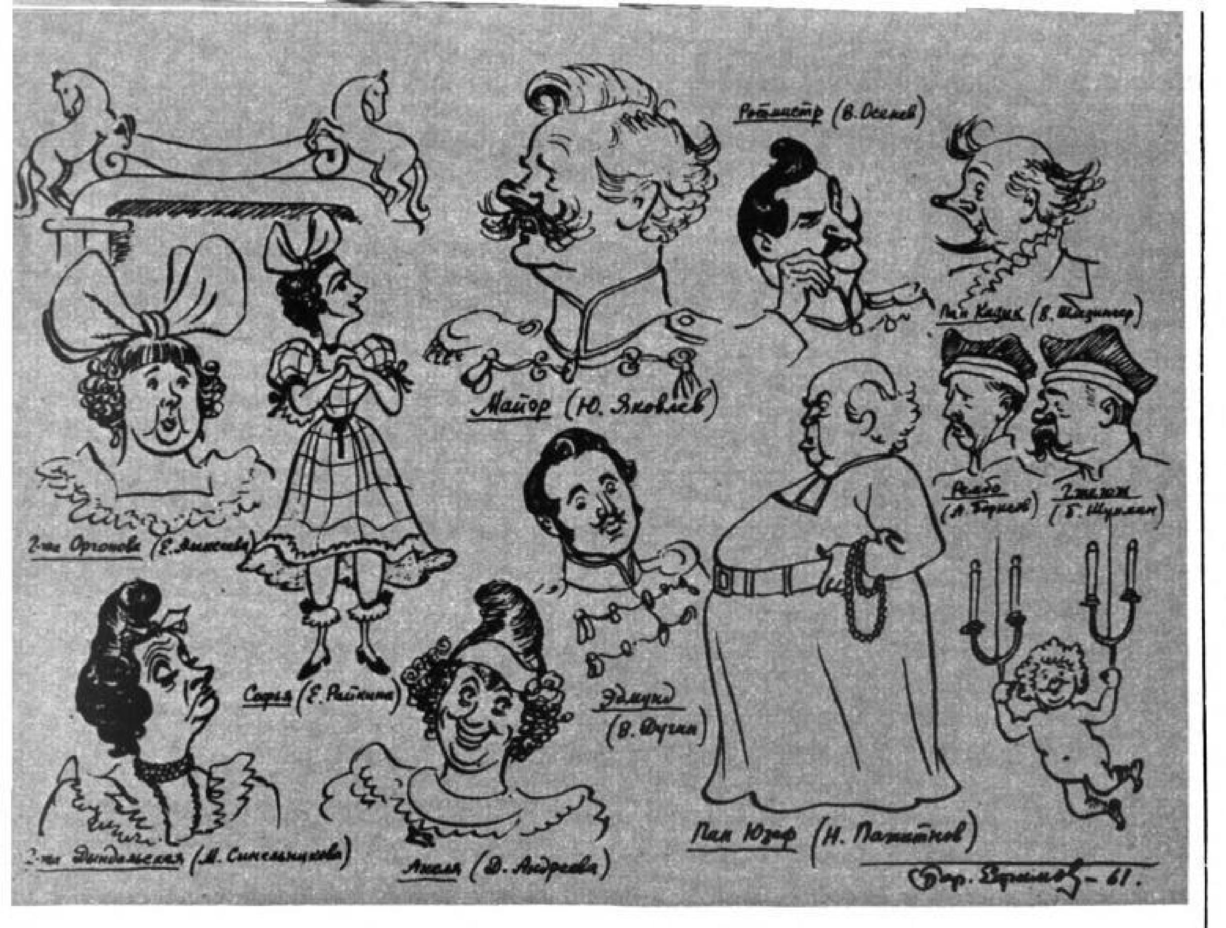
Конечно, основная борьба на лыжне и ледяных дорожках шла между известными мастерами. Победа Валентины Стениной, ставшей абсолютной чемпионкой Спартакиады по конькам, и успех Роберта Меркулова, установивших новое мировое достижение по сумме ледового многоборья, вполне закономерны, так же как и победа лучшего спринтера мира Евгения Гришина. Но вот в турнирной таблице вслед за фамилией Гришина появилось имя перворазрядника Бориса Гуляева, оставившего позади себя 19 мастеров спорта, и это было приятным сюрпризом для многих.

— Отличный спринтер, с большим будущим,— сказал нам Гришин.

Борису Гуляеву, питомцу заслуженного мастера спорта Татьяны Карелиной, 19 лет. Совсем недавно он с отличием закончил Свердловский машиностроительный техникум и будет работать механиком на Уралмашзаводе.

Молодежь — надежда нашего спорта, и очень отрадно, что засверкали новые имена, да и как им не засверкать, если в соревнованиях второй зимней Спартакиады участвовало на два миллиона больше спортсменов, чем в первой. За это время созданы тысячи новых физкультурных коллективов. Теперь до следующей зимы, до следующей встречи на первой зимней Спартакиаде народов СССР!

Г. ГРИГОРЬЕВ

ФРЕДРО СМЕЕТСЯ...

Польский драматург XIX века Александр Фредро, создавший пьесу «Дамы и гусары», знал толк в смешном. Недаром его называют польским Мольером. Видный критик Козьмян заявлял даже: «Фредро воскресил смех в Польше после ее падения».

Фредро написал множество комедий, изображающих быт и нравы шляхты. И хоть давно канули в вечность шляхтичи, лучшие комедии Фредро до сих пор не сходят со сцены. Они так глубоко проникнуты национальным духом, юмор их настолько оригинален, сценическая форма так изящна, что зрители по сей день радуются спектаклям этого большого драматурга. Правда, в свое время один из критиков жестоко обидел Фредро своими несправедливыми нападками—драматург поклялся не издавать более своих произведений и 40 лет не сдавался на просьбы друзей и почитателей его таланта. Он не переменил своего решения даже после 1865 года, когда в его честь была отчеканена медаль... Кто знает, сколько творческих замыслов не воплотил драматург, оскорбленный злобной критикой! Ведь Фредро прожил долгую жизнь — 83 года. Он был не только веселым, но также и мудрым человеком: живущая в его комедиях беззаботная веселость сочетается с глубокой, казалось бы, неожиданно возникающей грустью. Зрители одновременно смеются над добродушным Майором и жалеют его. На склоне лет Майора посетила настоящая любовь, но она не может быть счастливой: слишком поздно пришла!..

В Москве постановку пьесы польского драматурга осуществила в вахтанговском театре народная артистка РСФСР А. И. Ремизова. Ей, участнице «Принцессы Турандот», ученице Вахтангова, оказалась близка стихия творчества Фредро. Обе ноты — и веселая и грустная — звучат в спектакле в полную силу, органично сплетаясь и не подавляя друг друга.

В «Дамах и гусарах» множество прелестных режиссерских находок. Семеро дам — родственницы Майора и их служанки — врываются в замок к женоненавистникам военным, словно враждебная стихия. Лукавство, интриги, обмороки, слезы — все чары пущены в ход. И, конечно, не могут устоять гусары...

Вы спросите: почему ни слова об актерах? Разве успех спектакля от них не зависит? Нет, актеры превосходны! Дело в том, что о них рассказывает читателям журнала художник Борис Ефимов, побывавший на спектакле. Поглядите на эти дружеские шаржи: здесь полное признание заслуг Ю. Яковлева, В. Осенева, Н. Пажитнова, Д. Андреевой, Е. Алексеевой, Е. Райкиной, короче, всего коллектива, играющего весело и остроумно.

Н. ВЕРИНА

ОГОНЁК ДЛЯ ДОМА

КУХНЯ

Прежде всего условимся, что речь пойдет о новой квартире, в которой живет одна семья. Тогда кухня может одновременно служить столовой.

Кухня обязательно должна быть светлой; очень хорошо, когда стены до половины выложены кафелем: он красив и легко моется. Если между плитками остались довольно широкие промежутки (около сантиметра), их можно закрасить в цвет остальной части стены. Лучше всего взять темперу: эта краска не боится воды. На белом кафеле образуется очень красивая яркая клетка.

Можно рекомендовать все оттенки светло-голубого и светло-желтого; желтый особенно хорош: он создает ощущение солнца в комнате.

Если кафеля нет, стены на две трети высоты покрасьте масляной краской, остальную часть и потолок — клеевой, другого цвета. Тщательно продумайте сочетание красок. Например, желтый низ стены сочетается с белым или светло-желтым верхом; салатный — с золотистым, беж — с голубым. Главное — подбирать только светлые оттенки. К сожалению, некоторые хозяйки думают, что темные стены практичнее. Это неверно. Масляная краска легко моется, и в «защитном» цвете, маскирующем грязь, нужды нет.

Очень портят вид кухни трубы: водопровода, отопления, газа. Как правило, строители красят их в серый цвет. Перекрасьте их сами белой эмалевой краской, и комната сразу станет нарядней.

Горизонтальные трубы можно использовать, как своеобразные полочки для раскрашенных деревянных игрушек.

Для сушки белья вместо веревок натяните обыкновенную капроновую леску толщиной в один миллиметр: она прочна, всегда чистая и почти незаметна для глаз.

Если нет специальной мойки, а установлена обычная раковина, под ней можно устроить шкафчик и туда убирать веник, тряпки, совок для мусора. Шкафчик этот закроет сточные трубы, покрасить его надо в цвет мебели.

Занавеска на окне должна быть короткой, легко снимающейся для стирки. Ткань для нее надо брать легкую, лучше всего ситец, расцветка которого гармонирует со стенами и потолком.

Существуют специальные комплекты кухонной мебели. Они состоят из разного типа буфетов, моек и сушилок для посуды, настенных шкафов, полок и табуреток.

Мебель для кухни легко сделать самому, особенно настенные шкафы и полки, из досок и фанеры. Вся мебель кухонная всегда окрашивается в белый цвет. Но внутреннюю часть шкафов и полок можно сделать цветными, например, ярко-красными.

Очень хорошо иметь однотипный набор коробок или банок для хранения сыпучих продуктов: сахара, крупы, кофе, соли, перца и т. п. Коробки эти легко сделать самому из фанеры или купить готовые; они красиво оформлены.

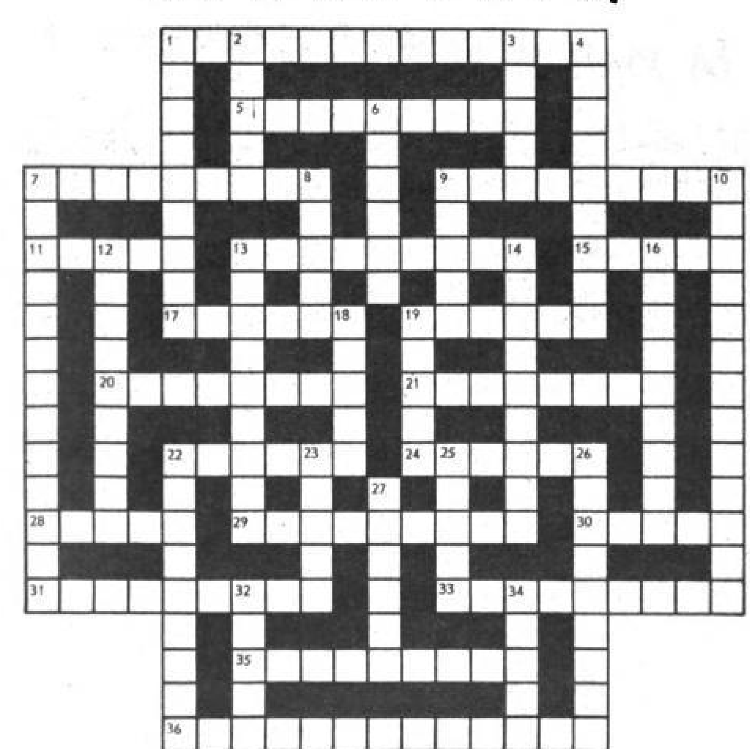
Около плиты повесьте на стену деревянную спичечницу и солонку, а также набор кухонных инструментов. Такие наборы есть в магазинах.

Над мойкой поместите специальную решетку для сушки посуды или настенный шкаф, в котором вместо дна решетка с гнездами для тарелок.

Когда в кухне уютно, в ней приятно и пообедать. Для этого нужен обыкновенный стол. Можно сделать и откидной, на шарнирах. Скатерть цветная, а сверху прозрачная, полиэтиленовая.

Табуретки круглые. Их сиденья красят нитроэмалевой краской в яркие цвета: красный, желтый, голубой, зеленый. Ножки точеные, лакированные, цвета дерева. Их можно сделать самому. Бывает и другой тип табуреток — квадратные. Они похожи на обычные, но сиденье поднимается, а под ним ящик, куда убирают

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Порода высокогорных овец. 5. Медицинское учреждение. 7. Общепризнанное значение. 9. Здание для приезжих. 11. Толстая веревка 13. Короткое сатирическое произведение. 15. Горная часть Китая. 17. Список, перечень документов. 19. Древнее оружие. 20. Собственноручная подпись, рукопись. 21. Вид обработки металлических деталей. 22. Сетчатая оболочка глаза. 24. Стеклянный сосуд. 28. Государство в Африке. 29. Русский актер-трагик XIX века. 30. Итальянский композитор. 31. Цветной узор, расцветка. 33. Река в Якутии. 35. Порт в Западной Европе. 36. Толкование, объяснение.

По вертикали:

1. Прибор для отбора проб газов. 2. Льняная ткань. 3. Оттенок звучания. 4. Исполнительница второстепенной роли без слов. 6. Произведение Айни. 7. Музыкант. 8. Герой одного из романов Ч. Диккенса. 9. Буква греческого алфавита. 10. Новая отрасль астрофизики. 12. Армянский поэт. 13. Специальность инженерно-технического работника. 14. Древнегреческий драматург. 16. Счетный работник. 18. Созвучное окончание стихотворных строк. 19. Каменистый выступ дна реки. 22. Создатель Зимнего дворца в Ленинграде. 23. Пушной зверек. 25. Спортивная игра. 26. Судоходство, мореплавание. 27. Первый директор Пулковской обсерватории. 32. Марка телевизора. 34. Древнерусский город.

Ответ на задачу, напечатанную на 31-й странице в № 12

$$81 - 19 = 62$$
$$: \quad + \quad -$$
$$3 \times 4 = 12$$
$$27 + 23 = 50$$

На первой странице обложки: Режиссер Г. Н. Чухрай во время съемок фильма «Чистое небо» репетирует с артистами Ниной Дробышевой и Виталием Коняевым (см. в номере «Большой Мосфильм»).

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Ранней весной.

Фото Л. Зиверта.

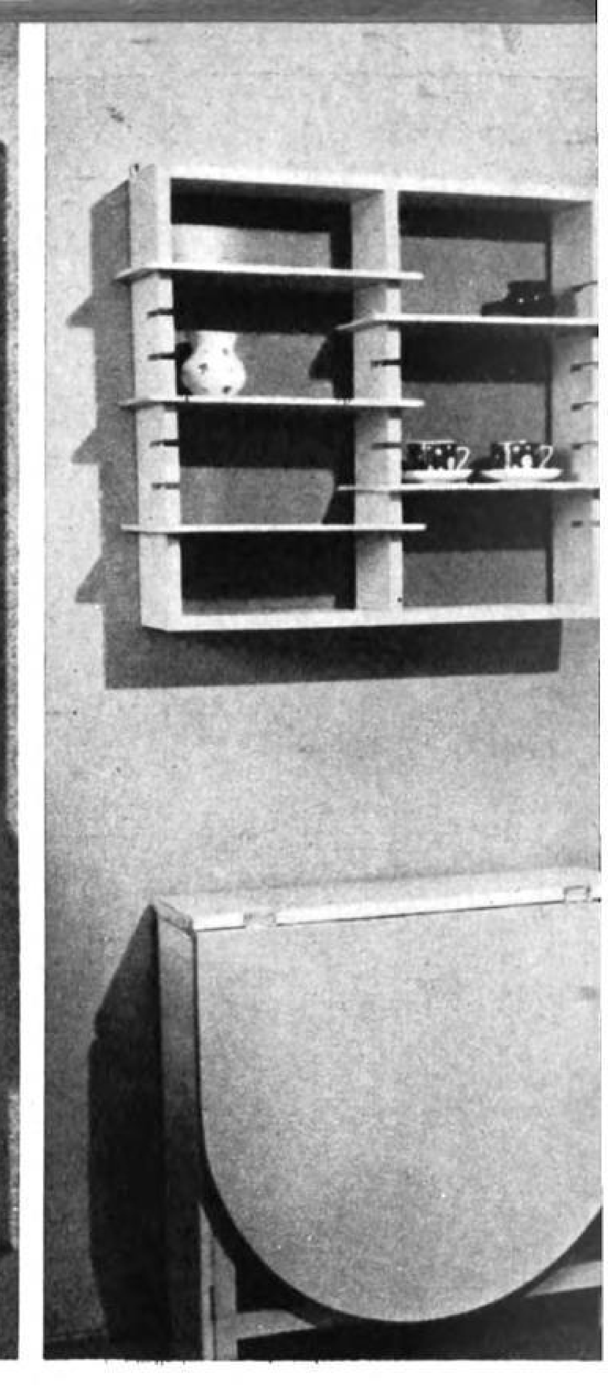
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 7. Фарадей. 8. Вариант. 9. Яблоко. 11. Омолон. 12. Дирижер. 15. Вавилов. 17. Смарида. 18. Метелка. 19. Слиток. 20. Лондон. 23. Скрепер. 26. Окинава. 27. Цейтнот. 28. Доверие. 29. Родина. 31. Нутрия. 33. Гораций. 34. Линотип.

По вертикали: 1. Тарбаган. 2. Рамо. 3. Велодром. 4. Панорама. 5. Кито. 6. Антонида. 10. Лифтер. 13. Чиполлино. 14. Хронометр. 16. «Верочка». 17. Скворец. 21. Кеплер. 22. Скоморох. 23. «Свидание». 24. Рецензия. 25. Возничий. 30. Ирак. 32. Троп.

одежные или обувные щетки и т. п. Ящики хорошо покрасить в белый цвет, а сиденье сделать ярким или клетчатым.

Люстра на кухне может быть любая, не надо только оставлять лампочку открытой. Очень хороши люстры из дерева, окрашенные в яркие цвета, или обычный белый шар на прямой металлической штанге. Эту штангу легко покрасить яркой нитроэмалью, а на стекло нанести какой-нибудь узор или орнамент.

Цветов на подоконник ставить много не следует: они будут загораживать свет; достаточно одного-двух.

В продаже сейчас есть много керамики: фигурки животных, куманцы, кувшины... Они сравнительно недороги и также очень украсят кухню, если их поставить на шкафы и полки.

Все, что можно сделать самому, не перечислишь. Не следует только забывать основного: что кухня предназначена для приготовления пищи и поэтому здесь прежде всего должно быть чисто, как в операционной хирурга.

Художник Л. ДУБИНСКАЯ

На снимках:

1. Уголок кухни.

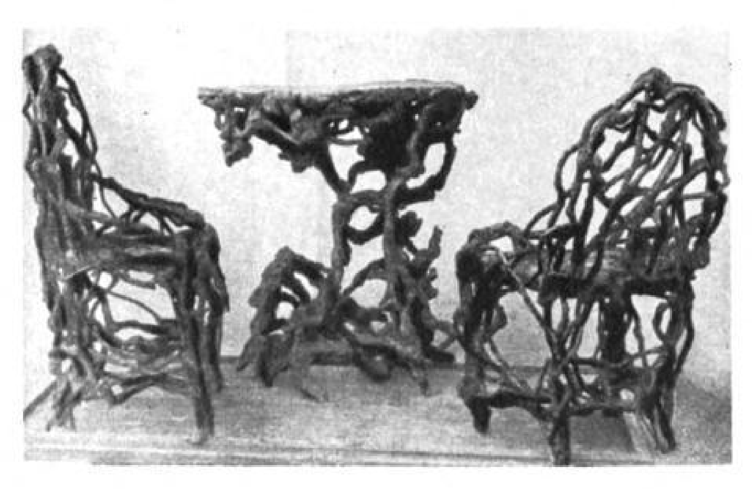
2. Кухонный буфет с откидной доской. Она может быть использована в качестве стола. Опорой служит открытая дверца нижнего отделения буфета.

3. Кухонный обеденный стол для одного-двух человек. Подъемная полукруглая доска опирается на раму, которая открывается на петлях. Небольшая этажерка для чайной посуды. Полочки легко переставляются.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ГАРНИТУР

В краеведческом музее Нерчинска экспонируются столик и кресла, сделанные из корней боярышника и забайкальской березы. Оригинальный гарнитур, сделанный одним из политических ссыльных, в свое время украшал Нерчинский дворец золотопромышленника Бутина. К сожалению, имя умельца, создавшего эту своеобразную мебель, пока установить не удалось.

Л. ЧЕРНЯК

ВОТ ЭТО РЫБА!

Рыбаки одного из траулеров Мурманского тралового флота подарили полярникам поселка Кольсбей (Шпицберген) ската, выловленного в Баренцовом море. Длина рыбы вместе с хвостом — около полутора метров, ширина — 60—80 сантиметров. Хвост рыбы усеян острыми шипами.

Н. ЗАЙЦЕВ

Остров Шпицберген.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02077. Подписано к печати 22/III 1961 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 900 000. Изд. № 564. Заказ № 745.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.